

СТОЛЬТИЕ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

СТОЛѢТІЕ

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ МИЗКО.

ОДЕССА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. НИТЧЕ.
1849.

Pv/
473

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ.

3360
25

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, Ноября 8-го дня 1849 года.
Цензоръ К. Зеленецкій.

ПРѢДИСЛОВІЕ.

Скептическій взглядъ на отечественную литературу не новость. Неоднократно высказывалось и высказывается сомнѣніе : есть ли у насъ литература, достойная имѣть свою исторію?... Правда, литература наша не привилась еще до той степени къ жизни народной, а жизнь народная въ такой мѣрѣ не усвоилась еще нашей литературѣ, что литература не составляетъ у насъ необходимой общественной потребности, а потому и не можетъ быть полнымъ выраженіемъ жизни народной и духа народнаго... Но, всматриваясь ближе въ ходъ умственной дѣятельности нашей, нельзя не признать нѣкотораго преемства ея фактовъ, связующаго неразрывнымъ союзомъ прошедшее съ настоящимъ въ залогъ будущаго. Систематическое познаніе этой связи явленій умственной жизни народной и есть то, что называется исторіей литературы. Въ этомъ отношеніи литература русская можетъ и должна имѣть свою исторію. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, надо лицомъ къ лицу знакомиться съ нашей

литературой во всѣ фазы ея развитія : оттого-то мы такъ равнодушны къ нашей литературѣ, что или совсѣмъ не знаемъ ее, или знаемъ очень поверхностно... Да, надо чаще обращать взоръ свой на прошедшее : тогда больше будетъ у насъ сочувствія къ настоящему и больше надежды на будущее.

Споспѣшествованіе этому, по мѣрѣ возможности, есть *цѣль* настоящаго изложенія, имѣющая въ виду преимущественно общедоступность : на этомъ основаніи *предметъ* настоящаго изложенія составляетъ, лишь, такъ называемую, изящную литературу, или собственно *словесность;* равнымъ образомъ *объемъ* ограничивается одною эпохой изъ исторіи литературы нашей, объемлющею юношескій ея возрастъ : такъ какъ народная словесность наша, въ предшествующую эпоху младенства нашей литературы, болѣе можетъ быть предметомъ интереса археологическаго, словесности же литературной въ эту эпоху еще не было.

Разсматривая историческую судьбу отечественной литературы, нельзя не замѣтить, что *эпоха младенчества* ея была нарочито продолжительна. Она соотвѣтствуетъ восьми-вѣковой государственной жизни, прошедшей столько искушеній — междоусобныя волненія періода удѣловъ, тяжкое иго монгольскаго владычества, смуты самозванцевъ и междуцарствія, — пока Промыслъ, благодѣющій нашей Руси православной, даровалъ ей спасеніе и утвержденіе въ благословенномъ Домѣ Романо-

выхъ, подъ счастливымъ самодержавствомъ котораго наше любезное отечество разцвѣло, созрѣло и мужается... Самымъ же мощнымъ воскресителемъ, обновителемъ, просвѣтителемъ Россіи былъ Петръ I. Онъ дѣлитъ нашу политическую исторію на двѣ рѣшительныя, діаметрально одна другой противоположныя, половины... По мановенію всемощной десницы гепія преобразователя, русскій духъ воспрянулъ, почуялъ свою мощь исполинъ, нѣсколько вѣковъ таившій свои силы внутрь самаго себя, и быстро шагнула наша Русь впередъ — по пути, указанному ей геніемъ Петра къ ея славѣ и величію. Съ этаго времени и литературная жизнь народа русскаго принимаетъ иное направленіе... Сѣмена, засѣянныя въ царствованіе Петра I, вскорѣ по кончинѣ его, принесли плоды... Явился великій исполнитель великихъ намѣреній Великаго Монарха и, подобно ему, вдохнувшему въ нашъ государственный составъ новую жизнь, также обновляетъ новымъ духомъ нашу жизнь умственную... Это былъ безсмертный Ломоносовъ, съ котораго, по всей справедливости, обновленная наша литература начинаетъ свой *юношескій возрастъ*. Начало этой эпохи соотвѣтствуетъ началу литературной дѣятельности Ломоносова, относящемуся къ 1739 году; конецъ же — смерти Пушкина, послѣдовавшей въ началѣ 1837 года : въ тотъ и слѣдующіе годы продолжалъ издаваться, отъ имени Пушкина, журналъ его

«Современникъ,» въ которомъ слышались еще посмертные его звуки, — отсутствовавшій, — онъ какъ бы соприсутствовалъ въ нашей литературѣ послѣдними остатками своей литературной дѣятельности, плодами которыхъ было усиленное литературное движеніе и измѣненіе литературныхъ идей съ 1839 года, съ котораго начинается *зрѣлый возрастъ* нашей литературы.

Это *столѣтіе русской словесности съ 1739 по 1839 годъ* и составляетъ раму настоящаго *очерка*. Для уясненія же послѣдующаго предшествующимъ, необходимо, въ предварительномъ *введеніи*, прослѣдить предшествовавшій появленію въ литературѣ нашей Ломоносова послѣдній періодъ эпохи ея младенчества, — періодъ переходной, или пріуготовительный къ дальнѣйшему самостоятельному развитію литературы въ эпоху юности, подраздѣляющуюся также на три періода, представителями которыхъ — Ломоносовъ, Карамзинъ и Пушкинъ.

Вотъ содержаніе и предѣлы, согласно съ предположенною цѣлью, этого *очерка русской словесности*.

ВВЕДЕНІЕ.

КАНТЕМИРЪ. ТРЕДЬЯКОВСКІЙ.

Изъ русскихъ писателей, предшествовавшихъ Ломоносову, — отцу русской литературы и законодателю русскаго языка, — было лишь два, непосредственно подвизавшіеся на поприщѣ русской словесности, которой они являются въ исторіи русской литературы первыми представителями, это — *Кантемиръ* и *Тредьяковскій*. — Оба они начали писать прежде Ломоносова, лѣтъ за десять, и оба писали тѣмъ языкомъ, который послѣ преобразованъ былъ Ломоносовымъ. Оба они получили обширное европейское образованіе и первые внесли въ нашу литературу, — ограничивавшуюся до того времени кругомъ духовнымъ и историческою лѣтописью, — новый элементъ, послужившій основаніемъ свѣтской словесности. Но, по различному общественному положенію, труды ихъ имѣли различное направленіе : у Кантемира — аристократа по происхожденію, по службѣ полномочнаго министра при дворахъ англійскомъ и французскомъ, — занятіе словесностью было, выражаясь языкомъ того

времени, лишь *пріятнымъ отдохновеніемъ съ музами* въ часы досуга отъ дѣлъ государственныхъ; у Тредьяковскаго — не знатнаго родомъ, бывшаго профессоромъ элоквенціи при с. петербургской академіи наукъ, — занятія литературныя были *офиціальнымъ служеніемъ Аполлону*, входившимъ въ составъ его профессіи. —

Кантемиръ, родившись и образовавшись въ царствованіе Петра I, былъ личнымъ свидѣтелемъ великаго государственнаго преобразованія, совершеннымъ въ Россіи первымъ ея императоромъ. — Преобразованіе Петра касалось не только всѣхъ видовъ государственной администраціи и формъ внѣшняго народнаго быта, но и самой природы нравственной и даже физической народа русскаго. Иначе и быть не могло. Карамзинъ, возражая противъ почитающихъ преобразованіе, совершенное Петромъ I въ Россіи, насильственнымъ, говоритъ [1]): «Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ; Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ, во первыхъ для того что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гиб-

---

[1]) Письма русскаго путешественника, въ Смирдинскомъ изданіи, 1848, т 2, стр 511

кими, способными учиться и перенимать.» — Около десяти лѣтъ какъ обнародованы любопытныя подробности о состояніи государства и народа въ Россіи до Петра I современника эпохи, предшествовавшей реформѣ Петровой [1]). Вспомните подробности, которыя разсказываетъ Кошихинъ о свадебныхъ обрядахъ двора (стр. 8 — 10), по примѣру которыхъ бывали и свадьбы бояръ, дворянъ и «противъ тогожъ обычая» торговыхъ людей и крестьянъ, картины семейнаго быта при дворѣ (стр. 12), и у бояръ (118 — 119); также описаніе продѣлокъ отцовъ и матерей — сбывать съ рукъ дочерей невѣстъ и бывавшихъ притомъ обманахъ, гдѣ онъ говоритъ: «Благоразумный читателю! не удивляйся сему; истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ; *а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрѣти и уговариватися временемъ съ невѣстою самому.*» (стр. 126 — 127). Вспомните изображеніе мѣстничества, представляющее эти интересныя сцены: «Также какъ у царя бываетъ столъ на властей и на бояръ, и власти у царя садятся за столомъ, по правой сторонѣ въ другомъ столѣ. И какъ тѣ бояре учнутъ садиться за столъ, по чину своему, боярин подъ бояриномъ, окольничей подъ окольничимъ и подъ боярами, думный человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ

---

[1]) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Современное сочиненіе Григорія Кошихина. С. Пб. 1840

и подъ окольничими и подъ боярами, *а иные изъ нихъ вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность подъ тѣми людьми садитися за столомъ не учнутъ*, поѣдутъ по домамъ, или у царя того дни отпрашиваются куды къ кому въ гости, и такихъ царь отпущаетъ. А буде царь увѣдаетъ, что они у него учнутъ проситися въ гости на обманство, не хотя подъ которымъ человѣкомъ сидѣть, или не прошався у царя поѣдетъ къ себѣ домой: и такимъ велитъ быть и за столомъ сидѣть, подъ кѣмъ доведется. И они садитись не учнутъ, а *учнутъ бити челомъ, что ему нижае того боярина, или окольничего, или думнаго человѣка, сидѣти не мочно, потому что онъ родомъ съ нимъ ровенъ, или и честняя, и на службѣ и за столомъ прежъ того рода ихъ съ тѣми родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывалъ;* и такого царь велитъ посадити сильно; и онъ посадити себя не даетъ, и того боярина безчеститъ и лаетъ. А какъ его посадятъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ и выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пущаютъ и разговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ кричитъ: «хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть» и спустится подъ столъ; и царь укажетъ его вывесть вонъ и послать въ тюрму, или до указу къ себѣ на очи пущати не велитъ. А послѣ того, за то ослушаніе отнимается у нихъ честь, боярство, или окольничество и думное дворянство — и потомъ тѣ люди

старые своей службы дослуживаются вновь. А кому за такіе вины бываютъ наказанія, сажаютъ въ тюрму, и отсылаютъ головою, и бьютъ батоги и кнутомъ : и то записываютъ въ книги, имянно, впредь для вѣдомости и спору» (стр. 34 — 36). Вспомните и сообщаемыя Кошихинымъ извѣстія о тогдашней администраціи въ Россіи : «И кто что въ посольствѣ своемъ говорилъ какіе рѣчи, сверхъ наказу, или которые рѣчи не исполнятъ противъ наказу : и тѣ всѣ рѣчи, которые говорены, и которые не говорены, пишутъ они въ статейныхъ своихъ спискахъ не противъ того, какъ говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разумъ на обманство, чрезъ чтобъ достать у царя себѣ честь и жалованье большое; и не срамляются того творити, понеже *царю о томъ кто на нихъ можетъ о такомъ дѣлѣ объявити?*» (стр. 41); уловки клятвопреступнаго взяточничества : «Однакожъ хотя на такое дѣло положено наказаніе и чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду по царскому указу и по уложенію : *ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся,* отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, *хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену, или дочерь, или чрезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и невѣдаютъ*» (стр. 93); грустные разсказы о пыткѣ,

употреблявшейся тогда при уголовномъ судопроизводствѣ и смертной казни, еще существовавшей въ то время (стр. 91 — 92).—Вотъ какова была Россія и народъ русскій, когда Петръ Великій принялъ ихъ подъ свое самодержаство!... А какими оставилъ ихъ чрезъ *тридцать шесть* лѣтъ! — Точно, по словамъ Карамзина, «одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть царя русскаго могла произвести такую незапную, быструю перемѣну!» [1]) Но чего это стоило! Исторія свидѣтельствуетъ объ открытыхъ возмущеніяхъ; а сколько было тайныхъ недовольныхъ и противниковъ!... И опять, съ другой стороны, какъ понимали многія мѣры благодѣтельной Петровой реформы даже самые исполнители ея! — И вотъ Кантемиръ видѣлъ всю странную смѣсь общества своего времени, состоявшую то изъ упорныхъ защитниковъ старины, то изъ новичковъ, которые отъ стараго отстали а къ новому не пристали; видѣлъ пороки, странности этого общества, въ которомъ азіатская лѣнь старой Руси сталкивалась съ мишурой и глянцомъ новой заморской образованности; чувствовалъ достоинство истиннаго просвѣщенія европейскаго, составившагося изъ наслѣдія, завѣщаннаго древнимъ міромъ — Греціей и Римомъ; пламенно желалъ видѣть свое отечество и въ умственномъ отношеніи достойнымъ своего полити-

---

[1]) Смирд изд 1847 стр 515

ческаго значенія: и здѣсь то источникъ его патріотическаго одушевленія, отличающаго его литературную характеристику, въ этомъ отношеніи весьма замѣчательную. — Онъ писалъ *пѣсни, басни, эпиграмы;* но преимущественно *сатиры,* которыхъ имъ написано восемь: здѣсь онъ ѣдко преслѣдуетъ современные пороки, метко издѣвается надъ слабостями, горячо вступается за благо просвѣщенія, за права ума, добродѣтели, за прямую пользу общественную...[1]) Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ первой сатиры «На хулящихъ ученіе»: таковы ханжа Критонъ, скупецъ Сильванъ, сибаритъ Лука, щеголь Медоръ...

Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами;
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину...

Сильванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего незная Латынѣ
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли...

---

[1]) Въ этомъ онъ сошелся съ славнымъ сподвижникомъ Петра I, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, неутомимо гремѣвшимъ съ каѳедры церковной на противниковъ благодѣтельнаго преобразованія Россіи великимъ монархомъ, особенно же на упорныхъ невѣжъ. За первую сатиру Кантемира архипастырь почтилъ его посланіемъ, за которое поэтъ отблагодарилъ его третьею сатирою, ему посвященною.

Румяный трожды рыгнувъ Лука подпѣваетъ :
Наука содружество людей разрушаетъ ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали ,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному , когда я запруся
Въ чуланъ , для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся ?
Когда все дружество , вся моя ватага
Будетъ чернило , перо , песокъ , да бумага ?
Въ весельи , въ пирахъ мы жизнь должны провождати ;
И такъ она не долга, на что коротати ,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи ?
Нелучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи ?

Медоръ тужитъ , что чрезъ чуръ бумаги исходитъ
На письмо , на печать книгъ , а ему приходитъ
Что не во что завертѣть завитыя кудри ,
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ двухъ денегъ Виргилій не стоитъ ,
Рексу , не Цицерону , похвала достоитъ... [1])

Да и на что она, эта наука ?

Что въ наукѣ ? что съ нее польза Церкви будетъ ?
Иной пиша проповѣдь, выпись позабудетъ, [2])
Отъ чего доходамъ вредъ ; а въ нихъ Церкви права
Лучшія основаны и вся ея слава.
Хочешь ли судьею стать ? вздѣнь парикъ съ узлами ,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Еслижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы ,
Иль естественный законъ, иль народны правы,

---

[1]) Егоръ былъ сапожникъ , а Рексъ — портной , извѣстные тогда въ Москвѣ (какъ означено въ примѣчаніи къ этой сатирѣ)

[2]) „Выпись есть письмо приказное, которымъ судья свидѣтельствуетъ , что товаръ чистъ и что съ него въ государственную казну пошлина взята , или подтверждаетъ владѣніе земли, деревни, двора и проч “ (Примѣч)

Плюнь ему въ рожу, скажи что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну.

Да и какой почетъ наукѣ? —

Наука ободрана въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видѣнъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.

То ли дѣло жизнь свѣтская? —

Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ, [1])
Смыслитъ искусно прибрать съ своемъ платьѣ цвѣты:
Тому ужъ и въ самые молодые лѣты
Всякая высша степень, мзда ужъ не велика,
Седьми мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.

Или вотъ, на примѣръ, начало второй сатиры, вооружающейся на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ, въ формѣ діалога: —

Филаретъ.

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щеки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не кстати? [2])

---

[1]) „Дудочка значитъ кривую флейту, которая была въ великомъ употребленіи въ то время, когда сатира сія писана, и почти всѣ молодые люди на ней играть обучались“ (Примѣч.)

[2]) „Всѣмъ извѣстно высокомысліе бывшаго архіепископа Р[ост]ов[ск]аго, который ничего такъ не желалъ какъ быть главнѣйшимъ церкви россійской, а для полученія того чина, много конеи раздарилъ, которыхъ имѣлъ изрядный заводъ“ (Примѣч.)

Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Карть ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова?
Матерь знаю, и родня твоя вся здорова,
Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не претитъ жить въ покоѣ многомъ.
Чтожъ молчишь? Ужъ ли твои уста косны стали?
Не знаешь ли сколь намъ другъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а[1] дознаюсь я самъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ достигъ перемѣну чина,
Трифону лента дана, Туллій деревнями
Награжденъ: ты съ пышными презрѣнъ именами,
Забыта крови твоей и слава, и древность
Предковъ, къ общества добру, многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ тонна неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

Евгеній.

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ незавидно,
Чувствую сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно;
Что кто еще не всѣ стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, сальные, крича, ясно свѣчи
Горятъ, кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ[1]);
А благородство мое во мнѣ унываетъ,
И не сильно принести мнѣ никакой польги.
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать побливе,
Думнаго, намѣстника, никто не былъ ниже;

---

[1]) Намекъ на Меньшикова

Искусны въ мирѣ, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ — дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей залы,
Увидишь какъ рвали строй, какъ ломали валы.
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу отсуду обидчикъ.
А батюшка уѣзъ всѣмъ верхъ; какъ его нестало
Государства правое плечо съ нимъ отпало.
Какъ батюшка выѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему головою въ ноги,
Всегда за нимъ выборна таскалася свита,
Что на день рано съ утра крестова набита
Тѣми, которыхъ теперь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ братъ милость ожидаетъ
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кланялись съ полными руками?
И когда батюшка къ нимъ промолвитъ хоть слово,
Загоропѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Текли изъ глазъ съ радости, иной неспокоенъ
Всѣмъ наскучитъ хвастая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говорить, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кладъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣвъ, забытымъ остаться!
Послѣднимъ видѣть себя, куда глазъ ни вскину?

Здѣсь не нужны никакія поясненія: эта прекрасная картина современнаго поэту міра, въ которомъ еще долго оставались слѣды мѣстничества, говоритъ сама за себя. —

Не безъ умысла приведены всѣ эти извлеченія изъ сатиръ Кантемировыхъ, чтобы мало знакомые могли убѣдиться, что они стóятъ — и стоятъ не только любопытства, но серьезнаго изученія... Намъ столько съ дѣтства, на школьной скамьѣ, толкуютъ о *тяжелыхъ* стихахъ Кантемира, что не диво,

если — по словамъ Жуковскаго — «рѣдкій изъ русскихъ развертываетъ его сатиры»[1])... Между тѣмъ въ приведенныхъ примѣрахъ безпристрастный читатель самъ увидитъ, въ какой мѣрѣ мнѣніе о неудобочитаемости стиховъ Кантемира преувеличено... Вся причина — конструкція силлабическихъ стиховъ Кантемира, тринадцатисложныхъ съ цезурой послѣ семи слоговъ и съ женскою рѣмою : эта то цезура, всегда на одномъ мѣстѣ, и неизмѣнное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, отъ котораго происходитъ своевольная перестановка ударенія, насилующая звуки, причиной иногда неблагозвучія стиховъ Кантемира... Но вслушайтесь въ эти силлабическіе стихи, изъ посвященія императрицѣ Елисаветѣ поэтомъ его сатиръ, звучащіе стройной гармоніей греческаго гекзаметра :

Трижды строилъ лиру я, и дрожащи персты
Трижды на струны павелъ, и уста отверзты
Готовили тебѣ пѣснь; трижды раздѣляя
Быстро воздухъ, прилетѣлъ изъ вышняго края
Небесъ бѣлокурый богъ, обличилъ отвагу
Мою съ гнѣвомъ : изодравъ струны, лиру нагу
Вырвалъ изъ рукъ, изломалъ и стиснулъ мнѣ губы.
Видѣлъ я въ свѣтломъ его лбу морщины грубы,
Молніи яросць въ очахъ, и на лицѣ пламень;
Безгласенъ, недвижень я сталъ съ страху какъ камень.

Или, вотъ напримѣръ, на удачу, нѣсколько стиховъ изъ четвертой сатиры «Къ музѣ своей», въ кото-

---

[1]) Соч. Жуковск. т VII, стр 93

рыхъ нельзя не разслушать складу русскаго ума и русской рѣчи :

Знаю, что правду пишу, и именъ незначу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу;[1])
Да правда рѣдко люба, и часто некстати.

..... безъ всякой украсы
Болтнешь, что не дѣлаютъ черница одне рясы:
Такъ ли теперь говорятъ, такъ ли живутъ въ людяхъ?
Медъ держи на языкѣ, а желчь всю прячь въ грудяхъ...

..... *тропа та не нова;*
Всякъ такъ пишетъ, кто хвалить у насъ кого хочетъ,
Тому, кого въявь поетъ, самъ въ сердцѣ хохочетъ.

Есть о чемъ писать, былабъ лишь къ тому охота,
Было бъ кому работать, безъ конца работа.
А лучше вѣкъ не писать, нежъ писать сатиру,
Что приводить въ ненависть меня всему міру.

Да, Кантемиръ, не только по внутреннему характеру своей поэзіи, сатирическимъ направленіемъ своимъ запечатлѣлъ будущее направленіе нашей словесности, выражавшееся постоянно у главнѣйшихъ ея дѣйствователей, начиная отъ Сумарокова, Фонъ-Визина, Державина, Крылова, Грибоѣдова, до Гоголя въ наше время; но и по внѣшней формѣ,

---

[1]) Вспомнимъ у Гоголя „видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“ (Мертв Души, стр 238) —

отдавъ дань своему времени силлабическимъ размѣромъ стиха своего, онъ, по духу языка, опередилъ далеко свое время и принадлежитъ къ позднѣйшему! — Что же касается до отношеній его сатиръ къ иноземнымъ образцамъ, которымъ онъ подражалъ, то онъ самъ говоритъ, что въ сочиненіи своихъ сатиръ, наипаче «Горацію и Боалу французу послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ» [1]).

Тредьяковскій, сорокъ лѣтъ трудившійся на поприщѣ литературномъ, писалъ *оды, идилліи, басни*; сочинилъ *трагедію* «Деидамія», *панегирикъ*, или «Похвальное слово императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ»; оставилъ нѣсколько *разсужденій*, относящихся къ отечественной филологіи — «Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ», «Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ россійскомъ стихотвореніи», «Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи старинной и новой и вообще что принадлежитъ къ сей матеріи», да ненапечатанныя: «Объ окончаніяхъ нашихъ прилагательныхъ множественныхъ и мужескихъ именъ», «Разсужденіе объ окончаніяхъ собственныхъ нашихъ именъ, мужескихъ съ греческихъ и латинскихъ на Асъ и Исъ», также и къ отечественной исторіи — «Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ:

---

[1]) См. предисловіе въ Сумаровскомъ изданіи, стр. XIX.

1) О первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ, 2) О первоначалiи Россовъ, 3) О Варягахъ Руссахъ славянскаго званія, рода и языка»; перевелъ героическими ямбами «Горацiеву епистолу о стихотворствѣ» и «Стихотворческую науку Боало» съ примѣчаніями, преложилъ гекзаметрами Фенелонова Телемака подъ названіемъ «Телемахиды», съ обширнымъ въ предисловiи трактатомъ объ героической или эпической поэмѣ; сверхъ того оставилъ множество переводовъ, въ томъ числѣ 16 томовъ «Ролленевой древней и римской исторiи», дважды имъ переведенной, и 4 тома «Кревiеровой о римскихъ императорахъ», съ большими при каждой предисловiями. —

Тредьяковскiй представляетъ въ нашей литературѣ до Ломоносова первый примѣръ трудолюбиваго и съ обширными, основательными свѣдѣніями, ученаго. — Онъ имѣлъ свои задушевныя убѣжденія и горячо стоялъ за нихъ съ постоянствомъ, доходившимъ до упорства. Это то упорство было причиной, что его языкъ въ стихахъ и прозѣ коснѣлъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ началъ писать, хотя въ началѣ его литературнаго поприща, языкъ русскiй, преобразованный Ломоносовымъ, по стезѣ, имъ проложенной, сдѣлалъ значительные успѣхи: извѣстно что Екатерина II употребляла стихи Тредьяковскаго въ наказаніе для

своихъ придворныхъ [1]). И между тѣмъ этотъ самый Тредьяковскій писалъ легкіе французскіе стихи, которые могли бы весьма понравиться этимъ придворнымъ не хуже мадригаловъ Шольё [2])!

---

[1]) „При императрицѣ Екатеринѣ II въ эрмитажѣ установлено было шуточное наказаніе, за легкую вину выпить стаканъ холодной воды и прочесть изъ Телемахиды страницу; а за важнѣйшую выучить изъ оной шесть строкъ. Сей законъ написанъ былъ золотыми буквами на таблицѣ, которая и до нынѣ цѣла“ (См Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія, изд. Погодинымъ. М. 1845, т II, стр 221).

[2]) См. Чтенія о русскомъ языкѣ Грeча, 1841, ч I, стр 97

СТОЛѢТІЕ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

съ 1739 по 1839 годъ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ЛОМОНОСОВЪ.

Кантемиръ и Тредьяковскій — были *предтечи*, предъуготовившіе путь отцу нашей литературы и законодателю нашего языка... *Его* же, давно желаннаго по предчувствію, давно ожиданнаго по всеобщей готовности къ принятію, еще не было... И *онъ* является чудеснымъ образомъ — какъ избранникъ свыше предопредѣленный для своего великаго назначенія — быть сотрудникомъ умственнаго преобразованія Россіи, начатаго Петромъ Великимъ.

Сынъ холмогорскаго рыбака Василія Дорофеева, *Михаилъ Ломоносовъ*, до 16-ти лѣтъ едва умѣвшій читать и писать, въ слѣдствіе какого-то роковаго душевнаго влеченія къ ученію, оставляетъ домъ родительскій и при обозѣ съ рыбой бѣжитъ въ Москву; учится тамъ въ такъ называемой «словено-

греко-латинской академіи»; терпитъ нужду, имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья на пропитаніе, обувь, бумагу и прочія надобности; выдерживаетъ насмѣшки школьниковъ, указывавшихъ на него пальцами: «смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться!» Не взирая, однакожъ, на все это, онъ учится прилежно и своими успѣхами изумляетъ своихъ наставниковъ и заставляетъ уважать себя своихъ товарищей. Но смутное предчувствіе говоритъ ему, что это не то, къ чему рвалась душа его: ему удалось побывать въ Кіевѣ; но свѣжая голова его не помирилась съ схоластическими умствованіями, встрѣченными имъ тамъ... Изъ Москвы его посылаютъ въ Петербургъ: новая сфера практическаго ученія, противоположнаго прежнему метафизическому, на нѣсколько времени удовлетворяетъ тревожный духъ юноши; но скоро опять заговорила въ немъ тоска о болѣе обширномъ кругѣ вѣдѣнія... И вотъ онъ въ Германіи!... Сбылись, наконецъ, мечты его; блаженствуетъ онъ въ свѣтломъ мірѣ истинной науки: это уже не мишура семинарская, не педантизмъ гимназическій, это уже истинная ученость своего времени... Какъ сладостно впиваетъ онъ въ себя божественную росу знанія по различнымъ частямъ въ сферѣ наукъ философскихъ, математическихъ и естественныхъ... Въ то же время, по влеченію своего генія, онъ пытается создать отечественную версификацію и, въ самомъ дѣлѣ, изъ чужбины привѣтствуетъ отечество первыми рус-

скими стихами (1739 г.) — Но здѣсь, гдѣ, кажется, судьба вѣнчаетъ благородныя его усилія, снова преслѣдуютъ его испытанія судьбы : не окончивъ своего образованія, онъ уходитъ отъ долговъ, едва не попадаетъ къ прусскимъ вербовщикамъ; наконецъ достигаетъ Россіи... Вотъ уже Ломоносовъ и профессоръ академіи... Но и здѣсь, вмѣсто покойнаго исполненія всего, что онъ можетъ и хочетъ совершить на пользу наукъ и словесности въ отечествѣ, его встрѣчаютъ препятствія и противодѣйствія : чего не претерпѣлъ онъ и отъ невѣжества, не понимавшаго его, и отъ равнодушія, не сочувствовавшаго его пламеннымъ усиліямъ къ благу общественному, и отъ зависти, безпрестанно его преслѣдовавшей! [1]) — Правда, его утѣшало сознаніе своего призванія, выполняемаго по мѣрѣ силъ; подкрѣпляло покровительство вельможъ и высшихъ правительственныхъ лицъ того времени, между которыми особенною дружбою пользовался онъ у Шувалова; ободряло вниманіе отъ Престола трехъ монархинь, въ царствованіе которыхъ онъ дѣйствовалъ. — Поощряемый этими побужденіями, онъ постоянно и неутомимо трудится въ теченіе своего тридцатипятилѣтняго ученаго и литературнаго поприща, съ самою разнообразною дѣятельностью : онъ въ одно время физикъ, химикъ, астрономъ, художникъ мозаической живописи, педагогъ, историкъ, филологъ, стихотворецъ, ораторъ... [2])

---

[1]) См письма Ломоносова къ Шувалову и другимъ, въ Смирдиновскомъ изданіи его сочиненій. 1847, т I, стр 657 — 714

[2]) Тамъ же. прозаты и отрывки бумагъ, относящіеся къ служебной дѣятельности Ломоносова съ страницы 714 до конца

И вездѣ и во всемъ онъ *первый и единственный*, не только далеко оставляя за собой предшествующее время, вѣрно слѣдя за настоящимъ, но и прозорливо упреждая будущее.

Мимо ученыхъ трудовъ Ломоносова, непринадлежащихъ этому изложенію, — въ которыхъ по выраженію достойнаго ихъ цѣнителя [1]), «находятся истины, доказанныя нынѣ многочисленными и точными наблюденіями, есть даже такія открытія, которымъ удивляются нынѣ въ сочиненіяхъ Гумбольта и Араго», — въ отношеніи существеннаго предмета этого изложенія, словесности, Ломоносовъ, собственными опытами въ поэзіи и ораторствѣ, созданіемъ новыхъ формъ для прозаическаго и стихотворнаго слововыраженія, утвержденіемъ этой имъ созданной словесности и преобразованнаго отечественнаго языка, посредствомъ первой систематической теоріи и положительнаго кодекса, справедливо пользуется титломъ отца русской литературы и законодателя русскаго языка. — Вспомнимъ, что не далѣе какъ за пять лѣтъ до первыхъ стиховъ Ломоносова у насъ писались такіе стихи въ 1734 году :

Маріе : ты благу часть отъ мене избрала,
Живущи въ мірѣ, міра страсти всѣ попрала.
Люты были болѣзни, свѣта ти съ напасти,

---

[1]) Д. М. Перевощикова Разсмотрѣніе Ломоносова разсужденія „О явленіяхъ воздушныхъ отъ электрической силы происходящихъ," напечатанное въ числѣ рѣчей, произнесенныхъ въ торжественномъ собраніи московскаго университета, 1831 г. въ Телескопѣ 1831 г. № 1 и Маякѣ 1843 г. № 1.

Но азъ подкрѣпиихъ, всегда моими тя страсти.
Скончала теченіе, соблюла ты вѣру,
Сего ради пріяхъ тя, возлюбивъ надъ мѣру.
При семъ всемогущую простеръ къ ней десницу,
Осѣнивъ просвѣтихъ ю, какъ свѣтлу зарницу.

(Умозрительство душевное о переселении въ вѣчную жизнь превосходительной баронессы Маріи Яковлевны Строгоновой, Петра Буслаева, часть II, стр. 25).

Кое странное піанство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ.
Вы, парнасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зритъ?
Струны ваши сладкогласны
Мѣру, лики слышу красны
Пламень въ мыслях восстаетъ.
О народы! всѣ внемлите!
Бурны вѣтры, не шумите!
Аннну стихъ мой воспоетъ.

(«Ода торжественная о здачѣ города Гданска» въ сочин. и перев. В. Тредьяковскаго, ч. II, стр. 11).

И вдругъ послѣ такихъ виршей раздались эти чистые, прекрасные звуки лиры Ломоносова:

Одѣянъ чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета
Шатру подобно предъ собой.

(Ода 8, преложение псалма 103).

Щедротъ источникъ, ангелъ мира,
Богиня радостныхъ сердецъ,
На коей какъ заря порфира,
Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ...

(Ода 15, на день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны).

Или вотъ параллель Ломоносовскаго и Державинскаго переводовъ оды Анакреоновой : —

Ломоносова.	Державина
Мнѣ дѣвушки сказали :	Мнѣ дѣвушки шептали :
Ты дожилъ старыхъ лѣтъ,	«Ты старъ, и сѣдъ и лысъ»;
И зеркало мнѣ дали,	Вотъ зеркало, сказали :
Смотри ты лысъ и сѣдъ.	«Возьми и посмотрись»
Я не тужу ни мало,	— «Что нужды, я незнаю;
Ещель мой волосъ цѣлъ,	Я старъ», сказалъ, «иль нѣтъ;
Иль тѣмя гладко стало,	Въ томъ только увѣряю,
И весь я побѣлѣлъ.	Что я душой не сѣдъ,
Лишь въ томъ могу божиться,	И старику нужнѣе
Что дожженъ старичокъ	Въ весели пожить,
Тѣмъ больше веселится,	Приходитъ чѣмъ скорѣе
Чѣмъ ближе видитъ рокъ.	Меня похоронить».

Замѣтьте, что разница между этими стихами почти *полвѣка!* — Вспомнимъ также, что до Ломоносова у насъ не было русской грамматики, а были только славянскія грамматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго; что грамматика Ломоносова, изданная въ 1755 году, оставалась въ теченіе полувѣка единственною до изданія въ 1802 году грамматики академической, и что его система склоненій оправдана въ наше время новѣйшими «Филологическими наблюденіями» О. Павскаго, а его система спряженій принята Востоковымъ въ его грамматикѣ. — Вспомнимъ еще его искусные переводы изъ разныхъ древнихъ и новыхъ писателей въ примѣрахъ, помѣщенныхъ въ его риторикѣ. — Вспомнимъ, наконецъ, ясный, одушевленный слогъ его исторіи...

Обращаясь къ подробному исчисленію пропзве-

дѣній Ломоносова, относящихся къ предмету этого изложенія, словесности, мы находимъ въ отдѣлѣ стихотворномъ: 11 *одъ духовныхъ*, 19 *одъ похвальныхъ;* «Вѣнчанная надежда Россійской Имперіи», переводъ съ нѣмецкаго, стихотворенія нѣкоего Готлиба Фридриха Вильгельма Юнкера; «Разговоръ съ Анакреономъ»; «Ода на счастіе», переводъ съ французскаго, оды Руссо; 50 *похвальныхъ надписей;* 13 *мелкихъ стихотвореній,* заключающихъ въ себѣ экспромты, посланія къ императрицамъ Елисаветѣ и Екатеринѣ и къ вельможамъ того времени, покровительствовавшихъ Ломоносова; двѣ пѣсни неоконченной *эпической поэмы* «Петръ Великій»; двѣ *трагедіи*: «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ»; *дидактическая поэма* въ посланіи къ Шувалову «О пользѣ стекла». — Ораторское краснорѣчіе Ломоносова выразилось двумя *похвальными словами*: Петру I и Елисаветѣ Петровнѣ.

Какъ образецъ религіозной поэзіи Ломоносова, вотъ обращеніе Іеговы къ Іову въ 9 духовной одѣ:

Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!
Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ

Мое величество вѣщали,
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?
Кто море удержалъ брегами,
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И сей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣе не велѣлъ?
Покрытою пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?
Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И пивы въ день томящей жажды
Долдемъ прохладнымъ напоить...

— Но кромѣ религіознаго чувства, побужденіемъ вдохновенія Ломоносова было высокое національное чувство поэта: подъ вліяніемъ этого благороднаго одушевленія вылилось у Ломоносова, въ заключеніе его 12 похвальной оды, это энергическое воззваніе къ Господу силъ — хранителю и защитнику Руси православной:

Предъ мужемъ нѣкогда избраннымъ
Ты свѣтомъ клялся несозданнымъ,
Хранить во вѣкъ престолъ и родъ.
Исполни то надъ позднимъ свѣгомъ,
И таковымъ святымъ обѣтомъ
Благослови Россійскій родъ.
Для толь великихъ странъ покою,
Для счастья множества вѣковъ,
Поставь какъ солнце предъ Тобою
И какъ луну, престолъ Петровъ.

Да, Ломоносовъ горячо сочувствовалъ исторпче-

скимъ судьбамъ отечества во всѣ моменты его государственной жизни : таковы его 1-я ода на взятіе Хотина 1739 года, его 15-я ода на побѣды надъ прусскимъ королемъ, его 6-я ода на возшествіе на престолъ Елисаветы, его 18-я ода на возшествіе на престолъ Екатерины II, воцареніемъ своимъ, подобно Елисаветѣ, избавившей Россію отъ грозившихъ ей внутреннихъ бѣдствій. — Иной предметъ вдохновенія Ломоносова есть наука, жрецомъ которой былъ онъ самъ : таковы девять послѣднихъ строфъ 10-й благодарственной оды императрицѣ Елисаветѣ, за монаршую милость. И такъ вотъ три благородныхъ источника поэтическаго одушевленія Ломоносова : это *религія, отечество, наука!* — Но есть еще герой, къ которому постоянно устремлены были его мысленныя очи и благоговѣйное сердечное чувство : это державный преобразователь Россіи *Петръ Великій.* — Вотъ какъ онъ въ панегирикѣ, посвященномъ ему, изображаетъ безсмертнаго отца отечества въ его геніальной дѣятельности ко благу государства своего и своихъ подданныхъ : —

«Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его воспоможеніемъ, къ приращенію поспѣшали, публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Чтожъ его путешествія, или лучше быстро парящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь его скрылся на водахъ Азов-

скихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны И вы великія рѣки, Южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Сельвана, Тамиза, Рейнъ и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ приятель обращался съ подданными своими Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ; такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

»Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства, но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачь и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ: но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился Иной любитъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятдесятъ лѣтъ отъ первой пунической войны до Августа Непоты, Сципіона, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы, произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своей жизни. Кому-жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я: каковъ Тотъ, которой всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо землю и море; дышетъ духъ Его и

потекутъ воды : прикоснется горамъ и воздымятся Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ его въ человѣческомъ видѣ И такъ, ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно ; кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.»

Таковъ Ломоносовъ какъ поэтъ, ораторъ и преобразователь отечественнаго языка, образцы котораго здѣсь представлены!

Какъ законодатель новаго созданнаго имъ языка, Ломоносовъ даетъ свою *метрику* въ «Письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства», свою *стилистику* въ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ», свою русскую «Грамматику», предшествуемую общею или философскою грамматикою, свою «Риторику», которая есть только начало полнаго *руководства къ краснорѣчію*, долженствовавшаго состоять изъ трехъ этой, общей, подъ названіемъ *риторики,* и еще двухъ — *ораторіи* и *піитики.*

Теперь остается сказать о вліяніи Ломоносова на отечественную литературу. Въ этомъ отношеніи сколько прежде наши критики не рѣдко преувеличивали это вліяніе [1]), столько въ позднѣйшее время старались уменьшать [2]). Первымъ сильнымъ авторитетомъ въ этомъ разѣ былъ Пушкинъ, сказавшій о Ломоносовѣ слѣдующія слова [3]) : — Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екате-

---

[1]) Каченовскій, Мерзляковъ

[2]) Полевой, Бѣлинскій

[3]) Соч. Пушкина, т. IX, стр 21 — 22.

риною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость полу-славянская, полулатинская, сдѣлалась-было необходимостію; къ счастію, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига, и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова. Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное, и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности — вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ.» — Нѣтъ, мы видѣли, Ломоносовъ *не былъ чуждъ ни поэтическаго вдохновенія, ни ораторскаго увлеченія,* когда онъ былъ или одушевляемъ религіознымъ восторгомъ, или проникаемъ патріотическимъ чувствомъ, или согрѣваемъ теплымъ сочувствіемъ къ наукѣ, или озаряемъ свѣтлымъ воспоминаніемъ о незабвенномъ своемъ героѣ Петрѣ... Нѣтъ, у Ломоносова *не было*

недостатка ни въ чувствѣ, ни воображеніи: читайте его «Утреннее» и «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», его изображеніе воинства и флота русскаго (въ 12-й похвальной одѣ), его олицетвореніе Россіи (въ 9-й похвальной одѣ), напоминающія Державина, его описаніе бури и сѣвернаго сіянія (въ поэмѣ «Петръ Великій»), его разсказъ о смерти Мамая (въ трагедіи «Тамира и Селимъ»), или множество мѣстъ въ его панегирикахъ... Вспомнимъ это дивно художественное изображеніе печали Россіи о потерѣ Петра Великаго въ одѣ 16-й :

И сѣтовали всѣ мѣста:
Земля казалася пуста:
Взглянуть на небо, не сіяетъ;
Взглянуть на рѣки, не текутъ,
И горъ высокость осѣдаетъ.

Или эту величественную поэтическую картину нашего необъятнаго, разнообразнаго, отечества въ стихахъ императрицѣ Елисаветѣ на фейерверкъ, изображающій благоденствующую Россію:

Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство
Подобная странѣ, монархиня твоей?
Отъ запада твое простерлось государство,
Отъ юга, сѣвера и утреннихъ полей.
Какой монархъ возмогъ, чтобъ подъ одну державу
Народовъ множество толикое собрать?
Чуть знають по рѣчамъ себя, лицу и праву,
Но всѣ едину чтутъ тебя, россійска мать.
Какъ утреннимъ лучемъ престолъ твой здѣсь сіяетъ,
Другую часть страны твоей покоитъ ночь;
Какъ утренняя заря Камчатку озаряетъ,
Вечерняя отсель тогда отходитъ прочь;

Когда имѣетъ ночь народъ твой южный тѣмъ
То сѣверный народъ въ трудахъ полдневныхъ бодръ ·
Какъ звѣздный Астрахань въ ночи блистаетъ свѣтомъ;
То Колъ во полнѣйшемъ блистаньѣ солнце зритъ
Все то, что скипетръ твой, богиня, освящаетъ.
Востокъ, западъ сѣверъ, югъ усердіемъ горитъ,
Начавши отъ Двины огнь праздничный пылаетъ.
По дальнѣйшей Амуръ, что Хинъ отъ насъ дѣлитъ

Какъ напоминаютъ эти стихи Пушкина, отрицавшаго поэтическое родство свое съ Ломоносовымъ :

..... отъ Перьми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До сѣнъ недвижнаго Китая, [1]

Какъ творецъ отечественной словесности и преобразователь отечественнаго языка Ломоносовъ дѣйствовалъ самостоятельно : онъ далъ намъ образцы всѣхъ родовъ словесности, существовавшихъ въ другихъ литературахъ, и ввелъ нашъ языкъ въ колею образованныхъ языковъ, указавъ, притомъ, коренное отношеніе къ языку славянскому. И потому то, что *между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія*, — на преобразованіе, совершенное Ломоносовымъ въ русской словесности и русскомъ языкѣ, довершенное же Карамзинымъ и Пушкинымъ, должно взирать точно также какъ на преобразованіе Россіи Петромъ I,

---

[1]) „Клеветникамъ Россіи".

довершенное Екатериною II, укрѣпленное Александромъ I, и принесшаго обильные плоды въ царствованіе Императора Николая I. — А вѣдь упреками же геніальнаго преобразователя Россіи за перемѣну старинной одежды русской на нѣмецкую, за бритье бороды, за введеніе европейской общественности вмѣсто прежняго азіятскаго затворничества, — будто бы все это исказило нашу народность и лишило насъ національной характеристики. Упрекали же Петра и за усвоеніе нашей администраціи, мореходству, военному дѣлу иностранныхъ техническихъ терминовъ, — будто бы испортившихъ нашъ языкъ. Не диво, что и Ломоносову ставили въ укоръ подражаніе латинскимъ ораторамъ и нѣмецкимъ стихотворцамъ. — Нѣтъ, *преобразованіе Россіи, какъ политическое такъ и умственное, не было насильственнымъ:* оно проистекло изъ непосредственной сущности, условій и требованій этого преобразованія, и *подражаніе здѣсь не было вынужденною случайностію, а сознательною потребностію.* — Екатерина II, довершая преобразованіе Россіи, начатое Петромъ I, обратила народъ русскій къ сознанію національнаго своего достоинства, утвержденному въ царствованіе Александра I на незыблемомъ основаніи, на которомъ зиждется настоящее наше благоденствіе въ благополучное царствованіе Императора Николая I. — Карамзинъ, явившійся при Екатеринѣ II и дѣйствовавшій при Александрѣ I, внесъ въ нашу словесность животворный гуманическій элементъ и *обратилъ языкъ*

нашъ къ живымъ источникамъ народнаго слова; Пушкинъ же, явившійся при Александрѣ I и дѣйствовавшій въ царствованіе Императора Николая I, обратилъ и словесность русскую къ самостоятельности и народности, языкъ же русскій облекъ въ художественную форму. — И вотъ *преемство* историческихъ явленій въ литературѣ нашей и *зависимость* ея отъ развитія нашей государственной жизни!

СУМАРОКОВЪ.

Современникъ и соперникъ Ломоносова, первый директоръ перваго русскаго театра, *Сумароковъ* является первымъ русскимъ литераторомъ: пародируя универсальность Вольтера, онъ писалъ во всѣхъ родахъ словесности. Вотъ подробное исчисленіе его сочиненій, которыя изданы Новиковымъ въ 1781 и потомъ перепечатаны въ 1787 году въ 10 частяхъ. — Стихи: *Преложенія* всей Давидовой *псалтыри*, также *церковныхъ стиховъ и библейскихъ главъ, духовныя и нравоучительныя оды, оды торжественныя и другія* разнаго рода, *надписи, эпистолы, притчи, сатиры, эклоги, идиллiи, пѣсни, маскарадные хоры, элегiи, стансы, сонеты, эпиграммы, эпитафiи, мадригалы, загадки, любовная гадательная книжка*, и *разныя мелкія стихотво-*

ренія; 9 *трагедій* : «Хоревъ». «Гамлетъ». «Синавъ и Труворъ»; «Аристона». «Семира». «Ярополкъ и Демиза», «Вышеславъ». «Димитрій Самозванецъ» и «Мстиславъ». *драма* «Пустынникъ»; 12 *комедій* : «Опекунъ». «Лихоимецъ». «Три брата совмѣстника». «Ядовитый». «Нарцесъ». «Приданое обманомъ». «Чудовища». «Трисотиніусъ». «Пустая Ссора». «Рогоносецъ по воображенію», «Мать совмѣстница дочери», «Вздорщица»: *прологъ* «Новые лавры»: *балетъ* «Прибѣжище добродѣтели»: двѣ *оперы* : «Алцеста». «Цефалъ и Прокрисъ». Проза : «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ»; 6 *похвальныхъ словъ* : «Слово похвальное о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ», «На день коронованія Е. В. императрицы Екатерины II», «Е. И. В. государю великому князю Павлу Петровичу», «Е. И. В. государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской», «На открытіе императорской санктпетербургской академіи художествъ», «На заложеніе кремлевскаго дворца», «На день восшествія на престолъ Е. В. государыни императрицы Екатерины II», «О любви къ ближнему»; *историческія* сочиненія : «Краткій московскій лѣтописецъ», «О первоначаліи и созданіи Москвы», «Описаніе двухъ первыхъ стрѣлецкихъ бунтовъ», «Приступъ къ исторіи Петра Великаго» (оба неоконченные); *разсужденія*, каковы, напримѣръ : «О россійскомъ духовномъ краснорѣчіи», «О стопосложеніи», «Разсмотрѣніе оды Ломоносова», «Мнѣніе во сновн-

деніи о французскихъ трагедіяхъ». «Основаніе любомудрія». «Нѣкоторыя статьи о добродѣтели» и *разныя мелкія нравственныя, сатирическія, историческія, критическія и полемическія сочиненія.* — Онъ былъ и *журналистъ*, издавая «Трудолюбивую Пчелу», въ которой большею частію помѣщалъ свои сочиненія. —

Одна уже эта обширная литературная дѣятельность Сумарокова могла изумлять его современниковъ: прибавьте къ этому, далѣе, что онъ былъ въ то время единственнымъ драматическимъ писателемъ для возникшаго театра, который, какъ новизна, могъ сильно возбуждать современное любопытство; наконецъ, надо еще замѣтить, что Сумароковъ исключительно писалъ сочиненія, принадлежащія къ словесности, которыя могли быть обще-доступнымъ чтеніемъ, тогда какъ большая часть сочиненій Ломоносова и Тредьяковскаго были ученаго содержанія, и слѣдственно только для избраннаго круга. Этимъ объясняются современные восторги отъ произведеній Сумарокова, отголосокъ которыхъ остался въ «Словарѣ» Новикова, и которыя потомъ были, по преданію, основаніемъ критики Мерзлякова. — Независимо отъ суда современнаго, теперь нельзя найти въ Сумароковѣ ни поэтическаго дарованія, ни артистическаго такта: его оды, равно какъ легкія стихотворенія, комедіи и трагедіи, были рабскими подражаніями, или даже просто передѣлками и переводами, французскихъ писателей того времени; его истори-

ческія и философскія сочиненія не имѣютъ никакого значенія; лишь его сатиры, въ которыхъ онъ подъ часъ ѣдко нападаетъ на невѣжество, дворянскую спѣсь, канцелярское лихоимство, являютъ въ немъ писателя, проникнутаго жизненнымъ интересомъ, могущимъ интересовать и насъ. — Вотъ три такихъ отрывка изъ сатиръ Сумарокова:

Невѣжда говоритъ: я помню чей я внукъ,
По дѣдовски живу, не надобно наукъ:
Пускай убытчатся уча ребятокъ моты.
Мой мальчикъ не ученъ, а въ тѣхъ пойдетъ вороты.
На что мнѣ, чтобы знать чужихъ народовъ нравы,
Или вперятися въ чужіе языки?
Какъ будто безъ того ужъ мы и дураки!

Дворяня безъ меня свой долгъ довольно знаютъ;
Но многіе одно дворянство вспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденныхъ и отъ дамъ,
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
На толь дворяня мы чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И если не ясняй умъ барскій мужикова,
Такъ и различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ, родился и умретъ,
Господскій такъ же сыпъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое нерѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ, должно ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалколь? можетъ быкъ людей быку продать?

На то ли обществу имѣть судей злочинныхъ,
Дабы законами губити имъ невинныхъ?
Я взяткамъ предпочту бездѣльникову кражу:

Ему не вѣрило отечество суда,
И честныхъ онъ людей не судитъ никогда

О слогѣ его даже Мерзляковъ, называющій Сумарокова «геніемъ», отзывается весьма не лестно, соглашаясь что «причиною упадка трагедій Сумарокова, есть устарѣлый языкъ и не благородство разговора, который часто бываетъ ниже комическаго». Вотъ извѣстный монологъ Гамлета «To be, or not to be»:

Постой! великое днесь дѣло предлежитъ:
Мое сей тѣло часъ съ душею раздѣлитъ.
Отверзть ли гроба дверь и бѣдствы окончати?
Или во сынѣ семъ еще претерпѣвати?
Когда умру — засну, засну и буду спать,
Но что за сны сія ночь будетъ представлять?
Умреть и внити въ гробъ — спокойствіе прелестно,
Но что послѣдуетъ сну сладку? неизвѣстно!
Мы знаемъ что сулитъ намъ щедро Божество...
Надежда есть — духъ бодръ — но слабо естество...
О смерть, послѣдній часъ, минута прелютѣйша!
Послѣдняя напасть, но всѣхъ напастей злѣйша!
Воображеніе мучительное намъ,
Непзреченный страхъ отважнѣйшимъ сердцамъ!
Единымъ именемъ твоимъ вся плоть трепещетъ
И отъ пристанища опять въ валы отмещетъ.
Но еслибы въ бѣдахъ здѣсь жизнь была вѣчна,
Кто бъ не хотѣлъ имѣть сего спокойна сна?
И кто бы могъ снести злосчастія, гоненья,
Болѣзни, нищету и сильныхъ нападенья,
Неправосудіе безсовѣстныхъ судей,
Грабежъ, обиды, гнѣвъ, невѣрности друзей,
Вліянный ядъ въ сердца великихъ лести рѣчами,
Когда бъ мы жили въ вѣкъ и скорбь жила вѣкъ съ нами?
Во обстоятельствахъ такихъ намъ смерть нужна.
Но, ахъ! во всѣхъ бѣдахъ еще страшна она...
И какъ ты, естество, суровствамъ подчиненно!
Страшна... Но весь сей страхъ пройдетъ мгновенно!...

Мой разумъ естество почти превозмогло ...
О долгъ! о красота! о сколь терпѣть мнѣ зло!
Я горести своей вдаюся безразсудно....
Не можно вобразить, какъ мнѣ терпѣти трудно ...

— Именно, языкъ Сумарокова причиною, что его сочиненія, при отсутствіи литературнаго достоинства, могутъ быть теперь доступны лишь изучающимъ серьезно отечественную литературу; но не могутъ быть даже и предметомъ любопытства читателей, ищущихъ въ чтеніи непосредственнаго интереса, кромѣ сатиръ и мелкихъ сатирическихъ сочиненій, ярко характеризующихъ духъ времени и современныя понятія.

ПЕТРОВЪ. ХЕРАСКОВЪ. КНЯЖНИНЪ.

Недавно еще съ Ломоносовымъ неразлучно соединялись Сумароковъ и Херасковъ для образованія тріумвирата лирической, драматической и эпической поэзіи. Но такая параллель рѣшительно не имѣетъ основанія, если разсматривать Ломоносова какъ отца русской литературы во всѣхъ родахъ, и тріумвиратъ такой гораздо основательнѣе можетъ быть составленъ изъ трехъ современниковъ - послѣдователей Ломоносова и Сумарокова : *Петрова* — лирика исключительно, *Хераскова* — преимущественно эпика и *Княжнина* — драматурга.

Петровъ своей одой на карусель, во время коронаціи Екатерины II въ Москвѣ, пріобрѣлъ извѣстность императрицы и былъ покровительствуемъ Потемкинымъ, считаясь по службѣ придворнымъ библіотекаремъ. Можетъ быть, эти самыя обстоятельства дали направленіе его стихотворству: онъ писалъ *торжественныя оды*, каковы — «На взятіе Очакова», «На взятіе Измаила», «На побѣду россійскаго флота надъ турецкимъ», «Плачь на кончину князя Потемкина», «Плачь и утѣшеніе Россіи императору Павлу I» по случаю смерти Екатерины II и «Торжественное вѣнчаніе и помазаніе на царство Павла I.» — Сверхъ того онъ перевелъ съ латинскаго: Виргиліеву «Энеиду» и съ англійскаго Мильтоновъ «Потерянный рай.» — Мерзляковъ, также по преданію какъ Сумарокова, превозноситъ и Петрова, называя его «стихотворцемъ-философомъ,» а его оды «прекрасными,» отличающимися «полнотою мыслей сильныхъ и краткихъ» и даже о языкѣ ихъ говоритъ, что «есть цѣлыя оды, написанныя гладкими, гармоническими стихами!» — Нѣтъ, у Петрова нельзя найти не только цѣлой оды, выдержанной по мыслямъ и по слогу, но и нѣсколькихъ сряду строфъ безукоризненныхъ: мысли его постоянно натянуты, слогъ напыщенъ и некстати загроможденъ гиперболами, метафорами; эстетическаго вкуса нѣтъ и слѣда. — Вотъ, для образца нѣсколько строфъ изъ лучшей оды его «На побѣду россійскаго флота надъ турецкимъ»:

О радость! торжество! о слава наших дней,
Безмрачных съ красотой сравнившася лучей!
Полночны Тифисы, защитники Россіи,
Летятъ среди валовъ! гремящи въ облакахъ
Перуны въ ихъ рукахъ;
Послушны имъ стихіи!
Преходятъ моря стези, гдѣ кроется ихъ врагъ!
Очами ищутъ, гдѣ турецкій вѣетъ флагъ.
Нашли, обрадуясь, пустились, полетѣли!
Всѣхъ руки на ударь простерты, взнесены,
Всѣ гнѣвомъ раждены;
Постигли, загремѣли!
Я зрю плывущихъ Эгнъ побѣдоносный строй,
Какъ ихъ ведетъ морямъ незнаемый герой!
Ихъ парусы — крыль, ихъ мачты — лѣсъ дремучій!
Вдругъ ступять, вдругъ блеснутъ! вновь грянутъ, вновь грозятъ.
И идутъ и разятъ,
Какъ громомъ гладки тучи.
....
Что тако озаренъ средь темной нощи понтъ?
Не Фебъ ли ускорилъ взлетѣть на горизонтъ?
Нѣтъ — вижу — метятъ врагамъ разгнѣванные Россы!
Ихъ это, ихъ горятъ торжественны огни!
Селвана! встань, взгляни,
Какъ гибнутъ чалмоносцы!
Тамъ портъ вмѣстилище неизреченныхъ мукъ;
Тамъ сѣра, огнь, смола, смрадъ дыма, вопль и звукъ;
Реветъ разинувъ тамъ рокъ челюсти несыты,
Геенна носится по хладной быстринѣ,
Мягутся въ глубинѣ
Встревоженные киты.
Клокочетъ, какъ котелъ, вздымаясь океанъ,
Багрѣетъ, аки кровь, весь трупами устланъ!
Ихъ жретъ, мутясь, волна, ихъ жретъ свирѣпый пламень!
Возлитивъ сѣрный прахъ въ воздушную страну.
Бросаетъ вдругъ ко дну
Какъ олово, какъ камень!
О горькихъ сонмъ смертей! о грозный лютый часъ!
Тамъ всѣ стихли вдругъ... прерви свой, муза, гласъ!
И страшный адъ, гдѣ твой и смертныхъ врагъ страдаетъ,
Скорѣй завѣсою молчанія закрой.

— Гречь имѣлъ полное право сказать о Петровѣ въ своихъ «Чтеніяхъ о русскомь языкѣ»: [1]) «Современники читали его стихи, какъ лучшія произведенія своего времени; нѣкоторые вздыхали о Ломоносовѣ, другіе отдавали пальму первенства Петрову, но потомство, неумолимое и почти всегда справедливое, его забыло. Имя Петрова встрѣчается въ учебникахъ, раздается въ классахъ, повторяется рабски, но кто изъ незаписныхъ литераторовъ помнитъ хоть одну его оду, одну строфу, одинъ стихъ?»

Херасковъ — кураторъ московскаго университета, ревнитель просвѣщенія и трудолюбивый литераторъ, подвизавшійся на поприщѣ русской словесности во всѣхъ родахъ ея какъ стихотворецъ и какъ прозаикъ. — Стихами написалъ онъ: *оды — духовныя, торжественныя и похвальныя, нравоучительныя, анакреонтическія; духовную поэму* «Вселенная»; *дидактическую поэму* «Плоды наукъ»; *эпическія поэмы* — «Россіяда», и «Владиміръ»; *мироэпическую* «Чесменскій бой»; *стихотворныя повѣсти* — «Пилигриммы, или искатели счастія», «Царь, или спасенный Новгородъ», «Бахаріана или неизвѣстный,» «Селимъ и Селима»; *трагедіи* — «Венеціанская монахиня«, «Пламена», «Мартезія и Фалестра», «Борславъ, царь Богемскій», «Идолопоклонники, или Гориславa», «Юліанъ отступникъ», «Освобожденная

---

[1]) Ч. I, стр. 269 — 270.

Москва», «Цидъ, передѣланная изъ Корнеля»; *комедіи* «Ненавистникъ». — Въ прозѣ имѣемъ отъ него: *драмы* — «Другъ несчастныхъ», «Гонимые», «Милена» (съ пѣснями), «Школа добродѣтели», «Извинительная ревность»; *романы* — «Кадмъ и Гармонія», «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи», «Нума Помпилій, или просвѣщенный Римъ»; сверхъ того при первомъ изданіи «Россіады» находится его *разсужденіе* «Взглядъ на эпическія поэмы». Онъ издавалъ и *журналы*: «Невинное упражненіе», «Полезное увеселеніе и Свободные часы».

Изъ произведеній его найбольшимъ почетомъ въ свое время и долго послѣ еще пользовались его эпическія поэмы «Россіяда» и «Владиміръ»; извѣстно четырестишіе Дмитріева:

Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ ноютъ;
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Но очарованіе современное прошло вмѣстѣ съ своей эпохой, да и критика, которая по преданіямъ своей школы судила о поэмахъ Хераскова, съ измѣненіемъ направленія искуства, утратила для нашего времени свой авторитетъ: и вотъ источникъ тѣхъ строгихъ порицаній, которымъ подверглись поэмы Хераскова въ наше время, вмѣсто прежнихъ похвалъ, которыми ихъ осыпали. — Чтобъ имѣть безпристрастную точку взгляда на поэмы Хераскова, должно, мимо историческаго отношенія ихъ къ своему или нашему вре-

мени, разсматривать ихъ лишь теоретически по отношенію къ теоріи, къ которой они принадлежатъ : эта теорія, какъ извѣстно, есть такъ называемая классическая теорія, извлеченная Аристотелемъ изъ Гомера и узаконенная новымъ піитическимъ кодексомъ Боало. — Чтожъ такое *эпопея*, какъ она существуетъ во всѣхъ литературахъ? — Это повѣствованіе въ поэтической формѣ событія, интереснаго въ жизни какого нибудь народа, или человѣчества. — *Предметы* эпопей Гомеровыхъ : «Иліады» — война Троянская, «Одиссеи» — возвращеніе одного изъ героевъ, участвовавшихъ въ этой войнѣ, на родину, послѣ чего началась новая блистательная эпоха греческой цивилизаціи; «Виргиліева Энеида» имѣетъ своимъ предметомъ основаніе новой державы въ Италіи, гдѣ процвѣлъ вѣчный Римъ; Лукапова «Фарсалида» воспѣваетъ побѣду Цезаря надъ республиканскою партіей, послужившую началомъ всемірнаго величія римской имперіи; Тассовъ «Освобожденный Іерусалимъ» изображаетъ возвращеніе святаго города, гдѣ находится гробъ Господень, изъ рукъ невѣрныхъ, во время перваго крестоваго похода; Камоэнсова «Лузіады» описываетъ открытіе португальцемъ Васкою де Гамой пути въ Восточную Индію; Вольтерова «Генріада» имѣетъ своимъ героемъ побѣдителя внутреннихъ междоусобій во Франціи Генриха IV. Такъ и предметы эпическихъ поэмъ Хераскова, «Россіяды» — покореніе царемъ Іоанномъ IV Казани, столицы царства монголовъ, подъ двухъ-

сотлѣнимъ владычествомъ которыхъ стенала Россія; «Владиміра» — просвѣщеніе Россіи божественнымъ свѣтомъ вѣры христіанской. — *Дѣйствіе* въ эпопеи есть достиженіе героемъ цѣли своей посредствомъ преодолѣнія встрѣчающихся ему препятствій: такія препятствія въ эпопеѣ языческой зависятъ отъ воли боговъ, вмѣшивающихся въ дѣла человѣческія; отсюда беретъ свое начало и *чудесное* эпопей христіанскихъ: разумѣется, здѣсь то, что въ древнихъ эпопеяхъ было проявленіемъ національнаго вѣрованія, въ новыхъ эпическихъ поэмахъ является только подражаніемъ, выполняющимъ законы теоріи древней классической эпопеи. Такъ, герои Гомера совершаютъ свои подвиги при содѣйствіи боговъ, которымъ приносились ежедневно жертвы въ храмахъ греческихъ; такъ и Виргилій, — столько же по условіямъ своего религіознаго вѣрованія, сколько и съ цѣлью политическою — показать въ лицѣ Августа верховное орудіе божественныхъ судебъ, предназначенныхъ искони римской имперіи, и возвеличить національность римскую родствомъ съ божествами греческими, — употребляетъ эти божества дѣйствующими лицами вмѣстѣ съ его героями, также божественнаго происхожденія; Луканъ же, избравъ предметомъ своей эпопеи событіе близкое современной ему эпохѣ, и при томъ по духу философіи, въ которой воспитанъ, устранилъ боговъ, подчинивъ своихъ героевъ вліянію рока, и ограничивъ чудесное предвѣщаніями, гаданіями, снами; у Камоэнса хри-

стіанскія вѣрованія смѣшаны съ миѳологіею и его Португальцы, плывущіе въ Индію съ цѣлью распространенія христіанства, покровительствуемы Аѳродитой, которой противоборствуетъ Вакхъ, въ совѣтѣ же боговъ, по этому случаю, Юпитеръ объявляетъ торжество христіанства надъ магометанствомъ; у Тасса, въ борьбѣ христіанъ съ невѣрными за обладаніе Іерусалимомъ, ангелы помогаютъ первымъ а демоны вторымъ, посредствомъ адскихъ чаръ, разсѣеваемыхъ небесными чудесами; у Вольтера являются, какъ дѣйствующія аллегорическія существа, Вражда, Злоба, Любовь и проч. Въ *изложеніи* эпическомъ господствуетъ непосредственное отношеніе къ парнасу и музѣ пѣснопѣнія. — Херасковъ шелъ по той же колеѣ, и его эпическія поэмы вѣрны классической теоріи эпопеи и ея образцамъ. «Россіяда» — какъ уже замѣчено выше — имѣетъ предметомъ покореніе Казани: юный царь Іоаннъ IV, погруженный въ нѣгу и праздность, видитъ во снѣ убіеннаго татарами Александра Тверскаго, укоряющаго его и указывающаго ему достойное его назначеніе; Іоаннъ, по молитвѣ съ Адашевымъ у гроба Св. Сергія, обновляется духовно и, послѣ совѣта въ Думѣ, выступаетъ съ войскомъ изъ Москвы въ походъ; въ то же время, въ Казани, вдовствующая царица Сумбека, желая вновь сочетаться бракомъ, вопрошаетъ на гробницѣ своего супруга Сафгирея, тѣнь котораго совѣтуетъ ей избрать супругомъ своимъ царя Алея, а между тѣмъ Алей, въ обвороженномъ лѣсу

встрѣчаясь съ Сумбекой, чувствуетъ къ ней страсть; Іоаннъ, вошедши съ своимъ войскомъ въ предѣлы казанскіе, терпитъ бѣдствія зноя, голода, жажды, по дѣйствію адскихъ духовъ, которые, поборая за невѣрныхъ, вооружаютъ противъ него самыя стихіи: здѣсь свиданіе Іоанна съ старцемъ Вассіаномъ, который читаетъ ему книгу судебъ; зной умѣряется, сосѣдніе съ Казанью народы присоединяются къ русскимъ, между обожателями Сумбеки происходятъ междоусобія, наконецъ они погибаютъ, Алей же спасается бѣгствомъ, казанцы выдаютъ Сумбеку, которую встрѣчаетъ въ Свіяжскѣ Іоаннъ; но Казань, правимая Эдигеромъ, готовится къ отраженію: возникаетъ съ одной стороны ожесточенное нападеніе, съ другой стороны упорное сопротивленіе; между тѣмъ чародѣй Нигринъ наводитъ на Казань зиму, которая препятствуетъ осадѣ, но Іоаннъ повелѣваетъ воздвигнуть хоругвь и зима прекращается; наконецъ устроенный подкопъ зажигается и городская стѣна летитъ на воздухъ: во время пѣнія божественной литургіи, русскіе берутъ Казань; Іоаннъ созидаетъ въ Казани храмъ Богу истинному. — Если здѣсь главные характеры — Іоанна, Сумбеки и Алея неудовлетворительны; то за то второстепенные — Адашевъ, Курбскій и Гирей являются въ яркомъ свѣтѣ ихъ нравственной доблести. — Также и въ отношеніи исполненія; если цѣлое эпопеи не выдержано, то за то есть весьма замѣчательныя частности: напримѣръ, рѣчи Св. Александра Іоанну (п. I), Іоанна въ Думѣ

(п. II), Адашева (п. VII), Палецкаго (п. XI). — Въ поэмѣ «Владиміръ», герой ея послѣ явленія надъ Кіевомъ Животворящаго Креста, озаряется благоговѣйнымъ желаніемъ креститься: здѣсь возникаютъ препятствія въ противодѣйствіи духа тьмы посредствомъ чаръ волхва Зломира, который побѣждается благословеніемъ Св. Апостола Андрея — благовѣстника Евангелія въ Россіи. Въ этой, какъ и въ первой поэмѣ, таже невыдержанность въ цѣломъ, и также прекрасныя частности; напримѣръ — обращеніе Владиміра (п. VII), сказаніе святаго мужа Кура о жизни загробной (п. VIII), видѣніе Св. Ольги (п. XV), крещеніе Владиміра и просвѣщеніе Россіи (п. XVI). — Въ обѣихъ поэмахъ, встрѣчаются не избѣжныя, какъ и въ другихъ эпопеяхъ, обращенія къ музѣ, къ бореямъ, зефирамъ, нимфамъ, наядамъ, граціямъ и къ парнасу. — Такимъ образомъ, эпическія поэмы Хераскова, разсматриваемыя какъ произведенія искуства, вѣрныя той теоріи искуства, къ которой принадлежатъ, получаютъ настоящее свое значеніе и имѣютъ свое достоинство.

Изъ трагедій его «Венеціанская монахиня», особенно же «Освобожденная Москва», имѣли огромный современный успѣхъ: въ послѣдней впервые на сценѣ нашей явились имена Минина, Пожарскаго, повторенные потомъ Крюковскимъ и Кукольникомъ. Послѣ первыхъ представленій «Освобожденной Москвы», Херасковымъ прибавленъ былъ въ заключеніе пьесы патріотическій хоръ, возбуждавшій «ура!», оглашавшее

театръ. Императоръ Павелъ пожаловалъ автору за эту пьесу драгоцѣнный подарокъ, и, бывая въ театрѣ, повторялъ: «спасибо, спасибо, старику!» [1]) Комедія его «Ненавистникъ» заимствована изъ Мольерова «Мизантропа»; вотъ какъ герой ея Змѣядъ говоритъ о своихъ агентахъ, разсѣевающихъ сплетни и клевету:

Не впрямь ли думаютъ, что я имъ вѣрный другъ?
Мнѣ надобны они для маленькихъ услугъ,
Не сходныхъ съ честностью, съ самымъ людскимъ закономъ;
Я съ ними обхожусь, какъ-будто-бы съ лимономъ:
Сокъ выжму изъ него — бросаю за окно!
Что дружба, что лимонъ, по моему, одно!

— Стихи эти заставляютъ жалѣть, что Херасковъ ограничился одной этой комедіей.

Что касается до языка въ произведеніяхъ Хераскова, то стихи его гораздо выше прозы: прозаическій слогъ его драмъ и романовъ, не только не соотвѣтствуетъ этого рода произведеніямъ словесности, но и самъ по себѣ тяжелъ и грубъ; стихи же его, если въ эпопеяхъ слишкомъ однообразны и потому утомительны, за то въ одахъ, большею частію, правильны и благозвучны, въ трагедіяхъ же и комедіяхъ гораздо превосходятъ стихи Сумарокова.

Княжнинъ, драматургъ, написалъ стихами: *6 трагедій* — «Дидона», «Титово милосердіе», «Рос-

---

[1]) Воспоминаніе о М М Херасковѣ, какъ о драматическомъ писателѣ — Макарова, въ Репертуарѣ русскаго театра, 1815 г

лавъ», «Владиссанъ», «Владиміръ и Ярополкъ» «Софописба»;[1]) *4 комедіи* — двѣ стихами «Хвастунъ» и «Чудаки» и двѣ прозой «Неудачный примиритель, или безъ обѣду домой поѣду» и «Трауръ, или утѣшенная вдова»; 5 *оперъ* — «Сбитеньщикъ», «Несчастіе отъ кареты», «Скупой», «Притворно-сумасшедшая», «Мужья-женихи своихъ женъ»; *мелодраму* «Орфей»; кромѣ того написаны были имъ нѣсколько *стихотвореній*, *басень*, *двѣ рѣчи*, говоренныя имъ въ академіи художествъ и въ кадетскомъ корпусѣ; да сверхъ того «Отрывки изъ риторики» и «Отрывокъ толковаго словаря».

Большая часть его пьесъ, были, въ первый разъ, представлены на придворномъ театрѣ императрицы Екатерины II, въ ея присутствіи : любимой пьесой ея была опера «Несчастіе отъ кареты»; трагедія же «Титово милосердіе» написана Княжнинымъ въ три недѣли, въ слѣдствіе желанія императрицы видѣть на сценѣ римскаго Тита : хотя эта пьеса заимствована изъ Метастазія, но нельзя не замѣтить въ ней нѣкоторыхъ мѣстъ, относившихся къ Екатеринѣ, — на примѣръ эти слова въ устахъ римскаго народа, обращенные къ Титу :

Чѣмъ болѣ кто на тронѣ человѣкъ,
Тѣмъ болѣ тотъ богамъ подобенъ.

---

[1]) „Вадимъ, князь новгородскій," трагедія Княжнина, непзвѣстная при жизни его и напечатанная уже по смерти его, не вошла въ собраніе его сочиненій; осталась лишь рецензія Клушина въ Санктпетербургскомъ Меркуріи, часть III (см „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія," т I, стр. 291)

Сенатъ опредѣляетъ поднесть Титу отъ имени народа названіе отца отечества и посвятить ему храмъ; Титъ отрицается отъ этой чести и въ отвѣтѣ своемъ говоритъ :

Не смѣю титломъ толь священнымъ украшаться,
Доволенъ, если могъ то имя заслужить.
.....
Да будетъ храмъ мой — Римъ, алтарь — сердца гражданъ.

Императрица Екатерина наградила автора за эту пьесу драгоцѣннымъ подаркомъ и пьеса эта повторяема была часто, особенно поддерживаемая игрою Дмитревскаго. — Особенно же имѣла успѣхъ изъ трагедій Княжнина «Рославъ», за которую былъ вызванъ авторъ восхищенными зрителями, но по скромности не явился, а за него благодарилъ публику Дмитревскій : это былъ первый вызовъ драматическихъ авторовъ, съ тѣхъ поръ вошедшій въ обычай. — Драматическія сочиненія Княжнина, — какъ и тестя его Сумарокова, — были подражанія или передѣлки, а индѣ и просто переводы, изъ Корнеля, Рассина, Вольтера, Метастазія, Мольера, Бамарше, Детуша, Реньяра. Его комедіи и оперы болѣе свободны чѣмъ трагедіи, будучи выраженіемъ современныхъ нравовъ : и въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ теперь для насъ непосредственный интересъ, тогда какъ трагедіи составляютъ только историческую принадлежность нашей литературы. Лучшая его комедія, безспорно, «Чудаки»: главное лице въ ней Лентягинъ — характеръ оригинальный, выдержанный

съ начала до конца : въ основѣ этаго характера есть черты, могущія имѣть примѣненіе во всякое время. Какая тонкая иронія въ этихъ наивныхъ словахъ его въ послѣднемъ явленіи пьесы :

Отмѣнной мудрости отборная семья,
Подымемъ дурости людскія мы на шутки,
И дома у себя растопчемъ предразсудки;
Въ тулупахъ, въ колпакахъ, мы вѣкъ златой введемъ.

Исключительныя сцены, гдѣ обрисовывается этотъ характеръ : дѣйствіе I явленіе 1, д. III я. 4 и д. IV я. 4 и 5. — Въ Лептягиной предвидится Простакова. — Вѣтромахъ и Пріятъ — живые портреты своего времени. У перваго

весь умъ въ Французскихъ лишь словахъ,
Въ помадѣ и духахъ и пудрѣ благовонной.

Другой пародируетъ

проказны времена арьадскихъ пастушковъ.

Какъ интересна сцена его съ слугой своимъ Пролазомъ! Мечтая о будущемъ счастіи съ своей любезной, онъ говоритъ : —

И такъ, уже могу ту сладость воображать,
Какъ буду я всегда у ногъ ея вздыхать,
На мякенькихъ лугахъ между цвѣтовъ у рѣчки,
Пасутся издали невинны гдѣ овечки...

Пролазъ.

Охъ! загоните вы овечекъ вашихъ въ клѣвъ,
И выдьте изъ земли бездѣлицъ и романовъ.
Не стыдноль вамъ, сударь, въ тотъ часъ пасти барановъ,
Какъ надо дѣйствовать, — будь сказано не въ гнѣвъ.

Не менѣе интересна и слѣдующая сцена Вѣтромаха съ его слугой Высоносомъ (*д.* III *я.* 1). — Пьеса заключается этими замѣчательными словами, произносимыми Пролазомъ, смастерившимъ свадьбу барина своего Пріята съ дочерью Лентягина — Улинькой:

Окончивъ дѣло я теперь могу смѣяться
Всѣмъ этимъ чудакамъ... Постой, Пролазъ!
И оберни-ка ты на всѣхъ свой строгій глазъ,
А пуще на себя... не станешь забавляться,
Увидишь, ежели не слишкомъ ты дуракъ,
Что всякой, много ли, иль мало, но чудакъ;
И глупость предстоя при каждого рожденье,
Намъ всѣмъ дурачиться даетъ благословенье.

— А сколько, и въ этой и въ другихъ пьесахъ Княжнина, есть сценъ истинно комическихъ! Таковы въ «Чудакахъ»,—сцена представленія сватомъ Труспомъ жениховъ (*д.* III *я.* 6 и 7), весьма напоминающая подобную сцену въ «Женитьбѣ» Гоголя; сцена Улиньки съ Пріятомъ при посредствѣ служанки Марины и Пролаза (*д.* IV *я.* 10 и 11); дуэль двухъ слугъ — Высоноса и Пролаза (*д.* IV *я.* 12); забавная сцена ссоры двухъ стихотворцевъ Тромпетина и Свирѣлкина (*д.* V *я.* 5). Въ «Хвастунѣ», напримѣръ, сцены безстыднаго хвастовства Верхолета (*д.* II *я.* 4 и 7), — такъ напоминающаго Хлестакова и подобныя сцены въ Гоголевскомъ «Ревизорѣ»; или сцены Верхолета съ Замиромъ (*д.* IV явлен. 5). Въ «Неудачномъ примирителѣ» сцена между господиномъ Кутерьмой и госпожею Кутерьмой (*д.* II *я.* 1) и послѣдняя этой пьесы. Въ «Траурѣ»

развязка пьесы (д. II съ явленія 3 до конца). — А вотъ и рѣзкія черты современныхъ слабостей и пороковъ! Простодумъ, дядя Верхолета, откровенно признается : —

Три тысячи скопилъ я дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати-въ рекруты торгуючи людьми.
(Хвастунъ, д. I, я. 5).

Верхолетъ говоритъ Чванкиной, за дочь которой, Милену, сватается безуспѣшно :

Однако слышалъ я, что вашу дочь прельстили.

Полистъ.

Какъ видно, то съ пути ее романы сбили.

Чванкина, съ сердцемъ.

Романы!... я ее поотучу отъ нихъ!
Романы!... слушаться такихъ людей дурныхъ
А гдѣ они живутъ? и гдѣ она видалась?
Марина, отъ тебя и дочь избаловалась.

Марина.

Клянуся, у меня такихъ знакомцевъ нѣтъ.
(Хвастунъ, д. II, я. 7).

Трусимъ разсказываетъ, какимъ образомъ онъ оглохъ и переломилъ ногу : —

У милостивца мнѣ Андроса то случилось :
Въ тотъ разъ чихнувъ платокъ изволилъ уронить.
Обрадовавшись, я вдругъ низко поклонился;
И, чтобъ въ усердіи другихъ опередить,
Какъ самый быстрый конь платокъ поднять пустился;
Полъ гладокъ былъ какъ ледъ; я какъ то зацѣпился,
И ногу повредилъ, ударившись виском.
Былъ долго боленъ я; съ тѣхъ поръ и глухъ и хромъ.

Лентягинъ.

О, низость!

Трусимъ.

Склизость? да и полъ былъ вытертъ воскомъ.

Лентягинъ.

Я низость говорю.

Трусимъ.

Хоть низко я упалъ,
Но я разшибся весь на этомъ мѣстѣ плоскомъ.
(Чудаки, д. II, я. 4).

Пролазъ такъ обрисовываетъ ябедника — отставнаго судью:

Онъ въ ябедѣ себѣ находитъ содержанье,
Изъ одного въ другой переходя приказъ.
Иной ему даетъ хлѣбъ, мясо, соль. указъ;
Иной вино, его нужнѣйше пропитанье.
(Чудаки, д. IV, я, 1).

Пролазъ совѣтуетъ ему — какъ единственное средство для удаленія соперника — «подстеречь его и сшибти съ сѣдла», — а онъ отвѣчаетъ:

Чрезъ драку не введу души моей въ лабетъ.
Чтобъ я дрался, того въ судахъ вы не найдете,
А многажды былъ битъ и бралъ съ того доходъ.

Пролазъ.

Да кто же говоритъ, чтобъ вамъ подраться?
Закопами къ нему вы можете придраться.
(тамъ же, я. 2).

Далѣе онъ говоритъ тоже :

Побои и толчки умѣю переплавить
Я въ злато и сребро...

(тамъ же, д. V я. 7).

Стихотворный языкъ въ комедіяхъ Княжнина гораздо чище и легче нежели въ трагедіяхъ; но проза его свободнѣе стиховъ. Есть, впрочемъ, одно изъ мелкихъ его стихотвореній, подъ заглавіемъ «Исповѣданіе жеманихи, посланіе къ сочинителю былей и небылицъ», весьма замѣчательное, какъ по своему остроумному содержанію, такъ и по игривой пріятной формѣ, напоминающей «Сенсаціи мадамъ Курдюковой».

БОГДАНОВИЧЪ. ХЕМНИЦЕРЪ. АБЛЕСИМОВЪ.

Въ то время какъ словесность наша, подъ непосредственнымъ вліяніемъ французской, имѣя дѣло съ олимпомъ, парнасомъ и древними героями, какъ-то чуждалась земли, людей и современности, стихами только *пѣла*, а прозой *вѣщала*, свое же родное, если и бывало предметомъ ея вниманія, то не смѣло показываться иначе какъ въ чужомъ нарядѣ, — вдругъ являются три произведенія, рѣзко отличившіеся своимъ духомъ и формой отъ всего имъ предшествовавшаго : это «Душенька» *Богдановича*, «Басни» *Хемницера* и «Мельникъ» *Аблесимова*. Здѣсь есть любопытное сближеніе обстоятельствъ. Всѣ эти три прозведенія

явились въ одно время: дѣйствительно, первыя изданія «Душеньки» Богдановича и «Басень» Хемницера принадлежатъ къ 1778 году, а первое представленіе «Мельника» Аблесимова было въ 1779 году. Два изъ этихъ писателей были воспитанниками двухъ корифеевъ нашей словесности того времени: Богдановичь жилъ въ домѣ Хераскова и воспитывался подъ его руководствомъ въ московскомъ университетѣ; Аблесимовъ жилъ въ домѣ Сумарокова и занимался переписываніемъ его сочиненій; Хемницеръ былъ родомъ нѣмецъ и предоставленъ самому себѣ. Два изъ этихъ писателей писали немного: Хемницеръ, кромѣ басень, сочинилъ трагедію «Бланка», которая, однакожъ, не была представлена, и перевелъ «Леманово кобальтословіе»[1]). Аблесимовъ, прежде «Мельника», писалъ басни и сказки; а, послѣ «Мельника», написалъ оперу «Счастье по жеребью» и прологъ — діалогъ «Странники», для открытія московскаго петровскаго театра[2]). Богдановичь же писалъ болѣе: прежде «Душеньки» онъ сочинилъ поэму «Сугубое блаженство», перевелъ Вольтерову оду «На разрушеніе Лиссабона», «Вертотову исторію перемѣнъ въ Римѣ» и «Пѣснь Екатеринѣ II Микель-Анджелло Джіанотти» (за которую былъ представленъ императрицѣ), да сочинилъ «Историческое изображеніе Россіи»; послѣ же «Душеньки»,

---

[1]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія, т II, стр 235.

[2]) „Аблесимовъ," соч Макарова, въ Репертуарѣ русскаго театра 1841 г.

написалъ лирическую комедію «Радость Душеньки» и драму «Славяне», а также, по порученію Екатерины II, издалъ «Собраніе русскихъ пословицъ»; сверхъ того онъ былъ издателемъ журналовъ «Невинное увеселеніе» и «Санктпетербургскій Вѣстникъ».— Но все это остается лишь архивною принадлежностью нашей литературы; между тѣмъ какъ «Душенька», «Басни», «Мельникъ» могутъ быть причислены къ капитальнымъ пріобрѣтеніямъ нашей литературы. По этому то онѣ и оцѣнены не въ свое время, а гораздо позже : такъ, «Душенька» Богдановича, впервые представлена въ надлежащемъ свѣтѣ Карамзинымъ, въ 1803 году, въ его «Вѣстникѣ Европы»; «Басни» Хемницера не замѣчены во время ихъ появленія, и публика, равно какъ и критика, гораздо позже обратили на нихъ свое вниманіе; «Мельникъ» Аблесимова, имѣвшій сначала успѣхъ, скоро однакожъ, наскучилъ своими мужиками тогдашнимъ именитымъ любителямъ драматическаго искуства, избалованнымъ французскимъ театромъ. — Но сѣмя было брошено, — и оно принесло плодъ свой во время свое...

«Душенька» Богдановича, будучи въ свое время явленіемъ необыкновеннымъ, останется навсегда въ нашей литературѣ памятникомъ дарованія оригинальнаго уже потому, что Богдановичь умѣлъ выйти изъ обыкновенной колеи стихотворцевъ, а его поэзія впервые заговорила у насъ на такой ладъ :

О ты, пѣвецъ боговъ,
Омиръ, отецъ стиховъ,
Двойчатыхъ, мѣрныхъ, стройныхъ,
И къ пѣнію пристойныхъ!
Прости вину мою,
Коль выкройкою словъ себя не безпокою
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю.
Доволенъ мыслію простою,
Черты, безъ ровныхъ стопъ, по вольному покрою,
На разный образецъ крою,
И малой мѣры, и большія,
И часто риемы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на концахъ.
А есть и отъ того устану,
Безтрудно и отважно стану,
Забывъ черниль и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ риемъ, ниль просто въ прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою;
Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя,
Пріятно разсмѣялась Хлоя.

Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они
Острѣйшимъ разумомъ пріятности явили;
Перомъ ихъ, кажется, что граціи водили,
Иль сами граціи писали то одни.
Но если подражать ихъ слогу невозможно,
Потщусь за ними въ слѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ,
Тому подобно тѣнь представить осторожно
И въ повѣсть иногда вмѣстить забавный стихъ.

Какъ подражаніе сказкѣ Лафонтена, заимствованной имъ у Апулея, «Душенька» также обнаруживаетъ въ Богдановичѣ дарованіе оригинальное насколько

онъ успѣлъ это подражаніе сдѣлать произведеніемъ самостоятельнымъ, придавъ ему колоритъ національный. — Но народность наша, скользнувшая мимоходомъ въ сказкѣ Богдановича, гораздо яснѣе проявляется въ басняхъ Хемницера — писателя, съ талантомъ еще болѣе оригинальнымъ и самобытнымъ. Оригинальность эта обнаруживается въ двухъ существенныхъ качествахъ, отличающихъ басни Хемницера: это его простодушіе — искреннее, а потому и увлекательное, и при томъ игра ума чисто русскаго, облеченнаго и въ русскую рѣчь; здѣсь то впервые зардѣлась свѣтлая заря нашей народности, просіявшая яркимъ солнцемъ въ басняхъ Крылова... Сравнивая переводныя басни Хемницера (каковы, напримѣръ: — «Медвѣдь плясунъ», «Зеленый оселъ», «Лисица и сорока», «Счастливое супружество», «Перепелка и крестьянинъ», «Усмирительный способъ», «Воля и неволя», «Стрѣлка часовая», «Стряпчій и воры», «Орлы», «Дѣлежъ львиной»); съ оригинальными (напримѣръ: «Метафизикъ», «Буквы», «Привиллегія», «Поборъ львиной», «Левъ сватъ», «Оселъ, приглашенный на охоту», «Лѣстница», «Два богача», «Левъ, учредившій совѣтъ», «Тѣнь мужа и Харонъ», «Друзья», «Чужая бѣда») — нельзя не признать, что первыя, будучи переводы лишь по мысли и по содержанію, заимствованнымъ у Лафонтена, Геллерта и другихъ, по выраженію и колориту чисто самобытныя произведенія; равно вторыя не уступаютъ образцовымъ авторитетамъ, какъ художественною выдер-

жанностію въ цѣломъ, такъ и прекрасными частностями. Вотъ, напримѣръ, двѣ оригинальныя басни Хемницера:

ЛЕВЪ, УЧРЕДИВШІЙ СОВѢТЪ.

Левъ учредилъ Совѣтъ какой-то неизвѣстно.
И посадя въ него сочленами Слоновъ,
Прибавилъ больше къ нимъ Ословъ.
Хотя Слонамъ сидѣть съ Ослами и невмѣстно,
Но Левъ не могъ того числа Слоновъ набрать,
Какому надлежало
Въ Совѣтѣ засѣдать.
Ну, чтожъ! пускай числа всего бы не достало,
Вѣдь это-бъ не мѣшало
Дѣла производить?
Нѣтъ! *какъ-же?* А *уставъ ужли переступить?*
Хоть будь Ослы судьи, лишь счетомъ бы ихъ стало.
А сверхъ того, какъ Левъ Совѣтъ сей учреждалъ,
Онъ этакъ разсуждалъ
И все надеждой льстился:
Что умъ Слоновъ
На разумъ наведетъОсловъ.
Однако, какъ Совѣтъ открылся,
Дѣла совсѣмъ другимъ порядкомъ потекли:
Ослы Слоновъ съ ума свели.

ДРУЗЬЯ.

Давно я зналъ, и вновь опять я научился,
Чтобъ другомъ никого, не испытавъ, не звать.

Случилось мужику чрезъ ледъ переѣзжать,
И возъ его сквозь ледъ, къ несчастію, провалился.
Мужикъ метаться и кричать:
«Ой, батюшки! тону, тону! Ой, помогите»!
— «Ребята! что же вы стоите?
Поможемъ-те», одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.
«Поможемъ»! каждой подтвердилъ;

Но къ возу, между тѣмъ, никто не подходилъ.
А должно знать, что всѣ одной деревни были,
Друзьями межъ собою слыли,
Не разъ, за братское здоровье, вмѣстѣ пили;
А сверхъ того, между собой,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой,
Крестами даже поменялись.
Другъ друга братомъ всякъ зоветъ —
А братний возъ ко дну идетъ!
По счастью мужика, сторонние сбѣжались,
И вытащили возъ на гедъ

Еще ярче высказывается наша народность въ комической оперѣ Аблесимова «Мельникъ». — Дѣло очень просто: Филимонъ любитъ Анюту, Анюта любитъ Филимона; отецъ ея Анкудинъ желаетъ выдать дочь свою за мужика, а мать Фетинья за дворянина; парень и дѣвка обращаются къ мельнику Фадею, который, по народному предразсудку, что мельники знаются съ домовыми, слыветъ колдуномъ; мельникъ устраиваетъ свадьбу, увѣряя отца, что женихъ — мужикъ, а мать, что онъ дворянинъ: да какъ же это? спрашиваютъ они; и вотъ онъ поетъ пѣсню, въ которой разгадывается загадка: —

На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ, и самъ боярин;
Самъ и пашетъ, самъ орютъ,
И съ крестьянъ оброкъ берютъ.
Это знайте;
Это знайте,
Не вступайте,
Больше въ спорецъ.
Ево знаютъ,
Называютъ,
Однодворецъ!...

Но дѣло не въ сюжетѣ, а въ изложеніи: прислушайтесь къ языку дѣйствующихъ лицъ, вникните въ образъ ихъ мыслей, — и вы увидите, что это настоящая наша Русь — не подмалеванная, но списанная живьемъ съ натуры... Судите же, какой эффектъ могла произвести эта картина, выведенная на сцену въ то время, когда публика знала лишь подрумяненныхъ и подбѣленныхъ Оронтовъ, Криспиновъ, Финетъ, и тому подобныхъ. — Еще замѣчательны въ этой оперѣ пѣсни, напримѣръ: «Кто умѣетъ жить обманомъ», «Вотъ спою какую пѣсню», «Ахъ начтожъ было, ахъ къ чемужъ было».

ДЕРЖАВИНЪ. ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

Изъ всѣхъ литературныхъ именъ, принадлежащихъ вѣку Екатерины и Ломоносовскому періоду нашей литературы, рѣзко выдвигаются впередъ, по обширному самобытному своему значенію въ исторіи нашей литературы, два писателя, которыми, безспорно, она можетъ гордиться: это *Державинъ* и *Фонъ-Визинъ*. Оба они пользовались большою славою въ свое время, оба они неотъемлемо сохранили этотъ авторитетъ свой въ исторіи нашей литературы, оба

они были, какъ нельзя болѣе, вѣрны духу своего времени, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оба они глубоко проникнуты были духомъ своенароднымъ, хотя и не достигшимъ въ ихъ произведеніяхъ полнаго проявленія. Вотъ ихъ сходства, но здѣсь же и ихъ разница — какъ въ отношеніи предмета и направленія ихъ литературной дѣятельности и собственнаго ихъ значенія, такъ и въ отношеніи ихъ литературнаго вліянія: одинъ изъ нихъ стихотворецъ, другой прозаикъ; первый лирикъ, второй драматургъ; Державинъ, будучи избраннымъ поэтическимъ геніемъ въ самыхъ исполинскихъ размѣрахъ, своими дивными созданіями не оставилъ, однакожъ, никакого слѣда въ нашей литературѣ, Фонъ-Визинъ, какъ писатель драматическій съ особеннымъ сатирическимъ направленіемъ, немногими своими произведеніями внесъ плодотворное вліяніе въ нашу литературу, а чрезъ нее въ нашу общественность; по отношенію же ихъ обоихъ къ предшествующей литературѣ, Державинъ былъ прямой наслѣдникъ Ломоносова, Фонъ-Визинъ — Кантемира.

Державинъ[1]), по происхожденію своему русскій дворянинъ, родился въ Казани: есть преданіе, что первымъ младенческимъ лепетомъ его было слово *Богъ*, и одно изъ первыхъ свободныхъ движеній руки

---

[1]) Ключъ къ сочиненіямъ Державина, изданный Остолоповымъ Спб. 1822 — Объясненія на сочиненія Державина, имъ самымъ диктованныя, изданныя Львовымъ. Спб. 1831. —

младенца Державина было указаніе на комету, появившуюся въ 1744 году, въ который прибыла принцесса Ангальтъ-Цербская, въ послѣдствіи императрица Екатерина II. — Сначала воспитывается онъ въ оренбургской частной школѣ нѣмца Розе: потомъ въ казанской гимназіи, подъ дирекціею Веревкина, читаетъ Ломоносова, Сумарокова, Тредьяковскаго, и пятьнадцати лѣтъ пишетъ стихи, романы, сказки, подражая чиганнымъ образцамъ, но все это уничтожаетъ не показывая никому даже и школьнымъ своимъ товарищамъ. Записанный кондукторомъ въ инженерный корпусъ, онъ, по прибытіи въ Петербургъ, переведенъ рядовымъ въ преображенскій полкъ: замѣчательно, что будущій бардъ вѣка Екатерины стоялъ на часахъ въ петергофскомъ дворцѣ, въ ту самую ночь, когда послѣдовало ея возшествіе на престолъ, также присутствовалъ и при ея коронаціи въ Москвѣ. — Живя въ Петербургѣ, въ полковыхъ казармахъ, онъ продолжалъ читать книги, попадавшіяся ему подъ руку и писать стихи единственно для себя на разные случаи, и здѣсь — какъ самъ говоритъ — «правила поэзіи почерпалъ изъ сочиненій Тредьяковскаго, а въ выраженіяхъ и слогѣ старался подражать Ломоносову.» — Съ полученіемъ офицерскаго чина, ему было болѣе досужно читать и писать: онъ переводилъ съ нѣмецкаго, подражалъ Гагедорну, Клейсту, Захаріи, Галлеру, и перевелъ двѣ пѣсни «Мессіады» Клопштока. Въ это время (1772 г.) въ періодическомъ изданіи Рубана

«Старина и Новизна» въ первый разъ былъ напечатанъ его переводъ прозою Овидіевой героиды, «Вивлида къ Кавну». Затѣмъ, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Бибикова, онъ находился въ экспедиціи противъ Пугачева: здѣсь онъ въ торжественной рѣчи и въ письмѣ отъ имени казанскаго предводителя выражаетъ императрицѣ благодарность казанскаго дворянства, къ которому и самъ принадлежалъ, за ея монаршее вниманіе, и потомъ отличается также и мечемъ какъ перомъ; возвратившись, онъ переведенъ былъ въ сенатъ подъ начальство кн. Вяземскаго. Помѣщая все написанное имъ въ то время въ «Санктпетербургскомъ вѣстникѣ», издававшемся подъ редакціею Брайко, онъ сдѣлалъ (въ 1779 г.) первое собраніе нѣсколькихъ своихъ сочиненій и переводовъ прозой и стихами, подъ названіемъ «Четалагайскихъ одъ», названныхъ такъ, потому, что они писаны въ саратовской губерніи при горѣ Четалагай. — Съ этого времени начинается новый періодъ литературной его дѣятельности, въ который, онъ, по собственному его выраженію, «*избралъ совершенно особый путь*, преводимый наставленіями Батте». Въ самомъ дѣлѣ, съ слѣдующаго года (1780 г.), — въ который написана имъ ода «На смерть кн. Мещерскаго», и во время заутрени, въ свѣтлое воскресенье, въ дворцовой церквѣ, возникла первая идея оды «Богъ», — начинается рядъ тѣхъ капитальныхъ произведеній Державина, которыми онъ стяжалъ себѣ безсмертную славу. Такъ, чрезъ годъ

послѣ (1782), написана имъ «Фелица», напечатанная, мимо вѣдома Державина, княгинею Дашковою (въ 1783 г.), въ издававшемся ею, подъ руководствомъ императрицы Екатерины, «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова»: императрица, до глубины души растроганная искренностію обращенія къ ней поэта, пожелала видѣть того, «кто бы могъ такъ хорошо знать ее»: Державинъ былъ награжденъ императрицею, представленъ къ двору и здѣсь начинается новая эпоха жизни Державина: онъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Олонецкъ, отсюда переведенъ въ Тамбовъ; прослуживъ пять лѣтъ, два года былъ въ отставкѣ, потомъ опредѣленъ статсъ-секретаремъ при императрицѣ, за тѣмъ сенаторомъ и президентомъ комерческой коллегіи: при императорѣ Павлѣ I сдѣланъ государственнымъ казначеемъ; а при императорѣ Александрѣ I, годъ находился министромъ юстиціи. — Девятнадцати лѣтъ поступивъ на службу отечеству, шестнадцать лѣтъ прослуживъ на поприщѣ воинскомъ и двадцать шесть лѣтъ на поприщѣ гражданскомъ, онъ остальныя тринадцать лѣтъ доживаетъ то въ своемъ сельскомъ уединеніи Званкѣ, то въ С.-Петербургѣ, гдѣ въ домѣ его собиралась такъ называвшаяся *бесѣда любителей русскаго слова.*

Такова жизнь поэта Державина, какъ человѣка, имѣвшая непосредственное отношеніе къ его поэзіи.

Обращаясь же къ поэтической характеристикѣ Державина, нельзя не видѣть въ немъ — какъ уже замѣчено выше — прямаго преемника Ломоносова: не

даромъ онъ постоянно питалъ къ нему благоговѣйную память и называлъ себя его ученикомъ. Дѣйствительно, по историческому значенію Ломоносова и Державина, какъ поэтовъ національныхъ, они находятся между собою въ ближайшемъ отношеніи. Ломоносовъ, какъ христіанинъ, былъ постоянный провозвѣстникъ небесныхъ истинъ и святыхъ чувствъ: какъ русскій, онъ былъ пѣвецъ современной ему исторической славы своего отечества; но преимущественно задушевными думами его были — великій герой Россіи Петръ и науки, которыхъ Ломоносовъ былъ представителемъ, Петромъ насажденныя и лелѣемыя державною дщерію его — покровительницею Ломоносова. Такъ и Державинъ, то проникается религіознымъ восторгомъ, или въ божественномъ откровеніи находитъ утѣшеніе отъ скорбей сердечныхъ и успокоеніе отъ волненій душевныхъ, то славитъ современные ему блистательные подвиги русскаго оружія; то воспѣваетъ Екатерину II — учредительницу благоустроенной гражданственности въ отечествѣ, и свою покровительницу. — Но это лишь внѣшняя относительная сторона поэзіи Державина; что касается до того, что принадлежитъ безотносительно самому Державину и составляетъ внутреннюю сущность его поэзіи, это — непосредственное увлеченіе его духомъ своего времени и вмѣстѣ кровное родство его съ своенароднымъ духомъ: здѣсь поэзія его пріобрѣтаетъ тотъ жизненный характеръ, который отличаетъ ее отъ кабинетной поэзіи Ломоносова и даетъ

надъ нею важное преимущество. Какъ *лирикъ* вообще, онъ въ своихъ произведеніяхъ проявилъ всѣ четыре рода ея, представителями которыхъ — Пиндаръ, Анакреонъ, Горацій, Овидій. — Вотъ данныя, на основаніи которыхъ могутъ быть обозрѣваемы произведенія Державина, составляющія драгоцѣнное сокровище отечественной литературы.

Выше сказано, что славная извѣстность Державина пріобрѣтена имъ его безсмертною «Фелицой», понравившеюся императрицѣ за ея искренній тонъ. Да еслибы даже ода эта не имѣла своего непосредственнаго поэтическаго достоинства, то уже она имѣетъ сама по себѣ великое значеніе, какъ благородный голосъ поэта-подданнаго къ своей монархинѣ, какъ вѣрное изображеніе Екатерины Великой, какъ яркая картина современныхъ общественныхъ правовъ. Поэтому, хотя «Фелица» слишкомъ извѣстна всѣмъ грамотнымъ людямъ на Руси; но, въ слѣдствіе предположеннаго направленія этого *очерка русской словесности*, заключающаго въ себѣ *фактическое изложеніе отечественной словесности*, поэма Державина, — составляющая, по отношенію къ поэтической личности творца, драгоцѣнное свидѣтельство, по предмету и содержанію своему монументальный документъ, не только въ исторіи нашей литературы, но и въ исторіи нашей гражданственности, какъ художественное же произведеніе неразрывное цѣлое, — должна быть представлена здѣсь вполнѣ.

ОДА ПРЕМУДРОЙ КИРГИЗЪ-КАЙСАЦКОЙ ЦАРЕВНѢ ФЕЛИЦѢ.

написанная нѣкоторымъ татарскимъ мурзою издавна въ Москвѣ поселившимся и живущимъ въ С.-Петербургѣ переводъ съ арабскаго языка [1])

Богоподобная Царевна
Киргизъ-Кайсацкия орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ?
Она мой духъ и умъ пѣпяетъ
Подай, пайти ее, совѣтъ.

Подай, Фелица! наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье,
И счастливымъ на свѣтѣ быть?
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,

---

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ оыла первоначально напечатана „Фелица“ — „Здѣсь подъ именемъ киргизской царевны Фелицы представлена императрица Екатерина Вторая, что она сочинила сказку о Царевичѣ Хлорѣ, котораго Фелица, то-есть богиня счастья, сопровождала на гору, гдѣ растетъ роза безъ шиповъ, и была путеводительницею Хлора въ храмъ добродѣтели. Авторъ имѣлъ свои деревни въ оренбургской губерніи, въ сосѣдствѣ киргизской орды, которая числится въ подданствѣ Россіи“ (См примѣч. 2 къ „Фелицѣ,“ Смирд изд соч Державина, т I)

И всѣмъ изъ своего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я отъ утра до утра;

Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клубъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,[1])
Не ходишь съ трона на востокъ;
Но, врагости ходя стезею,
Благотворящею душею,
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью:
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ персовъ похищаю,
То, стрѣлы къ туркамъ обращаю;
То, возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ;

Или, въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столь сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ —
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,
Шампанскимъ вафли запиваю,
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ,

---

[1]) Разумѣется масонская ложа (См примѣч 5).

Или, средь рощицы прекрасной
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь, —
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце сй любовь;

Или, великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой,
Я подъ качелями гуляю;
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ;

Или, музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или, кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ,
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту,
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или, надъ невскими брегами,
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И гребцей удалыхъ гребцовъ;

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу;
То въ жмурки рѣзвимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся,
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:

Полкана и Бову читаю,
За Библией зѣвая, сплю.

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто столько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами.
Между пенятемъ и брюзгой[1]),
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто разумъ не порокомъ
Путь добродѣтели прямой?

Нашелъ: но льзя ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ въ сѣдь страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у нужниковъ, тмятъ вѣжды;
Вездѣ соблазнъ и тесть живетъ;
Нашей всѣхъ роскошь угнѣтаетъ,
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣлать хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣпость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

---

[1]) Все это намеки на прихоти, привычки, образъ жизни Потемкина, Орлова, Нарышкина Вяземскаго (См. примѣчания 6, 7, 8, 9, 10, 11 къ „Фелицѣ", въ Смирдинскомъ изданіи, сочиненій Державина, 1847, г. I)

Единa ты никѣ не обидишь.
Не оскорбляешь никого;
Дурачества сквозь пальцы видишь;
Лишь зла не терпишь одного;
Простунья снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь, —
Ты знаешь прямо цѣну имъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

Ты здраво о заслугахъ мыслишь:
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только риѳмы можетъ плесть.
А что сія ума забава,
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія Тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и Мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно,
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить:
Что будто самымъ крокодиламъ,

Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коть счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ низпосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить;

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щолкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ,
И сажей не марають рожъ[1]).

Ты вѣдаешь, Фелица! правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья,
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худова, —
И самаго сатира злова
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь».

Стыдишься слыть ты тѣмъ Великой
Чтобъ страшной, не любимой быть;

---

[1]) Относится къ прежнимъ временамъ и, между прочимъ, къ извѣстной свадьбѣ князя Голицына, въ царствованіе Анны Іоанновны (См. примѣч. къ „Фелицѣ“ 14 и 15)

Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горичкѣ бѣдства,
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ какъ Богъ.

Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ,
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить[3]);

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ. —
Вѣщай, премудрая Фелица!
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?

---

[3]) Все это относится къ государственнымъ распоряженіямъ, къ благоденствію народному, въ царствованіе императрицы Екатерины II (См. примѣч. къ „Фелицѣ“ 17, 18, 19, 20, 21 и 22).

Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ? —
У трона развѣ твоего!

Но гдѣ твой тронъ сіятъ въ мирѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ? Смирнѣ? Кашемирѣ?
Послушай, гдѣ ты ни живешь:
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки, иль бешметя,
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу великаго Пророка:
Да праха ногъ твоихъ коснусь!
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки!
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

Извѣстно, что чрезъ нѣсколько дней по напечатаніи «Фелицы» въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова», Державинъ, обѣдая у начальника своего князя Вяземскаго, получилъ принесенный почталіономъ пакетъ съ надписью: «Изъ Оренбурга отъ Киргизской царевны къ мурзѣ», въ которомъ находилась золотая табакерка, осыпанная бриліантами и въ ней 500 червонцевъ. — Между тѣмъ княгиня Дашкова дала знать Державину, что ода его поднесена императрицѣ

и приказала представить сочинителя. Вотъ что говоритъ самъ Державинъ объ этомъ представленіи въ «Объясненіяхъ, диктованныхъ имъ племянницѣ своей Львовой» : «Авторъ представленъ былъ императрицѣ въ воскресенье, въ кавалергардской комнатѣ, при множествѣ зрителей. Государыня, подойдя къ нему, въ нѣсколькихъ шагахъ остановилась и, окинувъ автора быстрымъ взоромъ, подала наконецъ ему руку. Сего величественнаго взора авторъ не могъ забыть никогда.» — Поэтъ выразилъ признательность свою державной покровительницѣ одою «Благодарность Фелицѣ». — Но «Фелица», доставивъ Державину громкую извѣстность, вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила противъ него зависть и злобу : инымъ странно было, что экзекуторъ сената отважился такъ смѣло подойти къ престолу владычицы полсвѣта, которая такъ милостиво и любезно приняла безвѣстнаго стихотворца; другимъ досадно было, что домашнія ихъ дѣла выводились наружу меткою сатирой поэта; третьи находили въ нелицемѣрномъ обращеніи Державина къ императрицѣ, лесть выскочки, желающаго пробить себѣ дорогу къ почестямъ; да и сама императрица намекала, что пѣвецъ слишкомъ ее хвалитъ... Это вызвало у Державина эти энергическіе стихи въ одѣ его «Видѣніе мурзы», которыми она оканчивается :

«Возможно ль, кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему

И ты, и ты чтобы бросала,
И плачени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту,
За кажду мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному — очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнятъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ;
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣтъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты. —
Я пѣлъ, пою, и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучь, потомству сообщу;

Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ!

И поэтъ остался вѣренъ своему обѣту: онъ продолжаетъ славить свою Фелицу, и такъ рисуетъ портретъ ея устами ея самой («Изображеніе Фелицы»): —

«Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла я вамъ:
Ставъ сами вы себѣ послушны,
Живите, славтеся въ мой вѣкъ,
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человѣкъ.

«Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить,
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать;

«Даю вамъ право собираться,
И въ Думахъ золото копить,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать и окончать[1]).

«Не воспрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху и лесть,
Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ,

[1]) Относится къ правамъ сословій, дарованнымъ въ царствованіе императрицы Екатерины II и государственнымъ ея мѣрамъ (См. примѣч. къ „Изобр Фелицы“ 11, 12, 13, 15, 16).

Махать съ духами, пить и ѣсть;
Но я во всемъ что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть;
Великолѣпно и спокойно
Мои благодѣянья лить».

За годъ до кончины императрицы Державинъ поднесъ ей собраніе своихъ сочиненій съ «Приношеніемъ», въ заключеніи котораго онъ выражается:

И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глодать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира конь моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою, — твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

Но — какъ самъ Державинъ говоритъ — это «названіе Фелицы, употребляемое авторомъ въ забавныхъ сочиненіяхъ, другіе стихотворцы уже употребляли во всякихъ сочиненіяхъ, гдѣ было какое нибудь отношеніе къ государынѣ»; а потому онъ воспѣваетъ день рожденія императрицы стихотвореніемъ «На рожденіе царицы Гремиславы» (надписанномъ Л. А. Нарышкину): оно начинается любимымъ изреченіемъ Екатерины II: «Живи и жить давай другимъ»; оканчивается же этой прекрасной строфой:

Въ цвѣтахъ другой нѣтъ розы въ мірѣ[1]):
Такой царицы міръ не зритъ!

---

[1]) „Поляки, по возвращеніи имъ Варшавы, выбили въ семъ году медаль, на одной сторонѣ которой изобразили портретъ императрицы, а на другой розу съ иглами и съ надписью „Благоухаетъ и страмитъ“ (Примѣч.).

Любовь и власть въ ея порфирѣ
Благоухаетъ и страшитъ.
Такъ знаетъ царствовать искуство
Лишь въ Гремиславѣ — Божество.

Это былъ, однакожъ, послѣдній день рожденія императрицы : тогожъ года ее не стало, и бардъ ея гласитъ въ «Надгробной» :

Россія! се Екатерина,
Владичица твоя и мать!
Ея вселенной половина
Души невозмогла вмѣщать.
Се въ гробѣ образецъ царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о ней.

Таковы были отношенія поэзіи Державина къ императрицѣ Екатеринѣ II! Кромѣ личныхъ признательныхъ чувствъ къ своей благотворительницѣ, онъ, какъ русскій, очами всей Россіи, видѣлъ въ ней истинную мать отечества, какъ человѣкъ, сочувствовалъ въ ней святому человѣчественному направленію, характеризовавшему ея царствованіе, служившее довершеніемъ царствованія Петра I. — Державинъ сознавалъ и этотъ прекрасный историческій союзъ великаго героя сѣвера съ сѣверной героиней, воздвигшею ему въ созданной имъ столицѣ достойный его памятникъ, и однѣ изъ первыхъ патріотическихъ пѣснопѣній своей лиры онъ посвящаетъ «Петру Великому» и его «Монументу». — Вотъ нѣсколько отдѣльныхъ строфъ изъ первой пьесы, въ которой такъ типически воссоданъ имъ неподражаемый прототипъ величаго генія и геніяльнѣйшаго властителя народовъ :

Какъ Богъ, великимъ провидѣньемъ,
Онъ все собою озиралъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченьемъ,
Онъ все собою исполнялъ.

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.

Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.

Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ;
Что̀ должны дѣлать милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.

Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ:
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?

— Созданная Петромъ русская армія, расчитавшись съ героемъ шведскимъ на поляхъ полтавскихъ за урокъ въ военномъ искуствѣ, въ царствованіе же дщери Петра Елисаветы помѣрявшись силами съ героемъ прусскимъ, въ царствованіе Екатерины II и преемника ея Павла I, ознаменовала себя безпре-

рывнымъ рядомъ побѣдоносныхъ торжествъ, при внукѣ же ея Александрѣ I сокрушила мощь всемірнаго завоевателя. Какъ русскій, Державинъ съ любовію слѣдитъ современные ему успѣхи русскаго оружія, съ начала до конца своего поприща. Кому не извѣстны его оды: «На пріобрѣтеніе Крыма», «Осень во время осады Очакова», «На шведскій миръ», «На взятіе Измаила», «На взятіе Варшавы», «На покореніе Дербента», «Орелъ», «На побѣды въ Италіи», «На переходъ альпійскихъ горъ», «На выступленіе корпуса гвардейскаго въ походъ», На миръ 1807 года», «На побѣду подъ Люцинымъ», «На побѣду при Лейпцигѣ», «На покореніе Парижа», «На торжество, бывшее въ Санктпетербургѣ 18 марта 1816 г.», «Гимнъ лироэпическій на прогнаніе Французовъ изъ отечества». — И въ какихъ величественныхъ образахъ представляетъ поэтъ военачальниковъ, воиновъ и ихъ доблестныя дѣянія!

Идутъ — какъ въ тучахъ скрыты громы,
Какъ двигнуты безмолвны холмы;
Подъ ними стонъ, — за ними дымъ.

Идутъ въ молчаніи глубокомъ;
Во мрачной, страшной тишинѣ;
Собой пренебрегаютъ, рокомъ;
Зарница только въ вышинѣ
По ихъ оружію играетъ,
И только ихъ душа сіяетъ,
Когда на бой, на смерть идетъ.
Ужъ блещутъ молніи крылами,
Ужъ осыпаются громами;
Они молчатъ, идутъ впередъ.

Не бардъ ли древній, изступленный,
Волшебнымъ ихъ ведетъ жезломъ?
Нѣтъ! свыше пастырь вдохновенный
Предъ ними идетъ со крестомъ;
Вѣнцы нетлѣнны обѣщаетъ,
И кровь пролить благословляетъ
За честь, за вѣру, за царя;
За нимъ вождей рядъ предъ полками,
Какъ бурныхъ дней предъ облаками,
Идетъ огнистая заря.

Такъ идутъ русскіе къ твердынямъ измаильскимъ... И предъ всесокрушительными громами ихъ падаютъ эти твердыни, — и русскіе входятъ въ Измаилъ: —

Представь: по свѣтлости лазуря,
По наклоненію небесъ,
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лѣсъ;
Какъ страшна нощь, надулась чревомъ,
Дохнула съ свистомъ, воемъ, ревомъ,
Помчала воздухъ, прахъ и листъ;
Подъ тяжкими ея крылами
Упали кедры вверхъ корнями,
И затрещалъ Ливанъ кремнистъ.

Представь послѣдній день природы,
Что пролилася звѣздъ рѣка;
На огнь пошли стѣною воды,
Бугры взвились на облака;
Что вихри тучи къ тучамъ гнали,
Что мракъ лишь молніи освѣщали,
Что громъ потрясъ всемірну ось,
Что солнце мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се видъ, какъ вшелъ въ Измаилъ Россъ!

Это ода, или, лучше сказать, поэма, заключается

прелестнымъ изображеніемъ славной памяти падшихъ за отечество :

А слава тѣхъ не умираетъ,
Кто за отечество умретъ :
Она такъ въ вѣчности сіяетъ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ.
Временъ въ глубокомъ отдаленьи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни,
Которыхъ мужествень былъ духъ.
Съ гробовъ ихъ въ души огнь польется,
Когда по рощамъ раздается,
Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ.

А какая величественная картина покоренія Варшавы : —

Пошелъ, — и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ!
Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ — и царство покорилъ!
О, Россъ! о, подвигъ исполина!
О, всемогущая жена!
Безсмертная Екатерина!

Полсвѣта очертилъ блистающій вашъ мечь;
И славы громъ,
Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ споровъ,
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучитъ,
И въ вѣчность возвѣститъ,
Кто былъ Суворовъ!

Въ поэтическихъ своихъ сочувствіяхъ Державинъ не пропускаетъ также ни одного торжественнаго случая

царствующаго Дома: между такими одами его особенно замѣчательны, относящіяся къ блаженной памяти императору Александру Благословенному (сравните «На рожденіе въ сѣверѣ пофиророднаго отрока» съ одой «На возшествіе на престолъ Александра I») и ода по случаю крещенія нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая I, предвозвѣстившая великую судьбу новорожденнаго: —

Родителямъ по крови,
По сану — исполинъ;
По благости, любови,
Полсвѣта Властелинъ;
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душей Екатеривѣ равенъ!

— Но вѣкъ Екатерины былъ, по преимуществу, вѣкомъ героическимъ: сѣверная героиня была окружена героями, между которыми въ исполинскихъ образахъ рисуются гомерическія личности Потемкина и Суворова. Державинъ, при жизни Потемкина, изображаетъ его въ одахъ «Рѣшемыслу», «Анакреонъ въ собраніи», кончину же его оплакиваетъ дивнымъ своимъ созданіемъ «Водопадъ»: —

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ ленты покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолствуютъ отверсты! [1])

[1]) Относится къ подробностямъ скоропостижной кончины кн Потемкина, 5 октября 1791 г на дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ (См примѣч къ „Водопаду“ 15 и 16).

Чей одръ — земля; кровь — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Внезапно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмѣ музъ, другъ Аполлона,
На полѣ Марса вождемъ слылъ;
Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ — хотя и не въ порфирѣ?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ,
И всей вселенной колебалъ?

Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустынны
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрылъ понтъ черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?

Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ росской силѣ,
Стихии самыя попрать
Въ Очаковѣ и въ Измаилѣ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой? [1])

Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ!
Парящій замыслами умъ!

---

[1]) Разумѣются подвиги князя Потемкина, какъ новороссійскаго генералъ-губернатора и какъ военачальника (Примѣч 17, 18, 19)

Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ, — и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки;
Се ты, о, чудный вождь Потемкинъ!

Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искуство, разумъ, красота
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вкругъ цвѣли,
И счастье съ славой слѣдомъ шли.

Се ты, небеснаго нлодъ дара,
Кому едва я посвятилъ;
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила,
Воспѣлъ... Но смерть тебя скосила!

Увы! и хоровъ сладкій звукъ
Моихъ въ стенанье превратился;
Свалилась лира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звѣздъ
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.

Увы! и громы онѣмѣли,
Ревущія тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ:
И все, что близъ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечь въ полножны войти чуть могъ, —
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслось за ней
Незапной смертію твоей!

Представляя Суворова при жизни въ одахъ «На взятіе Варшавы», «На переходъ Альпійскихъ горъ», онъ, въ своей граціозной пьесѣ «Снигирь», написанной по случаю погребенія Суворова, вопрошаетъ:

Кто теперь вождь вашъ? кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ.

Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечь закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари,
Тысячи воинствъ, стѣнъ и затворовъ,
Съ горстью Россіянъ все побѣждать?

Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ;
Шутками зависть, злобу штыкомъ,
Рокъ низлагать молитвой и Богомъ,
Скиптры давая, зваться рабомъ;
Доблестей бывъ страдалецъ единыхъ,
Жить для царей, себя изнурять?

— Но не однихъ лишь героевъ брани — Потемкина, Суворова, Орлова («Аѳинейскому витязю», «На кончину графа Орлова»), Зубова («На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи»), Бибикова («На смерть Бибикова») воспѣваетъ громозвучная лира Державина: она равно славитъ и прекрасныхъ подвижниковъ мирной гражданственности: Бецкаго («На кончину благотворителя»), Шувалова («На выздоровленіе Мецената»), Строганова («Любителю художествъ»), не забываетъ и скромнаго, неизвѣстнаго въ исторіи, но незабвеннаго въ памяти народной, имени Наумова —

способствовавшаго предстательствомъ своимъ къ уничтоженію пытки («Монументъ милосердію»). Равнымъ образомъ лира Державина отзывается гармоническимъ созвучіемъ лирамъ сподвижниковъ его на поприщѣ отечественной словесности : онъ благоговѣйно вспоминаетъ предшественника своего Ломоносова (въ одѣ «На взятіе Варшавы»), онъ обращается къ Хераскову («Ключъ»), Озерову («На приписаніе Эдипа»), Карамзину («Прогулка въ Сарскомъ селѣ»), онъ же, на закатѣ дней своихъ, благословляетъ юношу Пушкина [1]). — Современнымъ событіямъ европейскимъ, въ которыхъ принимало участіе и наше отечество, голосъ Державина отозвался одами : «На коварство французскаго возмущенія», «Конница», «На панихиду Людовика XVI», «Флотъ». —

Таковъ Державинъ какъ русскій и сынъ отечества ; какъ человѣкъ и сынъ своего времени, онъ, также ясно, высказывается въ своихъ твореніяхъ. — Державинъ родился въ половинѣ, а началъ писать въ послѣдней четверти XVIII вѣка — называемаго философскимъ : названіе это если и принадлежитъ XVIII вѣку, то не потому что философія въ эту эпоху достигла своего высшаго развитія ; а развѣ потому, что никогда еще философія не достигала такого общенія съ жизнію и жизнь не имѣла такого вліянія на философію, какъ въ XVIII вѣкѣ. — Иде-

---

[1]) Сочин. Пушкина, т IX, стр 176

ализмъ, мистицизмъ, скептицизмъ, сенсуализмъ, — вотъ четыре системы, въ сферѣ которыхъ вращается философія во всѣ ея эпохи: послѣдняя была господствующей системой XVIII вѣка. Родоначальникъ этой философіи англичанинъ Локкъ; французъ Кондильякъ, развивая идеи Локка, далъ имъ такое направленіе, которое у Гельвеція превратилось въ ученіе совершеннаго матеріализма, поставлявшаго единственнымъ побужденіемъ и закономъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ чистый эгоизмъ; эта то система личнаго интереса получила у Сенъ-Ламберта частное поясненіе [1]). Въ практическомъ развитіи своемъ эта философія примѣнена была къ религіи, политикѣ, морали, точнымъ наукамъ, поэзіи, и Монтескье, Вольтеръ, Дидеротъ, Даламбертъ, Руссо, Парни своимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ увлекали вниманіе всего міра [2]). — Вліяніе французской литературы на нашу началось преимущественно съ Сумарокова-литератора царствованія Елисаветы, распространилось же въ царствованіе Екатерины II. Вспомните тогда, частныя сношенія, у насъ въ Россіи, съ французскими литераторами, изъ которыхъ Парни писалъ посланія къ Шувалову [3]), Дидеротъ самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, Вольтеръ былъ посѣщаемъ нашими знатными

---

[1]) Cours de l'histoire de la philosophie moral au dix-huitième siecle, par V Cousin, 1839, a Paris

[2]) Cours de littérature française, par Willemain, à Bruxelles, 1847 Tableau du dix-huitieme siecle Deuxieme partie, 1828

[3]) Oeuvres d'Evareste Parny, a Paris, MDCCCVIII, v. I, p 143.

лицами въ своемъ фернейскомъ уединеніи. Разумѣется, что большинство, оставляя лицевую сторону, скорѣе бросается на изнанку... Вспомните разсказы фонъ-Визина о графѣ ***, дававшемъ въ Петербургѣ обѣды въ родѣ парижскихъ обѣдовъ барона Гольбаха, и этого Чеб...., проповѣдывавшаго на гостинномъ дворѣ свое вольнодумство [1]). Вспомните тогдашнюю характеристику вельможъ нашихъ, такъ дагеротипно – вѣрно ресторированную Пушкинымъ въ его пьесѣ «Вельможа». — Возьмите при томъ, во вниманіе, что если внутренняя самобытность богатаго силами духа нерѣдко торжествуетъ надъ внѣшнею дѣйствительностью, то не менѣе того и внѣшняя дѣйствительность беретъ свою дань, — и согласитесь, что Державинъ не могъ устоять противу духа времени... И жизнь, раскрывавшаяся предъ нимъ, представлялась ему въ такомъ видѣ, какъ онъ ее изображаетъ своими стихотвореніями: «Приглашеніе къ обѣду», «Къ первому сосѣду», «Гостю»: —

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются;
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть;
Тебя стола въ кругъ ожидая
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть.

---

[1]) Чистосердечное признаніе, въ Смирд изд сочиненій фонъ-Визина, стр. 508—509, 513.

Прійди, мой благодѣтель давный[1]),
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!
Прійди, — и домъ, хоть не нарядный,
Безъ рѣзбы, злата и сребра,
Мой посѣти: его богатство —
Пріятный только вкусъ, опрятство,
И твердый мой, нельстивый нравъ.
Прійди отъ дѣлъ по прохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

....

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда груститъ и царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь.
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но, ахъ! и тромъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!

И такъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы, —
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться, —
По платью ноги протягать.

Кого роскошными пирами
На влажныхъ невскихъ островахъ,

---

[1]) Относится къ И. И. Шувалову и графу Безбородкѣ, обѣдавшимъ въ тотъ день у Державина.

Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ персидскихъ, златошвейныхъ,
Изъ глинъ китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ:
Сластей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой,
И алатико съ шампанскимъ,
И пиво русское съ британскимъ,
И мозель съ зельцерской водой.

Въ вертепѣ мраморномъ, прохладномъ,
Въ которомъ льется водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь лѣни, нѣги и отрадъ,
Любовью распаленный страстной,
Съ младой, веселою, прекрасной
И нѣжной нимфой ты сидишь:
Она поетъ, — ты страстью таешь:
То съ ней въ весельи утопаешь,
То, утомленъ весельемъ, спишь.

Ты спишь — и сонъ тебѣ мечтаетъ,
Что ввѣкъ благополученъ ты;
Что само небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты;
Что парка дней твоихъ не коситъ;
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра,
И дождь златый къ тебѣ лѣется[1]).

---

[1]) Относится къ тогдашнему откупщику винныхъ сборовъ Голикову

Блаженъ, кто по утру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безперерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышутъ непогоды,
Горамъ подобно гонятъ воды,
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли;
Но, вихремъ поражены, пали:
Теперь корнями вверхъ лежатъ.

.....
Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорьби злыя,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно.

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ, отдохни;
Въ семъ тонкомъ пологу, перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ стола немножко:
Пріятно часикъ похрапѣть:
Златой кузнечикъ, сѣра мошка,
Сюда не могутъ залетѣть.

Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
Приснится здѣсь тебѣ какой:
Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Златой посыплется рѣкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ, — я радъ:
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

— Очень естественно, что, среди такой жизни, долженъ былъ страшно смутить душу — металла звонъ, какъ глаголъ временъ. — И вотъ Державинъ, въ одѣ «На смерть князя Мещерскаго», такъ задумывается глубокою, крѣпкою, задушевною думою :

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ;
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ,
Гдѣ жъ онъ? — онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ»!

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали;
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики.

— Такая жъ дума постигаетъ въ расплохъ поэта и при смерти Потемкина — другаго, еще блистательнѣйшаго представителя своего вѣка :

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о, сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.

Иль, нѣтъ! — тяжелый нѣкій шаръ
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ

И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И, ахъ! зефири легки рвутъ [1]).

— А отъ чего этотъ тревожный страхъ, это отчаяніе горькаго разочарованія? — Это отъ того, что философія того времени ограничивала все тѣсною сферою здѣшней земной жизни; поэтому весьма понятно это безвыходное разочарованіе — какъ слѣдствіе безвѣстности о жизни будущей... Вѣдь это Гамлетовское «Быть, иль не быть»: —

---

[1]) Вспомнимъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ одъ Вольтера, сходныя съ приведенными теперь изъ Державина —

Ce qu'on perd en ce monde-ci
Le retrouvera-t-on dans une nuit profonde?
Des mysteres de l'autre monde
On n'est que trop tôt éclairci

....

Et la véritable sagesse
Est de savoir fuir la tristesse
Dans les bras de la volupté
(A m l'abbé De***).

La nuit s'avance avec vitesse;
Profite de l'eclat du jour,
Les plaisirs ont leur temps, la sagesse a son tour
Dans ta jeunesse fais l'amour,
Et ton salut dans ta vieillesse
(A une dame un peu mondaine et trop devotte)

Hélas! pourquoi parler encor de mes amours?
Quelquefois ils ont fait le charme de ma vie,
Aujourd'hui la maladie
En eteint le flambeau peut-être pour toujours;
De mes ans passagers la trame est raccourcie,
Mes organes lasses sont morts pour les plaisirs,
Mon cœur est étonné de se voir sans desirs
Dans cet état il ne me reste

...Кто несъ бы бремя жизни,
Кто гнулся бы подъ тяжестью трудовъ?
И только страхъ чего то послѣ смерти, —
Страна безвѣстная, откуда путникъ,
Не возвращался къ намъ, — смущаетъ волю,
И мы скорѣй снесемъ земное горе,
Чѣмъ убѣжимъ къ безвѣстности за гробомъ[1]).

И Державина не разъ охватывало это раздумье... Внимайте этотъ страшный вопль души растерзанной, въ одѣ «Успокоенное невѣріе»: —

Что жизнь? — Жизнь смерти тлѣнно сѣмя.
Что жить? — Жить мигъ летяща время, —
Едва почувствовать, познать,
Познать ничтожество, — страдать;

Страдать, — и скорбно чувство мукъ
Умѣть еще сносить безъ скукъ.

Qu'un assemblage vain de sentiments confus,
Un présent douloureux, un avenir funeste,
Et l'affreux souvenir d'un bonheur qui n'est plus
Pour comble de malheur je sens de ma pensée
Se déranger les ressorts,
Mon esprit m'abandonne, et mon ame eclipsee
Perd en moi de son etre, et meurt avant mon corps
Est-ce la ce rayon de l'essence suppême
Qu'on nous peint si lumineux?
Est-ce la cet esprit survivant a lui-même?
Il nait avec nos sens, croit, s'affablit comme eux;
Helas! périra-t-il de même?
Je ne sais; mais j'ose espérer
Que, de la mort, du temps et des destins le maitre,
Dieu conserve pour lui le plus pur de notre être,
Et n'anéantit point ce qu'il daigne éclairer
(A m de la Faluere de Genonville).

Un mort dans son tombeau ne peut se corriger
Profitons bien du temps, ce sont la tes maximes
(A Horace)

[1]) Гамлетъ, трагедія Шекспира, переводъ А Кронеберга дѣйств III, сц 1

На то ли создалъ Ты отъ вѣка,
О, Боже! бренна человѣка?
Творецъ! Но на Тебя ль роптать?
Такъ что жъ осталося? — Страдать.

Такая жизнь — не жизнь, но ядъ:
Змѣя въ груди, геенна, адъ,
Живаго жретъ меня до гроба
Ахъ! если самая та жъ злоба
По смерти мститъ намъ и въ гробахъ:
Кого жъ Творцемъ назвать? кто благъ?

Лишь парки жизни нить прервутъ,
Ужъ въ стрѣчу фуріи бѣгутъ.
Отсель изъемлетъ скоротечность!
А тамъ, а тамъ разверста вѣчность!
Дрожу! лѣется въ жилахъ хладъ.
О, вѣчность, вѣчно мука, адъ;

Но вотъ совѣсть немолчно вопіетъ, — быть можетъ возникаютъ сладостныя воспоминанія первоначальнаго въ православномъ домѣ родительскомъ воспитанія, — и поэтъ, умиротворяемый мыслію о благодати Божіей, врачующей немощь нашего естества, вразумляющей наше невѣдѣніе, взываетъ: —

Прошли отчаянья мечты:
Всесильный, помоги мнѣ Ты!

Уйми страстей моихъ Ты шумъ,
И бурный обуздай мой умъ:
Чего понять онъ не возможетъ,
Да благость въ томъ Твоя поможетъ,
Чтобъ я средь золъ покоенъ былъ.
Терпя бѣды, Тебя любилъ!

Поборствуй руку лобызать,
Котора поднята карать;

Средь юности моей неспѣлой,
Средь зрѣлой жизни, престарѣлой,
Средь ярыхъ волнъ, мірскихъ суетъ,
Дай силъ сносить мнѣ иго бѣдъ!

Чтобъ меньше скорьби ощущать,
Собою больше обладать,
Пошли, пошли, Творецъ вселенной,
Своей Ты твари бѣдной, бренной,
Небесну помощь съ высоты:
Ты щедръ, щедротъ источникъ Ты!

Таково же стихотвореніе «Тоска души». — Все таже, одна, неотразимая мысль, мысль вѣка, — предметъ соблазна для кичливаго разума, спасительное утѣшеніе для вѣрующаго!... И благо ему — вѣрующему... Сильна была борьба душевная поэта; но онъ не палъ, потому что сила Божія, въ немощи совершающаяся, невидимо укрѣпляла его и, во мракѣ сомнѣнія, указывала ему отрадный свѣточь истины... Таковы, напримѣръ, нѣкоторыя строфы его безсмертной оды «Богъ». Поэтъ, углубясь мыслями въ созерцаніе безпредѣльнаго величія природы и Творца ея, въ сравненіи съ ничтожествомъ атома — человѣка, восклицаетъ:

И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною:
А я передъ Тобой ничто.

Ничто!... Но Ты вомнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;

Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!... Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда паренъемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Никаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ;
Я есмь — конечно есь и Ты!

Ты есь — природы чинъ вѣщаетъ;
Гласитъ мое мнѣ сердце то;
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь! — и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Въ срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь — я рабъ; — я червь — я Богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Неизъяснимый, непостижимый!
Я знаю! что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ не возможно
Тебя ни чѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Стихаютъ, наконецъ, тревожныя волненія ума, смутныя тревоги души («Безсмертіе души»), — и установливающееся убѣжденіе въ истинахъ святой вѣры, разрѣшается возвышеннымъ гимномъ «Христосъ» — плодомъ не только вдохновенія, но и изученія чистѣйшаго источника истиннаго просвѣщенія — Священнаго Писанія... Это новое направленіе вовлекаетъ даже поэта, подъ конецъ жизни, въ мистицизмъ, обнаружившійся въ его лиро-эпическомъ гимнѣ «На прогнаніе Французовъ изъ отечества». —

До сихъ поръ видѣли мы — и въ горячемъ патріотизмѣ Державина, и въ торжествѣ православія — истинно русскую душу его; но онъ, чувствуя и мысля по русски, умѣлъ и выражаться по русски... Читайте его блистательную оду «На счастье», въ которой онъ такъ бойко заговорилъ настоящей нашею ежедневною рѣчью:

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья,
Какъ нѣтъ кикиморовъ явленья,
Какъ ты лишь всѣмъ чудотворишь:
Дѣвицъ и дамъ магнизируешь,
Изъ камней золото варишь,

Въ глаза патріотизма плюешь,
Катаешь кубаремъ весь міръ;
Какъ рѣзвости твоей примѣровъ,
Полна земля вся кавалеровъ,
И цѣлый свѣтъ сталъ бригадиръ;

Въ тѣ дни, какъ всюду скороходомъ
Предъ русскимъ ты бѣлишь народомъ,
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Таврѣ ѣдешь чехардой,
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь голландцамъ колбасы;

Въ тѣ дни, какъ Вѣну ободряешь,
Парижу пукли разбиваешь,
Мадриту поднимаешь носъ,
На Копенгагенъ иней сѣешь,
Пучокъ подносишь Гданску розъ,
Венецьи, Мальтѣ не радѣешь,
А Греціи велишь зѣвать,
И Риму, ноги чтобъ не пухли,
Святыя оставляя туфли,
Царямъ претишь ихъ цѣловать;

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ понтируютъ,
Вселенну въ трантелево гнутъ;
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, музы, боги — пьяны,
Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ;

Въ тѣ дни, какъ всюду ерихонцы
Не сѣютъ, но лишь жнутъ червонцы,

Ихъ денегъ куры не клюютъ;
Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились,
По свѣту свѣтятъ фонари,
Витійствуютъ ураніи въ школахъ,
На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные цари,

Въ тѣ дни, какъ мудрость среди троновъ
Одна не мѣситъ макароновъ,
Не ходитъ въ кузницу ковать.
А развѣ временемъ лишь скучнымъ
Изволитъ музъ къ себѣ пускать,
И перышкомъ своимъ искуснымъ,
Не ссоряся никакъ, ни съ кѣмъ,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишетъ, чиститъ нравы,
И припѣваетъ: хемъ, хемъ, хемъ[1])!

.....

Въ тѣ дни и времена чудесны
Твой взоръ и на меня всемѣстный
Простри, о надъ царями царь!
Простри, и удостой усмѣшкой
Презрѣнную тобою тварь!
И, если я не созданъ пѣшкой,
Валяться не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ быть другомъ:
Песчинка можетъ быть жемчугомъ;
Погладь меня и потрепли.

Но въ Державинѣ было сочувствіе и къ нашей старой Руси: таковы его пьесы «Царь-дѣвица», «Новгородскій волхвъ Зломиръ», многія мѣста въ его драматическомъ представленіи «Добрыня» (д. III, яв. 3 и 4, д. V, я. 7, окончательный квартетъ и въ явл. 9

[1]) См. примѣч. 5 — 16, въ которыхъ поясняются всѣ эти намеки на тогдашнюю современность

древній русскій хоръ); вотъ, напримѣръ, хоръ дѣвицъ въ началѣ четвертаго дѣйствія : —

Что по гриднѣ князь,
Что по свѣтлой князь,
Наше солнышко Владиміръ князь похаживаетъ;
Что соколій глазъ,
Молодецкій глазъ,
Какъ на пташечекъ, младыхъ дѣвицъ посматриваетъ;
Что у ласточки,
У касаточки,
Алу бѣлу грудь, сизы крылья, посматриваетъ.
Парчевой кафтанъ,
Сапоги сафьянъ,
Золоту казну и соболи показываетъ.
Веселымъ лицомъ,
Въ обинякъ словцомъ
Мысли дѣвичьи и думу ихъ извѣдываетъ.
Не мани насъ, князь!
Не гадай насъ, князь;
Красно солнышко! ему боярышни возговорятъ.
Не златой казнѣ,
Но твоей красѣ
Очи и сердце свои давно всѣ продали.
Ты взгляни на насъ,
Ты вздохни хоть разъ,
Дай въ залогъ перстень любой тебѣ, ту выбери.

Какъ художникъ, онъ лѣлѣялъ въ душѣ своей сочувствіе къ древнему міру эллинскому («Побѣда красоты», «Рожденіе красоты», «Геба»); въ своихъ же анакреотическимъ стихотвореніяхъ нерѣдко изумляетъ утонченностью художественнаго вкуса и удачною воспріимчивостію («Русскія дѣвушки» и «Цыганская пляска»). Вотъ два подобныхъ отрывка въ двухъ изъ поименованныхъ здѣсь пьесахъ :

Изъ опалаго неба,
Со Олимпа высоты,
Вижу, идетъ юна Геба,
Лучезарны красоты!
Изъ сосуда льетъ златаго
Въ чашу злату — снѣдь орлу.

Зоблетъ молній царь пернатыхъ,
Пукъ держа въ когтяхъ громовъ;
Вѣтръ съ раменъ его крылатыхъ
Вкругъ шумитъ межъ облаковъ;
Чернопламенныя очи
Мещетъ Геба на него,

И улыбкою Авроры
Бранный умягчая духъ,
Музъ его клоня на хоры
Нѣжимый, палимый слухъ.
Вьетъ орелъ гнѣздо на лонѣ;
Оперяются птенцы!

(«Геба»).

Какъ ночь — съ ланитъ сверкай зарями,
Какъ вихорь — прахъ плащемъ сметай,
Какъ птица — подлетай крылами,
И въ длани съ визгомъ ударяй.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Подъ лѣсомъ нощію сосновымъ,
При блескѣ блѣдныя луны,
Топоча по доскамъ гробовымъ,
Буди сонъ мертвой тишины:
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Да вопль твой, Эвоа! ужасный,
Вдали мѣшаясь съ воемъ псовъ,

Лiетъ повсюду гулы страшны,
А сластолюбiе любовь.
Жги души, огнь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.
(«Цыганская пляска»).

Но, если общiй недостатокъ анакреонтическихъ стихотворенiй Державина составляетъ невыдержанность въ цѣломъ, то есть, однакожъ, нѣкоторыя стихотворенiя, отчетливо отдѣланныя: припомните граціозную пьеску «Мельникъ»: —

Вечоръ мнѣ красныя дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли:
«Вѣдь расклюютъ же даромъ птицы.
Возьми, старинушка, смели».
Бѣла пшеница и румяна,
И такъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охота рьяна:
Я ну молоть всѣмъ животомъ.
Мололъ я пристально, трудился,
Ночь цѣлую провелъ безъ сна:
Но что жъ? — какъ ни потѣлъ, ни бился,
Не раскололъ я ни зерна.
Смѣясь, мнѣ дѣвушки въ назолу,
Пѣняли: «Что жъ не мелешь, дѣдъ?
— «А вы», сказалъ я: «для помолу
Пришли, какъ жорновъ не беретъ».

— Отличительное же качество Державина, какъ художника, это — *образность*... Его поэтическiе образы столько же роскошны, сколько и художественны, то выражаемыя одной чертой: —

И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...
... .
И... точитъ лезве косы.

то представляемыя въ болѣе полныхъ очеркахъ : таковы, напримѣръ, изображеніе довременнаго хаоса и перваго момента міросозданія (»Цѣленіе Саула»), аллегорическое олицетвореніе генія Суворова («На взятіе Варшавы») и плѣнительная сцена гробницы Потемкина («Водопадъ») : —

На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тмѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ, надъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣздился.
Огнь, земля и вода, и весь воздухъ въ борьбѣ
Межь собой, внутрь и внѣ, безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались;
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ,
Какъ катясь, какъ вратясь, даль и близъ оглушали;
Бездны безднъ, хляби хлябь, колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ представляли. —
.....
Но гласъ взгремѣлъ :
Стихіевъ бездны раздѣлились;
Огнь съ воздухомъ на высоту взлетѣлъ,
Земля съ водою внизъ спустились :
Бысть свѣтъ!
Чертежъ, въ умѣ Творца предвѣчно изложенный,
Напечатлѣлся всей природы на росткахъ,
На скрытыхъ сѣменахъ.
Всѣхъ думъ его отсвѣтъ,
Отъ слова образъ взявъ, сталъ видъ одушевленный,
И въ родѣ всяка тварь въ своемъ,
Къ чему назначена, явилась точно тѣмъ.

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный летитъ — богатырь!

Тма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.

Ступитъ на горы — горы трещатъ;
Ляжетъ на воды — воды кипятъ;
Граду коснется — градъ упадетъ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя, предъ нимъ
Слабыя трости щадятся лишь имъ.

Подъ древомъ, при зарѣ вечерней,
Задумчиво Любовь сидитъ,
Отъ цитры вѣтерокъ весенней
Ея повсюду голосъ мчитъ;
Перлова грудь ея вздыхаетъ —
Геройскій образъ оживляетъ.

По утру солнечнымъ лучомъ
Какъ монументъ златый зажжется,
Лежатъ объяты серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ вiется,
Пришедши, старецъ надпись зритъ:
«Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ»!

Алцибiадовъ прахъ! — И смѣетъ
Червь ползать вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣетъ,
Нашедши въ полѣ, Θирсъ?...

Эта образность развивается иногда полною картиною съ свѣжими красками самой роскошной живописи: таковы первыя строфы «Водопада», ландшафтъ Кавказа въ одѣ «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи», изображеніе луннаго свѣта въ «Видѣніи мурзы», эскизъ русской осени и зимы въ одѣ «Осень

во время осады Очакова»; таковы цѣлыя его пьесы «Полдень», «Ласточка», «Павлинъ», «Радуга», таково, наконецъ, описаніе миѳически-чудеснаго торжества, даннаго княземъ таврическимъ по случаю взятія Измаила въ 1791 году апрѣля 28.

Доселѣ представлена общая характеристика Державина какъ поэта [1]). Что же касается до вліянія его на отечественную литературу, то опытъ удостовѣряетъ, что поэзія его прошла безслѣдно въ отечественной литературѣ, не оставивъ послѣ себя, кромѣ множества одъ, писанныхъ въ подражаніе Державину, и которыя забывались при самомъ своемъ появленіи, никакого плодотворнаго вліянія. — Сказано выше, что Державинъ получилъ поэзію свою въ наслѣдство отъ Ломоносова : по внутреннему духу этой поэзіи Ломоносовъ и Державинъ преимущественно сходятся между собою въ высшемъ національномъ значеніи ихъ поэзіи, сознающей безпредѣльность величія нашего славнаго отечества. Извѣстно, что мысль «Изображенія Фелицы» внушена Державину Ломоносовскимъ «Разговоромъ съ Анакреонтомъ» и именно одой «Мастеръ въ живописи первой». Вспомните прекрасное олицетвореніе Россіи Державина : здѣсь, а также и въ описаніи торжества Потемкинскаго : —

Богатая Сибирь, наклонишись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро :

---

[1]) Какъ profession de foi Державина въ теоріи искусства, котораго онъ былъ жрецомъ, остается его „Разсужденіе о лирической поэзіи или объ одѣ". Смирд изд т I, стр. 643.

Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогорь, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна классами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бегта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристалѣ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ.

Сравните теперь подобное же мѣсто въ 9 похвальной одѣ Ломоносова:

Коль нынѣ радостна Россія!
Она коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей державы;
Гремящей насыщенна славы,
Покоится среди луговъ

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сидитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вкругъ довольства исчисляетъ,
Возлегши лактемъ на Кавказъ.

Припомните также описаніе русскаго флота и воинства во 2-й одѣ, олицетвореніе бога войны, сокрушеннаго мирнымъ царствованіемъ Елисаветы, въ 13-й одѣ Ломоносова, и сравните съ приведенными выше

изображеніями вшествія русскаго воинства въ Измаилъ и генія Суворова въ одахъ Державина «На взятіе Измаила» и «На взятіе Варшавы»... И вотъ кровное родство патріотической поэзіи Державина и Ломоносова! — Сравните также преложенія псалмовъ Ломоносова и Державина, и вы увидите тожество пріемовъ въ обработкѣ религіозной поэзіи обоихъ... Изъ того что собственно принадлежитъ Державину, и что неизвѣстно было Ломоносову, это — какъ замѣчено выше — жизненный характеръ поэзіи Державина, противоположный кабинетной поэзіи Ломоносова, и проистекшее оттуда *сатирическое* направленіе, обнаружившееся въ его «Фелицѣ» въ его одѣ «На счастіе» и столь блистательно проявленное въ его дивномъ, найболѣе извѣстномъ, произведеніи «Вельможа». — Въ отношеніи внѣшней формы поэзіи Державина — стихотворнаго языка, кромѣ собственнаго его сознанія, что онъ «въ выраженіяхъ и слогѣ старался подражать Ломоносову», при внимательномъ сравненіи стиховъ Ломоносова и Державина, можно встрѣтить на каждомъ шагу сходныя мѣста и выраженія, характеръ же стиха у обоихъ совершенно одинаковъ и, даже въ чистотѣ, стихотворный языкъ Державина мало сдѣлалъ успѣха впередъ противъ Ломоносовскаго. Слѣдственно поэзія русская, и по внутреннему духу своему и по внѣшней формѣ, не измѣнилась у Державина и осталась въ такомъ состояніи какъ положилъ ей начало Ломоносовъ : далѣе увидимъ, что это совершено поэтомъ, принадлежащимъ второму

періоду. — Вотъ почему вліяніе Державина на литературу нашу не замѣтно.

Но за то не безслѣдно прошла поэзія Державина въ исторіи нашей гражданственности : и здѣсь то заключается это высокое національное значеніе ея, по которому она дѣлается драгоцѣннымъ перломъ для всякаго русскаго. — Велико значеніе Державина и какъ поэта вообще... Да, въ этомъ отношеніи имя его — наша народная слава, которою мы смѣло можемъ гордиться. Державинъ самъ сознавалъ это свое достоинство и благородно выразилъ свое сознаніе въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ своихъ, каковы : «Приношеніе Монархинѣ» (упомянутое выше), «Издателю моихъ пѣсней», «Лебедь», «Памятникъ». — Такъ Державинъ какъ поэтъ вообще могъ сказать о себѣ :

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душей безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь.

Въ дивномъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ царствъ.

Да, такъ! Хоть родомъ я не славенъ,
Но, будучи любимецъ музъ,
Другимъ вельможамъ я неравенъ,
И самой смертью предпочтусь.

Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая пѣвица,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

Какъ поэтъ русскій онъ также имѣлъ право сказать о себѣ :

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный. вѣчный!
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ :
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.

Такъ! Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколѣ Славянъ родъ вселенна будетъ чтить.

Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ.
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,

Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ,
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

О, муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Фонъ-Визинъ [1]) — такъ же какъ и Державинъ — русскій дворянинъ, родился въ Москвѣ, почти въ одно время съ Державинымъ. Четырехъ лѣтъ онъ уже учился грамотѣ. Родители его были люди набожные : на канунѣ каждаго церковнаго праздника

---

[1]) „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ“ и „Письма“ въ Смирд изданы сочиненій Фонъ-Визина, изд 2-е, стр 479

отправляемо было у нихъ въ домѣ богослуженіе, также на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста, и когда онъ выучился читать, то отецъ его заставлялъ читать... «Сему обязанъ я — говоритъ онъ — если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе: ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно». Вспомните Ломоносова и то, что онъ говоритъ по этому предмету въ своемъ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ».— По учрежденіи московскаго университета, онъ поступилъ туда, вмѣстѣ съ братомъ своимъ. — Любопытны разсказы Фонъ-Визина, каково было тогда тамъ ученіе и каковы наставники, при экзаменахъ употреблявшіе пуговицы на камзолѣ и кафтанѣ для подсказыванія ученикамъ. — Впрочемъ онъ пріобрѣлъ здѣсь основанія латинскаго языка, выучился сначала по нѣмецки, а потомъ и по французски, «а паче всего — какъ самъ говоритъ — получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ». Четырнадцати лѣтъ, онъ, вмѣстѣ съ прочими воспитанниками, — въ числѣ которыхъ находился и будущій князь таврическій, — представленъ былъ директоромъ Мелисино, возившимъ ихъ въ Петербургъ, куратору Шувалову и у него обласканъ Ломоносовымъ: блескъ двора и театръ сдѣлали сильное впечатлѣніе на его юное воображеніе; здѣсь онъ познакомился съ корифеями тогдашняго театра Волковымъ и Дмитревскимъ. Возвратясь въ Москву, онъ продолжалъ

учиться; а между тѣмъ, по заказу одного книгопродавца, перевелъ басни Гольберга и за это получилъ отъ него книгъ, къ несчастію однакожъ, по собственнымъ словамъ его, «соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами», которыя, какъ самъ онъ сознается, рано развратили его воображеніе и возмутили душу, — за что онъ такъ дорого расплатился своимъ здоровьемъ. Потомъ онъ перевелъ «Жизнь Скифа, царя египетскаго», романъ Террасона; а за тѣмъ Вольтерову трагедію «Альзира» стихами. — Въ одинъ годъ съ Державинымъ, онъ записанъ былъ гвардіи сержантомъ въ семеновскій полкъ; но скоро потомъ переведенъ вицеканцлеромъ кн. Голицынымъ въ иностранную коллегію и былъ посыланъ къ герцогинѣ мекленбургъ-шверинской съ екатерининской лентой; отсюда переманилъ его кабинетъ-министръ Елагинъ на службу подъ свое начальство; но, при всемъ покровительствѣ начальника, Фонъ-Визинъ не могъ ужиться по причинѣ непріятностей съ близкимъ Елагину Лукинымъ — тогдашнимъ писателемъ комедій... «Въ тоже самое время (разсказываетъ онъ) вступилъ я въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, и вошелъ въ общество, о коемъ я до нынѣ безъ ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее провожденіе времени состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія, и содрагался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ и самъ не послѣднюю роль : ибо всего легче шутить надъ святыней

и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтено. Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ *Шумилову*, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе.» — Интересенъ разсказъ Фонъ-Визина, какъ онъ потомъ былъ увлеченъ на философическіе обѣды, какого-то графа ***, такого-жъ вольнодумца, и какъ, вскорѣ потомъ, нечаянной встрѣчѣ съ Тепловымъ, бывшимъ въ послѣдствіи сенаторомъ, который указалъ ему на сочиненіе Кларка «Доказательства бытія Божія», онъ обязанъ своимъ обращеніемъ и нравственнымъ перерожденіемъ. — Между тѣмъ переведена имъ повѣсть Битобе «Іосифъ» и сочинена комедія «Бригадиръ», доставившая ему громкую извѣстность и входъ ко Двору: онъ читалъ ее императрицѣ, наслѣднику, также у тогдашнихъ вельможъ, графамъ Шувалову, Строганову, Чернышеву, Бибикову, Панину, сближеніе съ которымъ благопріятно подѣйствовало на дальнѣйшую его участь. — Съ поступленіемъ на службу къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, онъ дѣятельно занимался дипломатическою его перепискою: доказательствомъ этого можетъ служить собственная его переписка съ тогдашними посланниками при европейскихъ дворахъ, и съ другими государственными лицами, между которыми особенной пріязнію пользовался онъ — начальника Державина Бибикова, бывшаго турецкаго посланника и извѣстнаго переводчика «Всемірнаго путешественника» аббата дела-Порта — Булгакова, Обрѣзкова, и графа Петра Ивановича Панина —

брата его начальника. — Фонъ-Визинъ четыре раза ѣздилъ за границу : въ первый разъ, какъ замѣчено выше, по службѣ къ герцогинѣ мекленбургъ-шверинской ; второй разъ, чрезъ Варшаву, Дрезденъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Страсбургъ, Ліонъ и Нимъ до Монпелье — бывшемъ цѣлью его поѣздки, для поправленія здоровья жены... По возвращеніи, въ томъ же году когда написана Державинымъ «Фелица», явился и «Недоросль» Фонъ-Визина. Есть преданіе, что Потемкинъ, послѣ перваго представленія, сказалъ Фонъ-Визину : «Умри Денисъ, или больше ничего уже не пиши»! Комплиментъ этотъ сдѣлался зловѣщимъ предсказаніемъ. Послѣ третьей поѣздки Фонъ-Визина, чрезъ Пруссію, Лейпцигъ, Ниренбергъ, Аугсбургъ, Инспрукъ и Тріестъ, въ Италію, — возвратившись, чрезъ Вѣну, въ Россію, почувствовалъ онъ въ Москвѣ первый ударъ, лишившій его, до конца жизни, свободнаго употребленія языка и лѣвой руки и ноги. — Четвертая поѣздка его за границу въ Вѣну, въ Карлсбадъ, въ Венгрію, была съ цѣлію употребленія минеральныхъ водъ, которыя, однакожъ, мало принесли ему пользы. Послѣднее время жизни онъ былъ въ пріязни съ Державинымъ, у котораго познакомился съ нимъ Дмитріевъ : и это было наканунѣ смерти Фонъ-Визина...

Вотъ исчисленіе сочиненій и переводовъ Фонъ-Визина. — Сочиненія : 4 *комедіи* : «Бригадиръ», «Недоросль», «Выборъ гувернера», «Коріонъ»; «Калисфенъ, греческая повѣсть»; три стихотво-

ренія : «Къ уму моему», «Посланіе къ слугамъ моимъ : Шувалову, Ванькѣ и Петрушкѣ», и «Лисица кознодѣй, басня»; «Поученіе въ Духовъ денъ, говоренное іереемъ Василіемъ»; нѣсколько статей, приготовленныхъ къ предположенному имъ, но по причинѣ болѣзни несостоявшемуся, сатирическому журналу «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ»; «Размышленіе о суетной жизни человѣческой»; «Слово на выздоровленіе цесаревича великаго князя Павла Петровича въ 1779 году»; «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина»; «Вопросы Фонъ-Визина и отвѣты императрицы Екатирины II»; »Письмо къ сочинителю былей и небылицъ отъ сочинителя вопросовъ»; «Челобитная россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей»; «Письмо къ О. П. Козодавлеву о планѣ россійскаго словаря»; «Опытъ россійскаго сословника» и «Примѣчаніе на критику, касающуюся до россійскаго сословника»; »Письма изъ заграницы» къ графу Петру Ивановичу Панину, къ Я. И. Булгакову, къ сестрѣ, къ родителямъ, «Отрывокъ изъ журнала путешествія» и упомянутое выше «Чистосердечное признаніе» — Переводы : — «Басни Гольберговы»; «Жизнь Сиѳа, царя Египетскаго», «Альзира или Американцы», трагедія Вольтера, «Іосифъ», поэма сочиненіе Битобе; «Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному» французское сочиненіе; «Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарность», повѣсть Арнода, «Слово похвальное Марку Аврелю» То-

маса; «Любовь Хариты и Полидора», повѣсть Бартелеми, «Сидней», драма Грессета.

Подобно Державину, Фонъ-Визинъ патріотъ и сынъ своего вѣка. — Но по направленію своей литературной дѣятельности, оба они, сходные между собою въ общности своей литературной характеристики, расходятся въ частномъ ея примѣненіи. — Державинъ, какъ поэтъ лирическій, преисполненъ свѣжаго сочувствія къ свѣтлой сторонѣ настоящаго; Фонъ-Визинъ, какъ комикъ, взирающій на это настоящее сквозь темную призму сатиры, проникнутъ теплымъ упованіемъ на лучшее будущее. Но такъ какъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ нравственной реформѣ общества есть просвѣщеніе, разсѣвающее мракъ предразсудковъ и замѣняющее частный эгоизмъ человѣчественнымъ сочувствіемъ къ благу общественному, — то задушевной идеей Фонъ-Визина, является идея о воспитаніи; — идея же эта, сама собою, распадается двояко : съ одной стороны она представляется какъ идея абсолютнаго невѣжества, съ другой какъ идея ложнаго воспитанія. Здѣсь прямая точка взгляда на комедіи Фонъ-Визина, изъ которыхъ къ первой категоріи принадлежитъ «Недоросль», ко второй, «Бригадиръ» и «Выборъ Гувернера.» — «Бригадиръ» и «Недоросль», имѣя благородную общеполезную цѣль, по непосредственному своему достоинству, составляютъ превосходныя картины современныхъ нравовъ, будучи при томъ смѣлыя артистическія произведенія таланта, увѣреннаго въ

себѣ; но какъ раннее произведеніе, «Бригадиръ» уступаетъ своими относительными достоинствами произведенію болѣе зрѣлому, каковъ «Недоросль»; третья же комедія Фонъ-Визина «Выборъ гувернера» — какъ писанная въ позднѣйшую эпоху болѣзненнаго состоянія автора, по справедливому выраженію римскаго поэта «mens sana in corpore sano», недостойна своего автора. Но если нравственная цѣль комедій Фонъ-Визина даетъ имъ прекрасное значеніе не только въ исторіи нашей литературы, но и въ исторіи нашей гражданственности, за то эта же нравственная цѣль, въ примѣненіи собственно къ художественному достоинству комедій Фонъ-Визина, причиною значительнаго, общаго въ нихъ, недостатка — невыдержанности исполненія: такъ, характеры обѣихъ Софій, женіховъ ихъ Добролюбова и Милона, и такъ называемыхъ резонеровъ — Правдина, Стародума, Сеума, Нельстецова въ высшей степени безличны и сцены, гдѣ они участвуютъ, натянуты, а потому скучны и утомительны. Между тѣмъ какъ характеры, на которые устремленъ меткій сатирическій взглядъ Фонъ-Визина, каковы Бригадира и Бригадирши, Совѣтника и Совѣтницы и сына ихъ Иванушки, Простакова и Простаковой и сына ихъ Митрофанушки, также Скотинина — рельефны и сцены, гдѣ они дѣйствуютъ, въ высшей степени интересны; не менѣе типически изображены и простонародныя личности Тришки и Еремѣевны. Но тамъ, гдѣ сатира Фонъ-Визина вдается въ утрировку, являются кари-

катуры, хотя не безъ-интересныя, но художественно невѣрныя : таковы характеры Кутейкина, Цыфиркина, Вральмана, князя и княгини Слабоумовыхъ, графини Самодуровой и гувернера Пеликана. Сказано прежде, что Фонъ-Визинъ — преемникъ Кантемира, подобно какъ Державинъ Ломоносова. — Всматриваясь пристально въ его комедіи, нельзя не видѣть, что лучшими вдохновеніями своими онъ обязанъ тому же патріотическому взгляду на современную жизнь, который одушевлялъ и Кантемира. — Доказательствомъ этого могутъ служить лучшіе характеристическіе портреты въ его комедіяхъ (какъ замѣчено выше) — Бригадира, Бригадирши, Совѣтника, Совѣтницы и сына ихъ Иванушки, Простакова, Простаковой и сына ихъ Митрофанушки, также Скотинина. — Припомнимъ здѣсь главнѣйшія черты этихъ характеровъ : —

Совѣтница. Ахъ, сколь счастлива дочь наша! Она идетъ за того, который былъ въ Парижѣ. Ахъ, радость моя! я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ.

Сынъ *(вслушавшись, приподнимаетъ шишку колпака)*. Madame! я благодарю васъ за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотѣлъ бы имѣть и самъ такую жену, съ которою бы я говорить не могъ инымъ языкомъ, кромѣ французскаго : наша жизнь пошла бы гораздо счастливѣе.

Бригадирша. О, Иванушка! Богъ милостивъ. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, въ военной службѣ не служилъ, и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ безъ жалованья, ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичь вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядоваго.

Бригадиръ. Жена, не все ври, что знаешь.

Совѣтникъ. А я могу и о тебѣ также сказать, дорогой зятюшка, что въ тебѣ путь будетъ. Прилежи только къ дѣламъ, читай больше.

Сынъ. Къ какимъ дѣламъ? Что читать?

Бригадиръ. Читать? Артикулъ и уставъ военный; не худо прочесть также инструкцію межевую молодому человѣку.

Совѣтникъ. Паче всего изволь читать Уложеніе и указы. Кто ихъ, будучи судьею, толковать умѣетъ, тотъ, другъ мой затюшка, нищимъ быть не можетъ.

Бригадирша. Не худо пробѣжать также и мои расходныя тетрадки; лучше: плуты люди тебя не обманутъ. Ты тамо не дашь уже пяти копѣекъ, гдѣ надобно дать четыре копѣйки съ денежкой.

Совѣтница. Боже тебя сохрани отъ того, чтобъ голова твоя наполнена была инымъ чѣмъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Кинь, душа моя, всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ. Я, не читавъ ихъ, рисковала бы остаться навѣки дурою

Сынъ. Madame, вы говорите правду. О! vous avez raison. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ, и для того-то я таковъ, какъ вы меня видите.

Добролюбовъ. *(видя, что бригадирша слезы отираетъ).* О чемъ вы плакали, сударыня?

Бригадирша. Я, мой батюшка, не первый разъ на вѣку плачу. Одинъ Господь видитъ, каково мое житье!

Софья. Что такое, сударыня?

Бригадирша. Закажу и другу и ворогу идти замужъ

Софья. Какъ, сударыня? Можете ли вы говорить это въ самое то время, когда хотите вы того, чтобъ я была женою вашего сына?

Бригадирша. Тебѣ, матушка, для чего за него нейти? Я сказала такъ про себя.

Добролюбовъ. Нѣтъ, вы про всѣхъ теперь сказать изволили.

Бригадирша. И вѣдомо

Софья. Какъ же это, то про себя, то про всѣхъ? Скажите, сударыня, что нибудь одно.

Бригадирша. Ты изволь говорить; а мнѣ что?

Добролюбовъ. Что же вамъ угодно?

Бригадирша. Ничего. Я пришла сюда такъ, поплакать въ свою волю.

Софья. Да о чемъ же?

Бригадирша. *(плача)* О томъ, что мнѣ грустно. Теперь Игнатій Андреевичь напади на меня ни за что ни про что. Ругалъ,

ругалъ, а Господь вѣдаетъ за что. Ужъ я у него стала и свинья и дура; а вы сами видите, дура ли я?

Добролюбовъ. Конечно видимъ, сударыня.

Софья. Да за что онъ такъ на васъ теперь напалъ?

Бригадирша. Такъ, слово за слово. Онъ же такого крутого права, что упаси Господи; того и смотрю, что рѣзнетъ меня чѣмъ ни попало; разсуди же, моя матушка, вѣдь долго ль до бѣды: раскроитъ черепъ разомъ! Послѣ и спохватится, да не что сдѣлаешь.

Добролюбовъ. Поэтому ваша жизнь всякую минуту въ опасности?

Бригадирша. До лихова часу долго ли?

Софья. Неужели онъ съ вами столько варварски поступалъ, что вы отъ него уже и терпѣли на это похожее?

Бригадирша. То нѣтъ, моя матушка. Этого еще не бывало, чтобъ онъ убилъ меня до смерти. Нѣтъ, нѣтъ еще!

Добролюбовъ. Объ этомъ, сударыня, васъ никто и не спрашиваетъ.

Софья. Довольно, ежели онъ имѣетъ варварство пользоваться правомъ сильнаго.

Бригадирша. То онъ силенъ, матушка. Однажды и то безъ сердцовъ, знаешь, въ шутку, потолкнулъ онъ меня въ грудь, такъ вѣришь ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула: такъ глазки подъ лобъ и закатились, — не взвидѣла свѣта Божьяго?

Софья. И это было въ шутку!

Бригадирша. Насилу отдохнула: а онъ, мой батюшка, хохочетъ, да тѣшится.

Добролюбовъ. Изрядный смѣхъ!

Бригадирша. Недѣль чрезъ пять, шесть и я тому смѣялась, а тогда, мать моя, чуть-было, чуть Богу души не отдала безъ покаянія.

Добролюбовъ. Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть-было васъ на тотъ свѣтъ не отправилъ?

Бригадирша. Такъ и живу. Вѣдь я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житье-то худо-худо, а все не такъ, какъ, бывало, нашихъ офицершей. Я всего наглядѣлась. У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванью Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная молодка. Такъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что нибудь, а больше хмѣльной: такъ, вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай ни выпеси за что. Ну мы, наша сторона дѣло, а иное напрачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь; каково же было терпѣть капитаншѣ?

Сынъ. Какъ, ma mère, я женюсь, и мнѣ нужды нѣтъ до выбора невѣсты?

Бригадирша. И вѣдомо. А какъ отецъ твой женился? А какъ я за него вышла? Мы другъ о другѣ и слыхомъ не слыхали. Я съ нимъ до свадьбы отъ роду слова не говорила, и начала уже мало по малу кое-какъ заговаривать съ нимъ недѣли двѣ спустя послѣ свадьбы.

Сынъ. За то послѣ слишкомъ вы другъ съ другомъ говорили.

Бригадирша. Дай-то Господи, чтобъ и тебѣ такъ же удалось жить, какъ намъ.

Сынъ. Dieu m'en préserve!

Бригадирша. Буди съ вами милость Божія и мое благословеніе.

Сынъ. Très obligé.

Совѣтникъ. Поди сюда, Софьюшка. Мнѣ о многомъ съ тобою поговорить надобно.

Софья. О чемъ изволите, батюшка?

Совѣтникъ. Во-первыхъ, о чемъ ты печалишься?

Софья. О томъ, батюшка, что ваша воля съ моимъ желаніемъ не согласна.

Совѣтникъ. Да развѣ дѣти могутъ желать того, чего не хотятъ родители? Вѣдаешь ли ты, что отецъ и дѣти должны думать одинаково. Я не говорю о нынѣшнихъ временахъ: нынѣ все пошло новое, а въ мое время, когда отецъ виноватъ бывалъ, тогда деруть сына; а когда сынъ виноватъ, тогда отецъ за него отвѣчаетъ, вотъ какъ въ старину бывало.

Софья. Слава Богу, что въ наши времена этого нѣтъ.

Совѣтникъ. Тѣмъ хуже. Нынѣ кто виноватъ, тотъ и отвѣчай, а съ иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виноватъ только одинъ виноватый. Бывало...

Софья. А правому, батюшка, для чего жъ быть виноватымъ?

Совѣтникъ. Для того, что всѣ грѣшны человѣцы. Я самъ бывалъ судьею: виноватый; бывало, платитъ за вину свою, а правый

за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ.

Совѣтникъ. ...Однако, про насъ слово: чудно мнѣ, что ты могъ такъ скоро выходить свое дѣло, и, погнавшись за нимъ, не растерялъ и достальное.

Добролюбовъ. Ваша правда. Корыстолюбіе нашихъ лихоимцевъ перешло все предѣлы. Кажется, что нѣтъ такихъ запрещеній, которыя ихъ унять бы могли.

Совѣтникъ. А я такъ всегда говорилъ, что взятки и запрещать невозможно. Какъ рѣшить дѣло даромъ за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыхивали! Это противъ натуры человѣческой...

(«Бригадиръ»).

Г-жа Простакова. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанецъ Тришка сшить извозилъ?

Простаковъ *(отъ робости запинаясь)*. Мѣ... мѣшковатъ немного.

Г-жа Простакова. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Простаковъ. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Простакова. А ты самъ развѣ остѣпъ?

Простаковъ. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Простакова. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь: не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

Простаковъ. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ и вѣрю.

Г-жа Простакова. Такъ вѣрь же и тому, что я холопямъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

Скотининъ. Кого? за что? въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата.

Скотининъ. Что жъ я не вижу моей невѣсты? Гдѣ она? Ввечеру быть уже сговору: такъ не пора ли ей сказать, что выдаютъ ее замужъ?

Г-жа Простакова. Успѣемъ, братецъ. Если ей это сказать прежде времени, то она можетъ еще подумать, что мы ее докладываемся. Хотя по мужѣ, однако я ей свойственница; а я люблю, чтобъ и чужіе меня слушали.

Простаковъ *(Скотинину)*. Правду сказать, мы поступили съ Софьюшкой какъ съ сущею сироткой. Послѣ отца осталась она младенцомъ. Тому съ полгода, какъ ея матушкѣ, а моей сватьюшкѣ, сдѣлался ударъ...

Г-жа Простакова *(показывая, будто креститъ сердце)*. Съ нами сила крестная!

Простаковъ. Отъ котораго она и на тотъ свѣтъ пошла. Дядюшка ея, г. Стародумъ, поѣхалъ въ Сибирь; а какъ нѣсколько уже лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни вѣсти, то мы и считаемъ его покойникомъ. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее въ нашу деревеньку и надзираемъ надъ ея имѣніемъ, какъ надъ своимъ.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня такъ разоврался, мой батюшка! Еще братецъ можетъ подумать, что мы для интересу ее къ себѣ взяли

Простаковъ. Ну какъ, матушка, ему это подумать? Вѣдь Софьюшкино недвижимое имѣніе намъ къ себѣ придвинуть не можно.

Скотининъ. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчикъ. Хлопотать я не люблю, да и боюсь Сколько меня сосѣди ни обижали, сколько убытку ни дѣлали, я ни на кого не билъ челомъ; а всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, сдеру съ своихъ же крестьянъ, — такъ и концы въ воду.

Простаковъ. То правда, братецъ: весь околотокъ говоритъ, что ты мастерски оброкъ собираешь.

Г-жа Простакова. Хоть бы ты насъ поучилъ, братецъ батюшка; а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали: ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!

Г-жа Простакова. Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофанъ. Да, зады! Какъ не такъ.

Г-жа Простакова. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Митрофанъ. Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты бъ еще навезла сюда дядюшекъ!

Г-жа Простакова. Что, что такое?

Митрофанъ. Да, того и смотри, что отъ дядюшки таска; а тамъ съ его кулаковъ, да за Часословъ. Нѣтъ, такъ я спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Простакова *(испугавшись)*. Что, что ты хочешь дѣлать? Опомнись, душенька!

Митрофанъ. Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Нырну, — такъ поминай какъ звали!

Г-жа Простакова *(вмѣсто себя)*. Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

Еремѣевна. Все дядюшка напугалъ: чуть-было въ волоски ему не вцѣпился. А ни за што, ни про што...

Г-жа Простакова *(въ злобѣ)*. Ну...

Еремѣевна. Присталъ къ нему: хочешь ли жениться...

Г-жа Простакова. Ну...

Еремѣевна. Дитя не потаилъ: ужъ давно-де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскипется...

Г-жа Простакова *(дрожа)*. Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремѣевна. Припяла-было! Охъ, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестія! Но тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

Еремѣевна. Ахъ, Создатель спаси и помилуй. Да кабы братецъ въ ту жъ минуту отойти не изволилъ, то бъ я съ нимъ поломалась, во что бы Богъ ни поставилъ: притупились бы эти *(указывая на ногти)*; я бъ и клыковъ беречь не стала.

Г-жа Простакова. Всѣ вы, бестіи, усердны на однихъ словахъ, а на дѣлѣ...

.....

Г-жа Простакова. *(къ Митрофану)*. ...Пойдемъ со мною, Митрофанушка. Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нещичко, такъ пожить на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ, моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты, благодаря Бога, столько уже

смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ *(къ Еремѣевнѣ)*. Съ братцомъ перевѣдаюсь не по твоему Пусть же всѣ добрые люди увидятъ, чгò мáма и что мать родная.

Г-жа Простакова. Пусти! пусти, батюшка! дай мнѣ до рожи, до рожи...

Милонъ. Не пущу, сударыня, не прогнѣвайся!

Скотининъ *(въ запальчивости, оправляя паричъ)*. Отвяжись, сестра! Дойдетъ дѣло до ломки: погну, такъ затрещишь.

Милонъ *(г-жѣ Простаковой)* И вы забыли, что онъ вамъ братъ!

Г-жа Простакова. Ахъ, батюшка, сердце взяло, дай додраться!

Милонъ *(Скотинину)*. Развѣ она вамъ не сестра?

Скотининъ. Что грѣха таить, одного помету: да вишь какъ развизжалась.

(«Недоросль»).

Вотъ нравы, вотъ жизнь, куда метитъ перо Фонъ-Визина! Согласитесь, что здѣсь еще болѣе прекрасный патріотическій подвигъ гражданскій, нежели заслуга писателя. Въ этомъ отношеніи первое явленіе пятаго дѣйствія — не смотря на неумѣстность свою въ комедіи — весьма замѣчательно... Обращаясь же непосредственно къ литературной сторонѣ комедій Фонъ-Визина, нельзя не замѣтить особенно комическихъ и вѣрно очерченныхъ сценъ, каковы: въ «Бригадирѣ» — изъясненіе въ любви Иванушки и Совѣтницы (д. I, яв. 3), признаніе Совѣтника предъ Бригадиршей (д. II, я. 3) и Бригадира Совѣтницѣ (д. III, я. 4); въ «Недорослѣ» — въ началѣ комедіи сцена Простаковой съ Тришкой (д. I, я. 1 и 2), сцена ученія Митрофанушки (д. III,

я. 7 и 8), но верхъ совершенства — это окончаніе комедіи (д. V, съ я. 7), гдѣ комическое достигаетъ трагическаго паѳоса и характеръ Простаковой дорисовывается истинно художественно.

О письмахъ Фонъ-Визина, которыя нѣкогда печатались въ образцовыхъ сочиненіяхъ и хрестоматіяхъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго: «Нѣкоторыя изъ писемъ автора нашего, писанныхъ изъ Франціи къ графу П. И. Панину, давно уже извѣстны и пользуются у насъ большимъ уваженіемъ, которое мы никакъ раздѣлить не можемъ. Вѣроятно они были писаны не для печати: этимъ оправдываются встрѣчающіяся небрежности въ слогѣ и языкѣ; но тѣмъ строже судимъ мы мнѣнія писателя, который въ частной и пріятельской перепискѣ, могъ свободно высказывать впечатлѣнія и мнѣнія свои въ ихъ естественной наготѣ. Должно признаться, что нѣкоторыя изъ наблюденій путешественника и справедливы, а именно тѣ, кои относятся до политическаго положенія Франціи. Здѣсь жестокія обвиненія наблюдателя оправданы были послѣдовавшею революціею. Но за то въ наблюденіяхъ его о характерѣ французовъ, объ образѣ жизни ихъ и въ характеристикѣ знаменитыхъ писателей, какая неумѣренность, какая оскорбительная рѣзкость въ сужденіяхъ, сколько желчи и даже изступленія! Впрочемъ не однимъ французамъ достается: нѣмцы, и послѣ того италіянцы, не лучше отдѣланы». Послѣ приведенныхъ замѣтокъ княгини Дашковой, современницы Фонъ-

Визпна, посѣщавшей Парижъ, авторъ продолжаетъ: «Мнѣ пріятно было рѣзкимъ приговорамъ Фонъ-Визпна противопоставить благонамѣренный отзывъ нашей-же соотечественницы, это будетъ отъ лица русскихъ примирительное, очистительное жертвоприношеніе памяти мужей, которые имѣли свои заблужденія и погрѣшности, но ознаменовали земное поприще свое заслугами просвѣщенію и слѣдовательно человѣчеству. Можно указать еще и на письма русскаго путешественника, Карамзина. Писанныя безъ педантства, безъ догматической важности, онѣ содержатъ болѣе истинъ и тонкихъ наблюденій о Франціи и французахъ, нежели письма Фонъ-Визина, которыя писаны будто съ каѳедры, во услышаніе и трепетъ грѣшниковъ. Въ одномъ только Карамзинъ сходится съ нимъ, — во мнѣніи о физической нечистотѣ Парижа. — Принявъ уже на себя званіе обвинителя Фонъ-Визина заграничнаго вмѣстѣ съ званіемъ защитника обиженныхъ имъ, не умолчу и другаго обвиненія. Въ письмахъ его многіе изъ наблюденій о нравахъ французовъ, и въ особенности тѣ, которыя отзываются истиною и глубокомысліемъ, не его. Тапть нечего; въ письмахъ своихъ онъ нѣсколько кривилъ совѣстью предъ графомъ Панинымъ, выдавая ему за свои заключенія, выписки изъ книги Дюкло: «Considérations sur les mœurs de ce siècle»; кривилъ совѣстью вмѣстѣ съ тѣмъ и предъ Дюкло, заимствуя изъ него обличительныя указанія на современниковъ и утаивая то, что гово-

рилъ онъ въ пользу ихъ» [1]). (За тѣмъ слѣдуютъ выписки изъ Дюкло въ параллель съ заимствованіями, сдѣланными у него Фонъ-Визинымъ). — Внимательное чтеніе писемъ Фонъ-Визина докажетъ всякому безпристрастному читателю вѣрность мнѣнія князя Вяземскаго, къ которому можно здѣсь прибавить развѣ только догадку : не было ли это у Фонъ-Визина тайною, самимъ имъ себѣ несознаваемою, местью, за моральное зло, причиненное ему въ юности французскимъ вліяніемъ? Но, кромѣ того, что такое исключительное примѣненіе частной своей личности къ общности цѣлой націи слишкомъ эгоистически-мелочно, да при томъ это и не по христіански : истинное христіанство въ такомъ случаѣ молится, а не злословитъ; тѣмъ болѣе, что во всемъ и всегда есть сѣмена добра и зла, и отъ насъ самихъ зависитъ усвоять уму и сердцу своему то, или другое.

Вотъ литературные представители перваго, Ломоносовскаго, періода нашей словесности! Но литература слагается не изъ этихъ исключительныхъ дѣйствователей-, а изъ совокупной дѣятельности

---

[1]) Фонъ-Визинъ, соч. князя Вяземскаго, стр. 121, 131 — 135

писателей различнаго достоинства въ различныхъ родахъ... Ломоносовскій періодъ нашей словесности представляетъ множество лицъ, трудившихся въ эту пору на литературномъ поприщѣ: загляните въ «Опытъ россійской библіографіи» Сопикова — (Спб. 1814 — 1821 г. 5 частей) и «Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Смирдина» (Спб. 1828), и вы найдете такое количество книгъ, изданныхъ въ это время, которое можетъ служить утѣшительнымъ доказательствомъ достаточнаго въ эту пору литературнаго движенія. Но объемъ этого очерка русской словесности не позволяетъ вдаваться въ подробности и требуетъ ограничиться здѣсь лишь перечневымъ исчисленіемъ главнѣйшихъ именъ, способствовавшихъ своими трудами литературному развитію въ различныхъ родахъ словесности.

По слѣдамъ Ломоносова, вмѣстѣ съ Державинымъ, писали оды, пѣсни, элегіи: *Нелединскій-Мелецкій*, *кн. Долгорукій*, *Капнистъ*, изъ которыхъ первый преимущественно извѣстенъ своими пѣснями, отличавшимися нѣжнымъ чувствомъ и долго обращавшимися во всеобщемъ обиходѣ, второй философскими одами и остроумными посланіями, третій элегіями и, кромѣ того, своею комедіей «Ябеда», представляющею энергическій протестъ истиннаго патріота противу подъячества, составлявшаго лютую общественную язву того времени; эти три лирическихъ поэта, писавшіе стихами, по тому времени, довольно гладкими, чистыми и пріятными, составляютъ поэтическое

созвѣздіе Державина, а Капнистъ, кромѣ того, какъ комикъ, соотвѣтствуетъ Фонъ-Визину. — Какъ стихотворцы въ лирическомъ родѣ и переводчики значительныхъ произведеній древнихъ и новыхъ литературъ, извѣстны также: *гр. Хвостовъ* и *Карабановъ* — оба члены россійской академіи, писали оды, посланія, притчи и проч., и переводили изъ французскихъ классиковъ Рассина, Вольтера, Буало и другихъ; *Поповскій* — переводчикъ «Науки стихотворства» Горація и дидактической поэмы Попе «Опытъ о человѣкѣ»; *кн. Голенищевъ-Кутузовъ* — переводчикъ одъ Сафо, Пиндара, Гезіода, идиллій Теокрита, стихотвореній Грея и поэмы «Четыре части дня» Берниса, также Вольтеровыхъ трагедій «Меропа» и «Смерть Цезаря»; *Костровъ* — переводчикъ александрійскими стихами Гомеровой Иліады (первыя 8 пѣсень) «Стихотвореній Оссіана», «Апулеева золотаго осла»; *Бобровъ* — кромѣ лирическихъ стихотвореній и переводовъ изъ англійскихъ поэтовъ, написалъ двѣ поэмы «Таврида, или мой лѣтній день» (при новомъ изданіи переименованная «Херсонидою») и «Древняя ночь вселенной, или странствующій слѣпецъ»; *Барковъ* — кромѣ переводовъ «Горацієвыхъ сатиръ» и «Федровыхъ басень», извѣстенъ преимущественно собственными вакхическими и эротическими стихотвореніями, а также пародіями трагедій Сумарокова, оставшимися не напечатанными; *Майковъ* — писалъ оды, посланія, басни, трагедіи («Агріопа», «Ѳемистъ и Іеронима»), особенно же

замѣчательны его комическія поэмы «Елисей, или раздраженный Вакхъ» и «Игрокъ Ломбера», также перевелъ стихами «Овидіевы превращенія» и трагедію Вольтера «Меропа»; *Осиповъ* — извѣстенъ преимущественно пародіями «Виргиліевой Энеиды» и «Овидіевыхъ эротическихъ стихотвореній». — Кромѣ упомянутыхъ здѣсь произведеній древнихъ и новыхъ литературъ, переведены, въ то время, почти всѣ значительныя поэмы, начиная съ Гомеровыхъ эпопей, изъ которыхъ принадлежатъ тому времени: переводъ 12 пѣсень «Иліады» — *Екимова,* и переводъ «Одиссеи» — *Соколова;* сверхъ того переведены — «Фарсалія» Лукана, «Лузіада» Камоенса, «Неистовый Роландъ» Аріоста, «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса, «Потерянный рай» Мильтона, «Мессіада» Клопштока, «Оберонъ» Виланда, «Поэмы Оссіана», «Гонзальвъ кордуанскій» Флоріана, поэмы Геснеровы «Смерть Авеля» и «Первый мореплаватель», и изъ нихъ нѣкоторыя, какъ «Поэмы Оссіана» и «Потерянный рай», имѣли нѣсколько переводовъ и изданій.

Что касается до драматической словесности нашей въ періодъ Ломоносовскій и театра, воспріявшаго въ это время свое начало, то, — не вдаваясь въ подробности младенческаго состоянія у насъ сценическаго искуства, начиная съ представленій кіевскими семинаристами духовныхъ драмъ Св. Димитрія ростовскаго, а потомъ московскими драмъ Симеона Полоцкаго, также представленій у бояръ Милославскаго и Матвѣева, или нѣмецкими актерами въ

Потѣшномъ дворцѣ, и придворныхъ спектаклей у царевны Софіи Алексѣевны, а потомъ въ *Комидіальной храминѣ* на московской красной площади, до *италіанскихъ интермедій*, въ Петербургѣ на придворномъ театрѣ, а потомъ и французскихъ спектаклей *кассельскихъ актеровъ* [1]), вспомнимъ, что — основателемъ собственно русскаго театра, по справедливости, считается *Волковъ*. По внутреннему страстному влеченію къ сценическому искуству, онъ устроилъ сначала театръ на родинѣ своей въ Ярославѣ, откуда отозванъ былъ по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны въ 1752 году въ Петербургъ, гдѣ и началъ первыя русскія представленія трагедіями Сумарокова. Въ числѣ актеровъ этой первой русской труппы былъ *Дмитревскій* : и вотъ два корифея нашего театра, память которыхъ останется навсегда незабвенна въ исторіи русскаго сценическаго искуства! — Фонъ-Визинъ называетъ Волкова «мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ» [2]). Дмитревскій, кромѣ геніальнаго сценическаго таланта, былъ отлично образованъ и даже самъ писалъ стихотворенія, изъ театральныхъ же сочиненій перевелъ трагедію «Беверлей», двѣ оперы «Рѣдкая вещь» и «Діанино дерево», также передѣ-

---

[1]) Весьма любопытна „Исторія русскаго театра, музыки и персонъ до 1768 года“ Штелина, напечатанная въ „С Петербургскомъ вѣстникѣ“ 1779 года.

[2]) Чистосердечное признаніе въ Сочин. изд. сочин Фонъ-Визина, стр 498

лалъ комедіи «Раздумчивый Демокритъ», «Лунатикъ» и проч., и сверхъ того сочинилъ «Похвальное слово Сумарокову» (1807). Ему преимущественно обязаны успѣхомъ трагедіи Сумарокова, составлявшія долго исключительное достояніе тогдашняго репертуара. Впрочемъ, вообще, собственно русская Мельпомена въ періодъ Ломоносовскій скудна количествомъ производителей и произведеній. Кромѣ преемника Сумарокова, Княжнина, плодовитѣйшимъ драматическимъ писателемъ былъ актеръ, сначала петербургскаго а потомъ московскаго театровъ, *Плавильщиковъ* — авторъ трагедій «Рюрикъ», «Тахмасъ Кулы Ханъ» (обѣ въ стихахъ) и «Ермакъ» (въ прозѣ), драмъ «Ленса, или дикіе въ Америкѣ», «Графъ Вальтропъ» (подражаніе нѣмецкой) и комедій «Братья Своеладовы», «Бобыль», «Сидѣлецъ», «Мельникъ и Сбитеньщикъ соперники». Извѣстна еще трагедія *Николева* «Сорена», имѣвшая въ свое время значительный успѣхъ. — Зато русская Талія періода Ломоносовскаго, по слѣдамъ Сумарокова, съ легкой руки Княжнина, можетъ похвалиться богатствомъ производителей и произведеній. Замѣчательнѣйшіе изъ комиковъ того времени: *Ефимьевъ* («Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра», «Слѣдствіе братомъ проданной сестры», «Вояжеръ, или воспитаніе безъ успѣха»); *Клушинъ* («Смѣхъ и горе», «Услужливый», «Худо быть близорукимъ»); *Веревкинъ* («Такъ и должно»); *Лукинъ* («Мотъ любовью исправленный»); *Прокудинъ-Горскій* («Добродѣтель увѣнчанная вѣр-

ностію», «Самохвалъ», «Судьба деревенская»); *Ельчаниновъ* («Наказанная вертопрашка», «Награжденное постоянство»). Прибавьте къ этому еще нѣсколько оригинальныхъ и передѣланныхъ оперъ. Полнымъ репертуаромъ того времени можетъ служить «Россійскій ѳеатръ, или полное собраніе всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій, изданное академіею наукъ, 43 части, 1786 — 1794». — Изъ писателей иностранныхъ, которыхъ трагедіи, драмы и комедіи были переводимы преимущественно, должно упомянуть имена: Корнеля, Рассина, Вольтера, Кребильона, Метастазія, Гольберга, Дидерота, Гольдони, Лессинга, Мольера, Бомарше, Шеридана, Мариво, Мерсье, Легранда, Реньяра, Детуша. Изъ переводчиковъ извѣстны особенно: *Нартовъ*, *Кронотовъ*, *Свистуновъ*, и проч. — Говоря вообще о характеристикѣ тогдашнихъ драматическихъ произведеній, надо замѣтить, что всѣ онѣ, — будучи бо́льшею частію подражанія французскихъ образцовъ, вѣрныя правиламъ и условіямъ господствовавшей французской теоріи, — въ отношеніи предмета и содержанія своего, писаны подъ вліяніемъ живыхъ современныхъ интересовъ и впечатлѣній, даже до того, что нерѣдко представляютъ просто личности, бо́льшею частію теперь намъ непонятныя, исключая не многихъ поясненій, оставшихся въ преданіи. Въ такомъ характерѣ явилась комедія наша, при самомъ ея появленіи, у Сумарокова, въ комедіяхъ котораго безпрерывно встрѣчаются намѣки, предполагающія

мету, на которую они направлены. Вспомнимъ, при этомъ, признаніе Фонъ-Визина о созданіи характера Бригадирши, списаннаго съ московской барыни, за дочерью которой онъ волочился [1]); а также замѣчаніе Новикова въ его «Словарѣ» о комедіи Лукина, въ которую, по словамъ его, «сочинитель ввелъ два смѣшные подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіями, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, зрителей весьма смѣшили». Еще любопытнѣе, что такія личности были даже въ трагедіяхъ; вотъ также современное свидѣтельство о трагедіи Хераскова «Борпславъ» о коей говорится, что «вся трагедія была сочинена подъ другими именами, нѣкоторыя обстоятельства принудили перемѣнить оныя и поставить вымышленныя; при чемъ должно упомянуть, что пятый актъ совсѣмъ перемѣненъ и при выборѣ другихъ именъ сочиненъ новой» [2]).

Были въ это время и романисты, — и представитель ихъ *Эмин*, жизнь котораго, сама по себѣ, интересный романъ, ожидающій еще искуснаго пера. Біографическія извѣстія объ немъ весьма различны [3]):

---

[1]) Чистосердечное признаніе, въ Смирд изд сочиненій Фонъ-Визина, стр 492

[2]) См въ Репертуарѣ русскаго театра 1841 г статья „Любопытная библіографическая рѣдкость", въ которой представлены извлеченія о старинныхъ театральныхъ пьесахъ изъ интересной книги „Драматическій словарь, или показаніе по алфавиту всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ, съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и стихотворцевъ музыки, которыя когда были представлены на театрахъ, и гдѣ, и въ которое время напечатаны Въ пользу любящихъ театральныя представленія Собранной въ Москвѣ, въ типографіи А А 1787 года"

[3]) Всѣ эти показанія представлены въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія, т I, стр 214

дѣло въ томъ, что Эминъ жилъ въ молодости въ Константинополѣ и исповѣдывалъ магометанскую религію, откуда бѣжалъ, въ Лондонѣ крещенъ у посланника русскаго въ грекороссійское исповѣданіе, потомъ прибылъ въ Петербургъ, и, зная много иностранныхъ языковъ европейскихъ и азіятскихъ, въ короткое время достигъ познанія въ русскомъ языкѣ въ такой степени, что написалъ множество сочиненій и сдѣлалъ переводовъ. Сочиненія его: романы — «Награжденная постоянность, или приключенія Лизарка и Сарманды», «Непостоянная фортуна, или похожденія Мирамонда» (въ которомъ, какъ увѣряютъ, есть намеки на собственную его жизнь), «Письма Эрнеста и Доравры» — подражаніе «Новой Элоизѣ» Руссо; «Нравоучительныя басни въ прозѣ», «Приключенія Ѳемистокла и разные политическіе, гражданскіе, философическіе, физическіе и военные съ сыномъ своимъ разговоры, постоянная жизнь и жестокость фортуны его гонящей» [1]), «Краткое описаніе древнѣйшаго и новѣйшаго состояніе Оттоманской имперіи», «Россійская исторія» (доведенная до Всеволода III, или до 1113 года) и духовно-нравственое сочиненіе «Путь ко спасенію» (имѣвшее до сихъ поръ множество изданій). Переводы: «Безсчастный Флоридоръ, или исторія о принцѣ Ракальгутскомъ, романъ политическій и нравоучительный, переводъ съ италіанскаго», «Любовный верто-

[1]) Въ Смирдинской „Роспися книгъ" (Спб 1828) означены еще, подъ именемъ Эмина, двѣ повѣсти „Игра судьбы" и „Роза".

градъ, или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены», «Горестная любовь маркиза де Толедо, шпанская повѣсть», «Польская исторія, сочиненная Солиньякомъ, переводъ съ французскаго». — *Захарьинъ* написалъ два романа: «Арфаксадъ, халдейская повѣсть» (въ шести частяхъ) и «Приключенія Клеандра, храбраго царевича лакедемонскаго и Ніотильды, королевы ѳракійской» (въ двухъ частяхъ). — Этому же времени принадлежатъ очень извѣстные два романа: «Несчастный Пиканоръ, или приключеніе жизни россійскаго дворянина Н.» и «Повѣсть о приключеніи англинскаго милорда Георга и о брандебургской маркграфинѣ Фридерикѣ Луизѣ. съ присокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезіи» — *Комарова* (много разъ перепечатывавшійся). — Изъ переводчиковъ, того времени, первое мѣсто принадлежитъ *Волчкову*, котораго первый переводъ съ французскаго книги «Балтазара Граціана придворный человѣкъ, переведенъ съ гишпанскаго языка на французскій Амелотомъ де ла Гусей» явился въ самомъ началѣ Ломоносовскаго періода, именно въ 1739 г. [1]). Сверхъ того — въ числѣ множества переводовъ,

---

[1]) Посвященъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, другое же изданіе 1740 г посвящено принцу Іоанну Антоновичу, но экземпляры этого изданія, уничтожены вслѣдствіе указа императрицы Елисаветы Петровны о перепечатаніи вновь заглавій и мѣстъ, напечатанныхъ въ церковныхъ и гражданскихъ книгахъ съ именемъ правительницы Анны Леопольдовны и принца Іоанна Антоновича, а въ 1760 г было новое изданіе (См „Опытъ россійской библіографіи" Сопикова, ч II, стр 273, гдѣ приведены извлеченія изъ этого перевода, интересныя какъ образецъ литературнаго языка того времени)

сдѣланныхъ имъ, замѣчательны: «Житіе и славныя дѣла Марка Аврелія Антонина, цезаря римскаго, съ собственными его премудрыми разсужденіями о себѣ самомъ, переводъ съ нѣмецкаго», «Эзоповы басни съ нравоученіемъ и примѣчаніями г. Летранжа, переводъ съ французскаго», «Достопамятное въ Европѣ, т. е. описаніе всего, что для любопытнаго смотрѣнія свѣта, также за нужду или по случаю путешествующему въ знатнѣйшихъ мѣстахъ Европы знать и видѣть надлежитъ», сочиненіе Рудольфа Рота, переводъ съ нѣмецкаго, «Нравоучительная книга языкъ, переводъ съ нѣмецкаго», «Наука счастливымъ быть, переводъ съ нѣмецкаго», «Лепобля свѣтская школа, или отеческое наставленіе сыну объ обхожденіи въ свѣтѣ, переводъ съ французскаго». Литературный вкусъ переводчика доказываетъ выборъ сочиненій для перевода: имъ переведены «Монтаньевы опыты» (Спб. 1762 г.) и «Житіе Давида Симпля» — переводъ Фильдингова романа, сдѣланный еще въ 1752 г., но не напечатанный. Есть впрочемъ другой переводъ этого романа, подъ названіемъ: «Давидъ простой, или истинный другъ», Спб. 1798. Въ это же время былъ переведенъ и другой романъ Фильдинга, «Томъ Дононсъ», также Гольдсмитовъ «Вакефельдскій священникъ», Ричардсоновъ «Грандиссонъ», «Кларисса Гарловъ», «Памела», всѣ романы Виланда, повѣсти Вольтера, «Телемакъ» Фенелоновъ, «Хромоногій бѣсъ» Лесажа, знаменитый романъ Кувре «Фобласъ»; наиболѣе же переводимымъ авторомъ въ это время былъ

Арнодъ. Замѣчательнѣйшіе переводчики: *Сапожниковъ*, *Сахаровъ*, *Н. Страховъ*, *Н. Осиповъ*, *Кондратовичъ*, *Н. Яценковъ*. — По авторитету же современной извѣстности, особенно замѣчателенъ *Елагинъ*, переводчикъ, вмѣстѣ съ *Лукинымъ*, извѣстнаго романа: «Приключенія маркиза Г., или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ, соч. аббата Прево, перев. съ франц., Спб. 1756 — 1764» (въ новѣйшемъ изданіи 1790 г. прибавлены часть 7-я и 8-я, содержащія въ себѣ исторію Маноны Леско): этотъ романъ имѣлъ много изданій до новѣйшаго времени; кромѣ того онъ перевелъ Мольерова «Мизантропа», и трагедію Браве «Безбожный»; преимущественно же извѣстенъ какъ авторъ «Опыта повѣствованія о Россіи», доведеннаго до 1389 г., т. е. кончины В. К. Димитрія Донскаго. — Еще весьма замѣчательнымъ лицомъ въ исторіи нашей литературы Ломоносовскаго періода является *Лопухинъ*, который, кромѣ множества переводовъ изъ Флешье, Томаса и разныхъ духовно-нравственныхъ сочиненій, также «Подражанія нѣкоторымъ пѣснямъ Давыдовымъ» стихами, и собственной драмы «Торжество правосудія и добродѣтели, или добрый судья», извѣстенъ преимущественно какъ авторъ книгъ, имѣвшихъ цѣлію реакцію проникавшему не чувствительно вліянію философскаго духа XVIII вѣка, увлекавшаго даже, на нѣкоторое время, умы сильные. Вотъ названія его сочиненій этого рода: «Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями», «Изображеніе мечты равенства и буйной

свободы съ пагубными ихъ плодами», «Изліяніе сердца чтущаго благость единоначалія», «Описаніе нѣсколькихъ картинъ и списокъ съ нѣкоторыхъ отрывокъ, находящихся въ магазинѣ давняго смотрѣнія на внутреннія причины дѣйствій и на слѣпоту развращенныхъ французовъ», «Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели», «Отрывки, сочиненія одного стариннаго судьи, и его же замѣчанія на извѣстную книгу Руссову: du contrat social»; кромѣ того онъ писалъ стихи, печатавшіеся въ «Другѣ юношества» и «Сіонскомъ вѣстникѣ», и сочинилъ «Записки о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни и службы своей».

Въ заключеніе очерка русской словесности въ періодъ Ломоносовскій, съ благоговѣніемъ должно быть упомянуто безсмертное имя императрицы Екатерины II, которая своимъ руководствомъ, покровительствомъ и даже собственнымъ примѣромъ, была, по истинѣ, благодатнымъ геніемъ нашей словесности въ эту пору первоначальнаго ея развитія, когда преимущественно ей нужны были помощь и поддержаніе.... Предварительнымъ, многостороннимъ и разнообразнымъ, образованіемъ приготовившись къ высокому своему назначенію, — императрица Екатерина II, по вступленіи своемъ на престолъ, досуги свои отъ царственныхъ трудовъ, заботъ и попеченій о благѣ отечества, посвящала отечественной литературѣ съ ревностію безпримѣрною. — Здѣсь, прежде всего, представляется великій,

столько же государственный сколько и философскій трудъ монархини — ея приснопамятный «Наказъ коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія», предложенный сенату 1766 года декабря 14: рукописи этого «Наказа», на русскомъ языкѣ, большею частію писанныя собственною ея рукою, и выписки ея, на французскомъ языкѣ, изъ Монтескю, Беккарія и другихъ, а также собственныя ея мысли, служившія основаніемъ этому творенію, — вотъ наша народная святыня, прекрасный памятникъ въ исторіи нашей гражданственности! Извѣстно, что «Наказъ» былъ переведенъ на языки латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій, новогреческій и польскій; полнѣйшее изданіе «Наказа», со всѣми приложеніями въ дополнительныхъ указахъ, есть шестое, Спб. 1776, въ 8. — Другой достопамятный трудъ императрицы Екатерины II, по предмету отечественной исторіи, это «Записки касательно россійской исторіи», помѣщавшіяся въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова», изданныя же вполнѣ въ 6 частяхъ 1786 — 1794, а потомъ перепечатанныя въ 1801 году съ именемъ сочинительницы. Третій важный трудъ императрицы Екатерины II посвященъ отечественной филологіи: это «Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранный десницею Высочайшей Особы» (изданный Палласомъ, Спб. 1787 — 1789 года). — Императрица Екатерина II, во всю жизнь свою питая ненависть и отвращеніе къ массонамъ и иллюминатамъ, написала на фран-

цузскомъ языкѣ, потомъ переведенную по русски, книгу подъ заглавіемъ: «Тайна противу нелѣпаго общества, открытая непричастнымъ онаго, Спб. 1759 года». — Собственно же словесность отечественная гордится слѣдующими произведеніями вѣнценосной писательницы: сказки, писанныя императрицею для царственныхъ внуковъ ея великихъ князей Александра и Константина Павловичей «О царевичѣ Хлорѣ, Спб. 1787 г.» и «О царевичѣ Февеѣ, Спб. 1782 г.»; комедіи — «О Время!», «Имянины Ворчалкиной», «Вѣстникова съ вещью» (заключающія въ себѣ намеки на разныя случаи и обстоятельства изъ жизни придворной и свѣтской), «Обольщенный», «Обманщикъ», «Шаманъ сибирскій» (написанныя по случаю пріѣзда въ Петербургъ Каліостра), «Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями», оперы «Февей», «Храбрый и смѣлый витязь Архидѣичь», «Новгородскій богатырь Боеславичь», «Федулъ съ дѣтьми», «Иванъ царевичь» и «Горе богатырь» (всѣ эти комедіи вышли въ 1778 — 1786); замѣчательно также, что Шекспиръ и романтизмъ впервые явились у насъ подъ перомъ императрицы Екатерины II: «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье, вольное преложеніе изъ Шекспира[1]), въ 5 д., Спб. 1786 г.», «Начальное управленіе Олега, подражаніе Шекспиру, безъ сохра-

[1]) Это переводъ Шекспировыхъ „Виндзорскихъ проказницъ“ названный переложеніемъ потому, что нѣкоторыя слишкомъ рѣзкія сцены подлинника измѣнены въ переводѣ

ненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ, въ 5-ти дѣйств., Спб. 1787» (второе съ картинами и музыкою великолѣпное изданіе, Спб., 1791 въ листъ, третье съ предисловіемъ Болтина, 1793 г.), «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика, подражаніе Шекспиру, безъ сохраненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ, Спб. 1786 г.» (изданіе второе, съ примѣчаніями Болтина, Спб. 1787 г.). — Пьесы на французскомъ языкѣ, сочиненныя императрицею и подъ ея руководствомъ ея придворными и другими лицами (каковы были : оберъ-камергеръ Шуваловъ, графъ Мамоновъ, графъ Строгоновъ, графъ Кобенцель, посланникъ австрійскаго двора, Сегюръ, министръ французскій, князь де Линьи, генералъ австрійскій, Эсстатъ, французъ, бывшій при кабинетѣ императрицы, и дочь французскаго актера Офреня), и игранныя въ эрмитажномъ театрѣ, собраны подъ заглавіемъ «Театръ эрмитажный великія Екатерины, въ которомъ собраны пьесы, игранныя въ эрмитажѣ императрицы Екатерины II, сочиненныя самою ею и особами, составлявшими ея общество, переводъ съ французскаго, 2 части, Москва 1802». — Наконецъ, императрица Екатерина II находила еще время вести обширную переписку ученую, литературную и политическую, изъ которой изданы : «Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II съ Вольтеромъ съ 1763 по 1778 годъ, перев. съ франц., 1802» (и потомъ три перевода въ 1803 г.), «Философическая и политическая переписка императ-

рицы Екатерины II съ докторомъ Циммерманомъ, съ 1783 по 1792 годъ, перев. съ франц., 1803 г.», «Высочайшія собственноручныя письма императрицы Екатерины II къ генералу П. Д. Еропкину, и всеподданнѣйшія его донесенія, 1808», «Переписка императрицы Екатерины II съ графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ, 1805» (второе изданіе, 1808), «Переписка императрицы Екатерины II съ разными особами, 1808 г.», — Сотрудницей императрицы Екатерины II на поприщѣ просвѣщенія и литературы была *княгиня Дашкова*, наименованная директоромъ академіи наукъ и предсѣдателемъ россійской академіи; стараніемъ ея, въ теченіи двѣнадцати лѣтъ изданъ россійскою академіею «Россійскій этимологическій словарь», въ которомъ обработаны ею самою буквы Ц, Ш, Щ и сдѣланы опредѣленія многимъ словамъ, относящимся къ нравственности и политикѣ. Первымъ ея литературнымъ опытомъ былъ переводъ Вольтерова «Опыта объ эпической поэзіи», напечатанный, равно и нѣкоторыя другія статьи ея, въ разныхъ журналахъ и ея собственномъ журналѣ «Собесѣдникъ любителей русскаго слова», издававшемся 1783 — 1785 г., гдѣ помѣщена была и рѣчь, говоренная ею въ россійской академіи. Не имѣя призванія къ драматической словесности, она, по желанію императрицы, написала комедію «Тоисіоковъ, или человѣкъ безхарактерный», которая напечатана въ «Россійскомъ ѳеатрѣ», и экспромтомъ драму «Свадьба Фабіана, или алчность къ богатству наказанная», служащую продолженіемъ

драмы Коцебу «Бѣдность и благородство души». Есть еще небольшое ея сочиненіе «Плугъ и соха». — Супруги двухъ писателей *Хераскова* и *Княжнина* (дочь Сумарокова) сами писали стихи. — Въ каталогѣ Смирдина есть нѣсколько женскихъ именъ на сочиненіяхъ и переводахъ, изданныхъ въ эту пору. —

Журналистика русская, — минуя непринадлежащія этому обозрѣнію политическія газеты, начинающіяся съ «Курантовъ», въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и, въ царствованіе Петра I, «Вѣдомостей о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти», издававшихся въ Москвѣ съ 1705 года, а потомъ продолжавшихся съ 1714 года въ Петербургѣ, — имѣетъ основателемъ своимъ Миллера, сдѣлавшаго, еще за десять лѣтъ до начала этого періода, первый опытъ литературнаго періодическаго изданія, своими такъ называемыми «Примѣчаніями» къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ, а въ 1755 году онъ основалъ настоящій литературный журналъ, съ библіографіей и критикой, подъ названіемъ «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія» (переименованныя въ послѣдствіи времени: «Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія»). Чрезъ четыре года явилась «Трудолюбивая пчела» *Сумарокова* и затѣмъ журналы *Хераскова*: «Полезное увеселеніе» и «Свободные часы». Чрезъ пять лѣтъ, въ одинъ годъ (1769), явились разомъ нѣсколько журналовъ, (въ томъ числѣ

представителя журналистики этого времени Новикова, о которыхъ будетъ сказано далѣе), именно: «Праздное время въ пользу употребленное», «Полезное съ пріятнымъ», «Смѣсь», «Поденьщина» *Тузова*, «Адская почта» *Элина*, «Всякая всячина» *Козицкаго*, «И то и сіо» *Башилова*, «Ни то ни сіо» *Рубана*, который въ слѣдующіе затѣмъ годы издавалъ еще два журнала «Трудолюбивый муравей», и «Старина и новизна». — Вотъ и прочіе журналы Ломоносовскаго періода: «Собраніе разныхъ сочиненій и новостей», изданное академіею наукъ, «Санктпетербургскій вѣстникъ» *Богдановича*, въ которомъ по образцу Миллера, помѣщались извѣстія о книгахъ, «Вечерняя заря», «Утро», «Модное ежемѣсячное изданіе» *Майкова*, «Что нибудь», «Растущій виноградъ», и «Зеркало свѣта» — *Туманскаго*, «Лекарство отъ скуки», «Россійскій магазинъ», «Утренніе часы» — *Рахманова*, «Бесѣдующій гражданинъ» — *Антоновскаго*, «Дѣло отъ безділья» — *Решетникова*, «Прохладные часы», «Сатирическій вѣстникъ» *Н. Страхова*. Къ этому же времени относятся журналы писателя, принадлежащаго Карамзинскому періоду, но начавшаго свое поприще въ качествѣ журналиста въ періодѣ Ломоносовскомъ: это именно баснописца *Крылова* — «Почта духовъ», а также «Зритель» и «Санктпетербургскій Меркурій», издававшіеся имъ вмѣстѣ съ *Клушинымъ*. Сказано выше, что *Новиковъ* былъ представителемъ журналистики періода Ломоносовскаго. Вотъ названіе его журналовъ, издававшихся имъ въ теченіи двад-

цати пяти лѣтъ, съ 1769 по 1784 годъ : «Трутень», «Парнасскій щепетильникъ», «Вечера», «Живописецъ», «Кошелекъ», «Утренній свѣтъ», «Московское ежемѣсячное изданіе», «Покоящійся трудолюбецъ». Изъ этихъ журналовъ особенно заслуживаетъ вниманіе «Живописецъ», въ своей натуральной и яркой сатирѣ представляющій живую, одушевленную панораму нравовъ, образа жизни, мыслей и самого общественнаго языка того времени : поэтому журналъ этотъ пользовался значительнымъ успѣхомъ и имѣлъ пять изданій (1772 — 1793). Въ другомъ отношеніи, не менѣе важенъ и интересенъ его «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», изданный имъ въ 1772 году. Кромѣ того, Новиковъ посвящалъ труды свои изданію матеріаловъ отечественной исторіи и географіи, каковы его: «Древняя россійская вивліоѳика», «Повѣствованіе древностей россійскихъ», и «Древняя россійская идрографія». Въ послѣдствіи времени Новиковъ уклонился отъ прежняго направленія своихъ трудовъ, увлекшись нѣмецкимъ мистицизмомъ, начавшимся въ концѣ этого періода — какъ реакція французскому скептицизму, преимущественно же распространившимся и возбуждавшимъ нѣкоторое время общее вниманіе въ слѣдующемъ, второмъ, періодѣ... Заслуга Новикова въ отечественной литературѣ останется незабвенна, по его ревностному содѣйствію усиленію литературной дѣятельности и распространенію отечественной образованности : кромѣ усовершенствованія университетской

московской типографіи онъ, сверхъ того, какъ говорится въ «Словарѣ» митрополита Евгенія [1]), завелъ еще три особыхъ типографій подъ разными наименованіями, изъ которыхъ особенно извѣстна такъ называемая *типографическая компанія*: печатавшіяся въ его типографіяхъ книги онъ разсылалъ ежегодно gratis въ академію наукъ, въ московскій университетъ, также въ духовныя училища въ Москвѣ и по губерніямъ; онъ первый открылъ публичную библіотеку для чтенія и началъ издавать подробные и обстоятельные библіографическіе каталоги. А вотъ и современное объ немъ свидѣтельство: — «За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжные лавки, которые не продавали въ годъ ни на 10 тысячъ рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ выручаютъ онѣ ежегодно около 200,000 рублей. Сколько же въ Россіи прибавилось любителей чтенія? Это пріятно всякому, кто желаетъ успѣховъ разума, и знаетъ, что любовь ко чтенію всего болѣе имъ способствуетъ. Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ университетскую типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всячески старался пріохотить публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не

---

[1]) См. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. II, стр. 105

забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель: то есть, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи, и наконецъ выдавалъ при вѣдомостяхъ безденежно Дѣтское чтеніе, которое новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученическій переводъ многихъ пьесъ, нравилось публикѣ. Число пренумерантовъ ежегодно умножалось и лѣтъ черезъ десять дошло до 4,000». Это было писано въ 1801 году Карамзинымъ [1]), который, отъ Новикова получилъ русскую журналистику, и этимъ-то «Дѣтскимъ чтеніемъ» (о которомъ самъ говоритъ здѣсь такъ скромно) началъ свое литературное поприще, на которомъ является преобразователемъ нашей литературы и языка, и потому его именемъ характеризуется слѣдующій второй періодъ.

[1]) См. Смирдинское изданіе сочиненій Карамзина, т. III, стр. 545.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

КАРАМЗИНЪ.

По непсповѣдимымъ путямъ промысла, въ годъ смерти Ломоносова раждается преемникъ его въ великомъ дѣлѣ созданія отечественной литературы: это былъ сынъ симбирскаго дворянина *Николай Карамзинъ*. Біографія его не многосложна. Послѣ первоначальнаго воспитанія въ домѣ родительскомъ, онъ получаетъ образованіе въ пансіонѣ Шадена при московскомъ университетѣ, гдѣ учится языкамъ древнимъ — греческому и латынскому и новымъ — французскому, нѣмецкому, англійскому и итальянскому, слушаетъ въ московскомъ университетѣ лекціи отечественной и всеобщей исторіи, теоріи и исторіи словесности, и, начавъ въ дѣтскомъ возрастѣ съ басень Геллерта, прочитываетъ, въ пору ранней юности, образцовыхъ европейскихъ писателей. — Записанный гвардіи въ преображенскій полкъ, по прибытіи въ Петербургъ, онъ въ землякѣ и родственникѣ своемъ Дмитріевѣ пріобрѣтаетъ друга на всю жизнь. По выходѣ въ отставку, Карамзинъ, при

содѣйствіи Дмитріева, знакомится въ Москвѣ съ Новиковымъ, который въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II, выводитъ его на литературное поприще. Два года потомъ путешествуетъ Карамзинъ за границею. По возвращеніи въ отечество тринадцать лѣтъ издаетъ журналы и альманахи, пользуясь пріязнію Державина и Хераскова. — Чрезъ посредство Муравьева достигаетъ почетнаго званія исторіографа и съ этимъ званіемъ остальныя двадцать два года жизни своей, въ продолженіи царствованія императора Александра I. подъ непосредственнымъ его высокимъ вниманіемъ и покровительствомъ, трудится надъ отечественною исторіею, за которую нынѣ царствующій Императоръ Николай I воздаетъ ему отъ лица отечества достойную награду. — Такъ, вся жизнь Карамзина была посвящена отечественной литературѣ, въ исторіи которой онъ является преобразователемъ словесности и языка: поэтому исторія литературной его дѣятельности составляетъ изображеніе реформы въ русской словесности и русскомъ языкѣ, съ которой начинается этотъ второй періодъ.

Первымъ литературнымъ опытомъ Карамзина былъ переведенный имъ съ нѣмецкаго «Разговоръ австрійской Маріи Терезіи съ императрицею Елисаветою въ Елисейскихъ поляхъ», за который, въ вознагражденіе, получилъ онъ отъ книгопродавца Миллера двѣ книжки Фильдингова романа «Томъ Джонесъ» въ переводѣ Харламова; потомъ перевелъ онъ Гесне-

рову идиллію «Деревянная нога», напечатанную въ 1783 году, въ тотъ самый годъ, въ который — какъ мы видѣли выше — появились въ первый разъ «Фелица» и «Недоросль». — Съ 1785 — 1789 г. онъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Петровымъ, издавалъ журналъ подъ названіемъ «Дѣтское чтеніе для сердца и разума», составлявшееся изъ переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго, и преимущественно изъ «Друга дѣтей» Вейсе, о которомъ онъ говоритъ: «Въ Германіи многіе писатели пишутъ для дѣтей и молодыхъ людей; но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. Онъ самъ отецъ, и отецъ нѣжный, посвятившій себя воспитанію юныхъ сердецъ. Со всѣхъ сторонъ осыпали его благодарностію, когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы: дѣти благодарили за удовольствіе, а отцы за видимую пользу, которую сіе чтеніе приносило ихъ дѣтямъ»[1]). — Тоже, что Карамзинъ говоритъ о дѣтскомъ журналѣ Вейсе, можно сказать и о его дѣтскомъ журналѣ; успѣхъ «Дѣтскаго чтенія» Карамзина былъ блистательный: оно читалось во всей Россіи и имѣло четыре изданія.

Въ теченіи двухъ лѣтъ, 1789 и 1790, Карамзинъ путешествовалъ заграницею, описывая свои путевыя впечатлѣнія въ письмахъ къ друзьямъ своимъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Писемъ русскаго пу-

---

[1]) См. Смирд изд сочиненій Карамзина, т. II, стр. 130

тешественника»: двадцать шестаго мая выѣхавъ изъ Санктпетербурга, онъ, чрезъ три недѣли, въ Кенигсбергѣ, гдѣ представляется Канту, запечатлѣвая въ памяти рязсужденія изъ бесѣды великаго мыслителя; въ Берлинѣ знакомится онъ съ извѣстнымъ въ нѣмецкой литературѣ писателемъ и книгопродавцемъ Николаи, съ поэтомъ Рамлеромъ и психологомъ Морицомъ, въ берлинскомъ театрѣ смотритъ драмы Коцебу и трагедіи Шиллера: въ Дрезденѣ обозрѣваетъ картинную галлерею, сообщая при этомъ краткія свѣдѣнія о знаменитыхъ художникахъ Рафаэлѣ, Кореджіо, Анджело, Романо, Веронезѣ, Караччи, Тинторетѣ, Бассано, Джіордано, Сальваторѣ Роза, Пуссенѣ, Рубенсѣ, Фанъ-Дикѣ; въ Лейпцигѣ памятникъ Геллерту напоминаетъ ему первую пору его умственнаго развитія въ лѣта дѣтства, и здѣсь же онъ слушаетъ эстетическія лекціи Платнера, знакомится съ Вейсе, Гердеромъ, Виландомъ, Гёте видитъ лишь въ окно; во Франкфуртѣ обозрѣваетъ тамошнія историческія достопримѣчательности, начиная съ портретовъ всѣхъ германскихъ императоровъ, равно и въ Страсбургѣ; съ поэтическимъ восторгомъ въѣхавъ въ Швейцарію, Карамзинъ въ Базелѣ не пропускаетъ ни монумента Эразма, ни картинъ Гольбейна, ни дома Парацельса; въ Цюрихѣ, проживъ двѣ недѣли, проводитъ время у Лафатера; путешествіе по Альпамъ, извлекаетъ въ письмахъ его нѣсколько одушевленныхъ и живописныхъ страницъ; изъ Берна заѣзжаетъ онъ въ Лозанну, гдѣ посвя-

щаетъ воспоминанія свои автору «Новой Элоизы», а живя пять мѣсяцевъ въ Женевѣ, посѣщаетъ Ферней и сближается съ Боннетомъ; въ Ліонѣ знакомится съ нѣмецкимъ поэтомъ Маттисономъ; наконецъ достигаетъ Парижа, и здѣсь все предметомъ его любопытства — и улицы парижскія съ его палероялемъ, и достопримѣчательныя зданія, и національное собраніе, и академіи, и театры, и окресности Парижа — царственный Версаль, свѣтскій Марли, поэтическій Эрменонвиль, гдѣ покоится прахъ Руссо: изъ литературныхъ знаменитостей, въ Парижѣ знакомится онъ съ Бартельми — авторомъ «Путешествія Анахарсиса», съ Левекомъ — авторомъ «Русской исторіи» и Мармонтелемъ, — авторомъ «Велизарія», повѣсти котораго переводилъ потомъ Карамзинъ; чрезъ Кале и Дувръ пріѣзжаетъ онъ въ Лондонъ и съ такимъ же вниманіемъ обозрѣваетъ здѣсь всѣ достопримѣчательности — Justice Hall, Ньюгетъ, Бедламъ, Tower, биржу, Королевское общество, парламентъ, Сентъ-Джемсъ, Виндзоръ, Вестминстеръ, театры, воксалы, загородные мѣста: и въ Англіи, какъ и во Франціи, онъ съ тонкою отчетливостію, наблюдаетъ характеристику той и другой націи и выражаетъ въ вѣрныхъ и меткихъ очеркахъ, одушевленныхъ, притомъ, прекрасною человѣчественною симпатіею, столь отличною отъ желчнаго сарказма Фонъ-Визинскаго.

Возвратившись въ отечество, Карамзинъ, на другой годъ, началъ издавать, въ теченіи двухъ лѣтъ, въ 1791 и 1792 годахъ, «Московскій журналъ», въ

составъ котораго входили стихотворенія Державина, Дмитріева, Хемницера, Нелединскаго-Мелецкаго, и собственныя Карамзина, также его повѣсти оригинальныя, («Бѣдная Лиза» — изъ жизни современной, «Прекрасная царевна и счастливой Карло» — изъ народныхъ преданій, и «Наталья боярская дочь» — изъ міра историческаго) и переводныя (изъ Мармонтеля), «Письма русскаго путешественника», разборы пьесъ, игранныхъ на московской сценѣ, и новости парижскихъ театровъ, переведенныя съ французскаго, разборы русскихъ книгъ и извѣстія объ иностранныхъ сочиненіяхъ, заимствованныя изъ иностранныхъ журналовъ; все это, кромѣ того, что по своему предмету, содержанію и направленію было ново, интересно; для тогдашней публики, получало еще болѣе заманчивость отъ языка, которымъ писано,— языка столь же новаго какъ идеи и чувства, имъ выражаемыя: и потому-то журналъ Карамзина не только во время изданія своего имѣлъ успѣхъ, но и по прекращеніи помѣщенныя въ немъ сочиненія Карамзина въ стихахъ и прозѣ были изданы отдѣльно подъ заглавіемъ «Мои Бездѣлки» (1794 — 1797 г. и 2-е изд. 1801 г.), равно и Мармонтелевы повѣсти («Новыя Мармонтелевы повѣсти» 2 части 1797 — 1798 г., 2-е изд. 1822 г.), да и самъ «Московскій журналъ» чрезъ десять лѣтъ послѣ своего изданія перепечатанъ былъ вновь (1801 — 1803). — Въ 1794 году издалъ Карамзинъ альманахъ, или литературный сборникъ, подъ названіемъ «Аглая»,

состоявшій изъ его стихотвореній и большой въ стихахъ сказки «Илья Муромецъ», написанной въ подражаніе размѣру старинныхъ русскихъ сказокъ, а также статей въ прозѣ, какъ-то : «Островъ Борнгольмъ», — истинный разсказъ изъ путевыхъ впечатлѣній при возвращеніи изъ Лондона въ Кронштадтъ на кораблѣ «Британія» [1]), продолженіе «Писемъ русскаго путешественника», «Цвѣтникъ на гробѣ моего Агатона» — трогательныя воспоминанія о другѣ Карамзина Петровѣ, «Аѳинская жизнь» — легкій литературный очеркъ, написанный подъ вліяніемъ «Анахарсиса» Бартельми, «Мелодоръ къ Филалету» и «Филалетъ къ Мелодору», «Нѣчто о наукахъ, искуствахъ и просвѣщеніи» — опроверженіе извѣстнаго разсужденія Руссо : «Discours sur la question, proposée par l'academie de Dijon, si l'etablissement des sciences et des arts a contribué à epurer les mœurs» — написанное (какъ говоритъ самъ Карамзинъ въ примѣчаніи) по поводу нечаянно попавшейся ему въ руки «пьесы одного неизвѣстнаго нѣмецкаго автора, въ которой бѣдныя науки страдаютъ ужаснымъ образомъ», которая заставила Карамзина прочесть со вниманіемъ трактатъ Руссо [2]) : «Аглая» была издана вторично въ 1796 году, а «Письма русскаго путешественника» напечатаны от-

---

[1]) Въ этомъ то разсказѣ есть извѣстная нѣкогда пѣсня :

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви

[2]) См. Смирдинское изданіе сочиненій Карамзина, т. III, стр. 371.

дѣльно вполнѣ въ 1797—1801 г. въ 6 частяхъ. — За тѣмъ, при содѣйствіи Державина и Дмитріева, Карамзинъ издалъ собраніе стихотвореній, которое онъ назвалъ «Аониды» (1796 — 1799 г. 3 части). Въ это же время (1796—1799) Карамзинъ напечаталъ отдѣльными брошюрами повѣсть «Юлія» — сюжетъ которой взятъ изъ современной свѣтской жизни, и «Разговоръ о счастіи» — въ которомъ изъ разговаривающихъ лицъ Филалета и Мелодора онъ въ лицѣ перваго выразилъ собственный образъ мыслей. — Но Карамзинъ не оставлялъ и переводовъ и въ 1798 году издалъ въ 3 частяхъ «Пантеонъ иностранной словесности» — богатую, разнообразную, интересную библіотеку современной иностранной словесности по разнымъ отраслямъ наукъ и словесности, долго имѣвшую обширнѣйшій кругъ читателей. (вторично изданъ въ 1818 году). Въ 1801 году Карамзинъ, вмѣстѣ съ Бекетовымъ, предприняли издавать «Пантеонъ россійскихъ авторовъ» : Карамзинъ писалъ текстъ, Бекетовъ приготовлялъ портреты; но изданіе это остановилось на первой книжкѣ.

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Карамзинъ высказался вполнѣ — какъ человѣкъ и литераторъ! — Къ сочиненіямъ, въ которыхъ преимущественно выразилась задушевная философія Карамзина, должны быть отнесены, изъ стихотвореній : «Опытная Соломонова мудрость» и «Посланіе къ Дмитріеву», «Весеннее чувство», «Надежда», «На смерть кн. Хованскаго», «Къ бѣдному поэту», «Посланіе къ Плещееву», «Къ

самому себѣ», «Посланіе къ женщинамъ», «Къ невѣрной», «Къ вѣрной», «Дарованія», «Протей», «Гимнъ глупцамъ», «Къ добродѣтели», «Стихи на скоропостижную смерть Пельскаго»; изъ прозаическихъ статей: «Цвѣтокъ на гробѣ моего Агатона», «Мелодоръ къ Филалету», «Филалетъ къ Мелодору», «Разговоръ о счастіи», «Чувствительный и холодный», (хотя эта пьеса напечатана и позже въ «Вѣстникѣ Европы».) — Вотъ нѣсколько отрывковъ, въ которыхъ обнаружился взглядъ Карамзина на жизнь, — его, такъ сказать, сердечныя убѣжденія.

По грозной влагѣ океана
Мы всѣ плывемъ на кораблѣ
Во мракѣ бури и тумана:
Плывемъ, спѣшимъ пристать къ землѣ —
Но вѣтръ ярится съ новой силой,
И море... служитъ намъ могилой.

Умы людей ослѣплены.
Что предковъ нашихъ обольщало,
Тѣмъ самымъ мы обольщены;
Ученье ихъ для насъ пропало:
И наше также пропадетъ —
Потомковъ таже участь ждетъ.

Ничто не ново подъ луною:
Что есть, то было, будетъ ввѣкъ.
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ.
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости, порока

.....

Какъ жизнь для смертнаго мятежна!
И мы еще желаемъ жить!

Какъ власть и слава ненадежна!
И мы хотимъ мечтамъ служить,
Любить, чего любить не должно —
Искать, чего найти не можно!

.....

Что насъ за гробомъ ждетъ, не знаетъ и мудрецъ.
Могила, тлѣнье всему ли есть конецъ?
Угаснетъ ли душа съ разрушеннымъ покровомъ,
На небо ль воспаривъ, жить будетъ въ тѣлѣ новомъ?

Сей тайны изъ людей никто не разрѣшилъ.
И червя произвелъ Творецъ непостижимый;
Животныя и мы Его рукой хранимы;
Имъ такъ же, какъ и намъ, Онъ чувство сообщилъ.

Подобно намъ, они родятся, умираютъ:
Гдѣ будетъ ихъ душа? гдѣ будетъ и твоя,
О бренный человѣкъ? Въ нихъ чувства исчезаютъ,
Исчезнутъ и во мнѣ: увы! чтожъ буду я?

....

Такъ все проходитъ здѣсь — и скоро гласъ пріятный
Умолкнетъ навсегда для слуха моего;
Свирѣли, звуки арфъ ему не будутъ внятны;
Застынетъ въ жилахъ кровь отъ хлада своего.

Исчезнутъ для меня всѣ прелести земныя;
Ливанское вино престанетъ вкусу льстить;
Преклонится отъ лѣтъ слабѣющая выя,
И томною ногой я долженъ въ гробъ ступить.

Подруги нѣжныя, которыхъ ласки были
Блаженствомъ дней моихъ! простите навсегда!
Уже судьбы меня съ любовью разлучили;
Весна не расцвѣтетъ для старца никогда.

А ты, о юноша прелестный!
Спѣши цвѣты весною рвать,
И время жизни, даръ небесный,

Умѣй въ забавахъ провождать;
Забава есть твоя стихія :
Улыбка краситъ дни младыя.

За чашей свѣтлаго вина
Бесѣдуй съ умными мужами;
Когда же тихая луна
Явится на небѣ съ звѣздами,
Спѣши къ возлюбленной своей —
Забудь... на время мудрость съ ней.

Люби!... но будь во всемъ умѣренъ;
Полъ нѣжный часто намъ не вѣренъ;
Любя, умѣй и разлюбить.
Привычки, склонности и страсти
У мудрыхъ должны быть во власти :
Не мудрымъ цѣпи ихъ носить.

Не будь ни въ чемъ излишне строгъ;
Щади безумцевъ горделивыхъ,
Щади невѣждъ самолюбивыхъ;
Безъ гнѣва обличай порокъ :
Добро всегда собой прекрасно,
А зло и гнусно и ужасно.

Прощая слабости другимъ,
Ты будешь слабыми любимъ :
Любовь же есть святой учитель.
И кто не падалъ иногда?
Мудрецъ, народовъ просвѣтитель,
Бывалъ ли мудръ и твердъ всегда?

Въ какихъ странахъ благословенныхъ
Сіяетъ вѣчно солнца лучь,
И гдѣ не видимъ бурныхъ тучь,
Огнями молній воспаленныхъ?
Ахъ! самый лучшій изъ людей
Бывалъ игралищемъ страстей.

Не только для благихъ, будь добръ и для коварныхъ,
Подобно какъ Творецъ на всѣхъ дары лiетъ.
Прекрасно другомъ быть сердецъ неблагодарныхъ!
Награды никогда великiй мужъ не ждетъ

Награда для него есть совѣсть, духъ покойный
(Безумiе и злость всегда враги уму:
Вниманiя его ихъ стрѣлы не достойны,
Онъ ими не язвимъ: премудрость щитъ ему).

Сiютъ передъ нимъ безсмертiя свѣтилы;
Божественный огонь блеститъ въ его очахъ.
Ему не страшенъ видъ отверстыя могилы:
Онъ тѣломъ на землѣ, но сердцемъ въ небесахъ.

(«Опытная Соломонова мудрость, или мысли выбранныя изъ экклезiаста»).

И я, о другъ мой! наслаждался
Своею красною весной;
И я мечтами обольщался —
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ братiй и друзей;
Желалъ добра имъ всей душею;
Готовъ былъ кровiю моею
Пожертвовать для счастья ихъ,
И въ самыхъ горестяхъ своихъ
Надеждой сладкой веселился
Не безполезно жить для нихъ —
Мой духъ сей мыслiю гордился!
Источникъ радостей и благъ
Открыть въ чувствительныхъ душахъ;
Плѣнить ихъ истиной святою.
Ея нетлѣнной красотою:
Орудiемъ небеснымъ быть
И въ памяти потомства жить,
Казалось мнѣ всего славнѣе,
Всего прекраснѣе, милѣе!
Я жребiй свой благословлялъ,
Любуясь прелестью награды —

И тихій свѣтъ моей лампады
Съ звѣздою утра угасалъ.
Златое, дневное свѣтило
Примѣромъ, образцемъ мнѣ было...
Почто, почто, мой другъ, не вѣкъ
Обманомъ щастливъ человѣкъ?

Но время, опытъ разрушаютъ
Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
Красы волшебства исчезаютъ...
Теперь иной я вижу свѣтъ.

....

Но что же намъ, о другъ любезный!
Остаюсь дѣлать въ жизни сей,
Когда не можемъ быть полезны,
Не можемъ премѣнять людей?
Оплакать бѣдныхъ смертныхъ долю,
И мрачный свѣтъ предать на волю
Судьбы и рока: пусть они,
Симъ міромъ правя искони,
И впредь творятъ, что имъ угодно!
А мы, любя дышать свободно,
Себѣ построимъ тихій кровъ,
За мрачной тѣнію лѣсовъ,
Куда бы злые и невѣжды
Во вѣкъ дороги не нашли,
И тамъ бъ, безъ страха и надежды,
Мы въ мирѣ жить съ собой могли,
Глушаться издали порокомъ,
И яснымъ, терпѣливымъ окомъ
Взирать на тучи, вихрь суетъ,
Отъ грома, бури укрываясь,
И въ чистомъ сердцѣ наслаждаясь
Мерцаніемъ вечернихъ лѣтъ,
Остаткомъ теплыхъ дней осеннихъ.

.....

Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!
Искать блаженства намъ не должно,
Но должно — менѣе страдать;
И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнымъ, другомъ чтимымъ,
Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ.

Пусть громы небо потрясаютъ,
Злодѣи слабыхъ угнетаютъ,
Безумцы хвалятъ разумъ свой!
Мой другъ! не мы тому виной.
Мы слабыхъ здѣсь не угнетали,
И всѣмъ ума, добра желали:
У насъ не черныя сердца!
И такъ безъ трепета и страха
Намъ можно ожидать конца
И лечь во гробъ, жилище праха.
Завѣса вѣчности страшна
Убійцамъ, кровью обагреннымъ,
Слезами бѣдныхъ орошеннымъ,
Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣчаетъ
Златую Фебову стрѣлу
И ангелъ мира освѣщаетъ
Предъ нимъ густую смерти мглу.
Тамъ — тамъ — за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
Онъ зритъ... но мы еще не зримъ.
(«Посланіе къ Дмитріеву»).

Каковъ ни есть подлунный свѣтъ;
Хотя блаженства въ немъ нѣтъ;
Хотя въ немъ горесть обитаетъ:
Но мы для свѣта рождены,
Душей, умомъ одарены,
И должны въ немъ, мой другъ, остаться.
Чѣмъ можно, будемъ наслаждаться,

Какъ можно менѣе тужить,
Какъ можно лучше, тише жить,
Безъ всякихъ суетныхъ желаній,
Пустыхъ, блестящихъ ожиданій;
Но что пріятное найдемъ,
То съ радостью себѣ возьмемъ.
Въ лѣсахъ унылыхъ и дремучихъ
Бываетъ краше анемонъ,
Когда украдкой выдетъ онъ
Одинъ среди песковъ сыпучихъ;
Во тьмѣ густой, въ печальной мглѣ
Сверкнетъ лучь солнца веселѣе: —
Добра не много на землѣ,
Но есть оно — и тѣмъ милѣе
Ему быть должно для сердецъ.
Кто малымъ можетъ быть доволенъ,
Не скованъ въ чувствахъ, духомъ воленъ,
Не есть чиновъ, богатства льстецъ,
Душею такъ же прямъ, какъ станомъ,
Не ищетъ благъ за океаномъ
И съ моря кораблей не ждетъ,
Шумящихъ вѣтровъ не робѣетъ,
Подъ солнцемъ домикъ свой имѣетъ,
Въ сей день для дня сего живетъ
И мысли въ даль не простираетъ;
Кто смотритъ прямо всѣмъ въ глаза;
Кому несчастнаго слеза
Отравы въ пищу не вливаетъ;
Кому работа не трудна,
Прогулка въ полѣ не скучна;
И отдыхъ въ знойный часъ любезенъ;
Кто ближнимъ иногда полезенъ
Рукой своей или умомъ;
Кто можетъ быть пріятнымъ другомъ,
Любимымъ, счастливымъ супругомъ
И добрымъ милыхъ чадъ отцомъ;
Кто музъ отъ скуки призываетъ
И нѣжныхъ грацій, спутникъ ихъ;
Стихами, прозой забавляетъ
Себя, домашнихъ и чужихъ!
Отъ сердца чистаго смѣется

(Смѣяться, право, не грѣшно!
Надъ всѣмъ, что кажется смѣшно):
Тотъ въ мирѣ съ міромъ уживется
И дней своихъ не прекратитъ
Желѣзомъ острымъ или ядомъ;
Тому сей міръ не будетъ адомъ;
Тотъ путь свой розой оцвѣтитъ
Среди колючихъ жизни терній,
Отраду въ горестяхъ найдетъ,
Съ улыбкой встрѣтитъ часъ вечерній,
И въ полночь тихимъ сномъ заснетъ.

(«Посланіе къ Александру Алексѣевичу Плещееву»).

— — —

Мысли твои о вѣчномъ возвышеніи и паденіи разума человѣческаго кажутся мнѣ — извини искренность дружбы — воздушнымъ замкомъ; я не вижу ихъ основанія. Положимъ, что въ древней Азіи были многочисленные народы; но гдѣ же слѣды ихъ просвѣщенія? Исторія застала людей во младенчествѣ, въ начальной простотѣ, которая не совмѣстна съ великими успѣхами наукъ. Даже въ Египтѣ видимъ мы только первыя дѣйствія ума, первые магазины знаній, въ которыхъ истины были перемѣшаны съ безчисленными заблужденіями. Самые Греки — я люблю ихъ, мой другъ; но они были не что иное, какъ — милыя дѣти! Мы удивляемся ихъ разуму, ихъ чувству, ихъ талантамъ; но такъ, какъ взрослый человѣкъ удивляется иногда разуму, чувству и талантамъ юнаго отрока. Читай вмѣстѣ Платона и Боннета, Аристотеля и Локка — я не говорю о Кантѣ — и потомъ скажи мнѣ, что была греческая философія въ сравненіи съ нашею?

Для чего и теперь не думать намъ, что вѣки служатъ разуму лѣствицею, по которой возвышается онъ къ своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно?

Ты указываешь мнѣ на варварство среднихъ вѣковъ, наступившее послѣ греческаго и римскаго просвѣщенія; но самое сіе, такъ называемое варварство (въ которомъ, однакожъ, отъ времени до времени, сверкали блестящія, зрѣлыя идеи ума) не послужило ли *въ цѣломъ* къ дальнѣйшему распространенію свѣта наукъ? Солнце, разсѣявъ облака, сіяетъ тѣмъ лучезарнѣе, и тѣмъ благотворнѣе дѣйствуетъ на землю. Дикіе народы сѣвера, которые въ грозномъ своемъ нашествіи гасили, подобно шумному дыханію Борея, свѣтильники разума въ

Европѣ, наконецъ сами просвѣтились, и новый ѳиміамъ воскурился музамъ на земномъ шарѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! Сизифъ съ камнемъ не можетъ быть образомъ человѣчества, которое безпрестанно идетъ своимъ путемъ, и безпрестанно измѣняется Прокладимъ, успокоимъ наше воображеніе, и мы не найдемъ въ исторіи никакихъ повтореній. Всякій вѣкъ имѣетъ свой особливый нравственный характеръ, — погружается въ нѣдра вѣчности, и никогда уже не является на землѣ въ другой разъ.

Мой другъ! мы должны смотрѣть на міръ какъ на великое позорище, гдѣ добро со зломъ, гдѣ истина съ заблужденіемъ ведетъ кровавую брань. Терпѣніе и надежда! Все неправедное, все ложное гибнетъ, рано или поздно гибнетъ: одна истина не страшится времени; одна истина пребываетъ во вѣки!

(«Филалетъ къ Мелодору»)

Провидѣніе и натура въ общемъ раздѣлѣ истинныхъ удовольствій никого не отдѣляютъ Знать ихъ цѣну, есть искуство и вѣнецъ науки жить! Не все то легко. что кажется просто, и часто всего менѣе умѣемъ мы употреблять тѣ вещи, которые у насъ изъ рукъ не выходятъ. Такъ любопытной, безпокойной человѣкъ оставляетъ тихой, родительской кровъ, свое отечество — странствуетъ по чужимъ землямъ, переплываетъ бурные океаны, чтобы наконецъ очутиться опять на милой своей родинѣ, и сказать счастливъ, счастливъ тотъ, кто умираетъ, гдѣ родится.

Sans changer de toit, ni d'amour!

Натура и сердце — вотъ гдѣ надобно искать истинныхъ пріятностей, истиннаго возможнаго благополучія, которое должно быть общимъ добромъ человѣчества, не собственностію нѣкоторыхъ избранныхъ людей: иначе мы имѣли бы право обвинять небо пристрастіемъ. Не всѣмъ можно завоевать Индію; не всѣмъ можно властвовать надъ людьми; не всякой можетъ блистать въ свѣтѣ и кружить головы модным красавицамъ; не для всякаго работаютъ въ золотыхъ минахъ и плывутъ корабли изъ Бразиліи: слѣдственно не въ лаврахъ Александра, не въ миртахъ Альцибіада, не въ сокровищахъ Крезовыхъ заключило небо возможное счастіе для смертныхъ. Но для всякаго природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ

своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ материнскою нѣжностію питаетъ она птенцовъ и человѣка; всякой можетъ имѣть свѣтлую хижину, доброе имя, покойную совѣсть; всякой можетъ любить, любить своихъ родныхъ, семейство, друзей — вотъ истинное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей; которое царю и земледѣльцу даетъ чувствовать, что они братья, дѣти одного Отца, рожденные съ одинакими сердцами, съ одинакими способностями для наслажденія!

Истинный философъ или (что все одно) истинно-благоразумный человѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою; ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ, что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно остается въ своемъ, не завидуя никому; знаетъ, что Тиберій въ Капреѣ, обладая сокровищами цѣлаго свѣта, былъ несчастливѣе Камчадала; знаетъ, что будущее не вѣрно, и для того располагаетъ только настоящимъ.

Чернить нравственный міръ, изливать на людей желчь ненависти, многіе почитаютъ философіею; но сохрани насъ Богъ отъ язвы, голода и такой философіи! Люди дѣлаютъ много зла — безъ сомнѣнія — но злодѣевъ мало; заблужденіе сердца, безразсудность, недостатокъ въ просвѣщеніи, виною дурныхъ дѣлъ. Предложи человѣку быть счастливымъ и добрымъ, или быть счастливымъ и злымъ: кто не изберетъ перваго? Слѣдственно добро само по себѣ любезно всѣмъ сердцамъ. Люди дѣлаютъ зло, надѣясь имѣть черезъ то нѣкоторыя выгоды въ жизни; но премудрый Творецъ соединилъ съ нимъ внутреннее неудовольствіе, стыдъ, страхъ, которыя вмѣшиваютъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія

Вотъ мое заключеніе, вся моя система въ короткихъ словахъ: «Возможное земное счастіе состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склон«ностей, покорныхъ разсудку — въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на «природу — въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ «силъ. Безпрестанное наслажденіе также невозможно, какъ безпре-

«станное движеніе; машину надобно заводить для хода, а работа «заводитъ душу для чувства новыхъ удовольствій. Быть счастливымъ, «есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; «а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то *быть «счастливымъ есть... быть добрымъ*».

(«Разговоръ о счастіи»).

Эта сущность образа мыслей Карамзина, разсматриваемаго въ отношеніи личности автора, представляя ее въ самомъ свѣтломъ видѣ, въ отношеніи же вліянія на читателей имѣетъ еще высшее значеніе: ибо съ одной стороны это естественное, живое изложеніе, столь противоположное предшествовавшему искуственному, а потому мертвому, создало гораздо обширнѣйшій и разнообразнѣйшій кругъ читателей, съ другой стороны это прекрасное человѣчественное направленіе воспитывало новую читающую публику въ самой благотворной симпатіи ко всему истинному, благому и прекрасному. — Вотъ гдѣ Карамзинъ является не только преобразователемъ языка (какъ почитаютъ нѣкоторые), но и преобразователемъ словесности, которую онъ соединилъ съ жизнію — не внѣшнею только, но жизнію внутреннею, жизнію духа, которою и одухотворилъ онъ словесность. — На возраженіе о легкости этого направленія философіи Карамзина, можно отвѣчать положительно, что эта-то легкость служила средствомъ къ успѣху: въ противномъ же случаѣ исключительная выспренность понятій осталась бы предметомъ вниманія небольшаго избраннаго круга посвященныхъ въ высшія таинства науки и искуства, для

массы же читающей публики осталась бы безъ послѣдствій.

Что же касается до литературнаго profession de foi Карамзина, способствовавшаго къ преобразованію господствовавшей теоріи словесности и языка, то оно, будучи разсѣяно въ разныхъ мѣстахъ «Писемъ русскаго путешественника», обнаружилось исключительно въ критическихъ статьяхъ «Московскаго Журнала», а также сюда могутъ быть отнесены «Пантеонъ россійскихъ авторовъ» и, хотя принадлежащая гораздо позднѣйшему времени, «Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи россійской академіи». — По принятому въ этомъ изложеніи правилу, представляются здѣсь нѣсколько отрывковъ, заключающихъ въ себѣ мнѣнія Карамзина о французской трагедіи и французской комедіи, о Шекспирѣ, о естественности въ искуствѣ, о подражательности и самостоятельности въ отечественной словесности...

Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) нѣмцовъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкой, нѣжной вкусъ, и *въ искуствѣ писать* могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго *чувства натуры* — простите мнѣ священные тѣни Корнелей, Расинова и Вольтеровъ! — должны они уступить преимущество англичанамъ и нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ mes feux, ma foi; вездѣ Греки и Римляне à la française, которые таютъ въ любовныхъ

восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir, они прославляютъ пѣсу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностью приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными *положеніями* (situations) и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою.

Талія британская и Талія Германіи должны уступить преимущество французской. Англійскія комедіи по большей части или скучны, или грубы, неблагопристойны, оскорбительны для всякаго нѣжнаго вкуса; а нѣмецкія, кромѣ нѣкоторыхъ посредственныхъ, совсѣмъ не достойны вниманія.

(«Письма русскаго путешественника». Парижъ).

Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ — я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: *какой смѣшной! какой чудакъ!*

Всякой авторъ ознаменованъ печатью своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самой великой геній *не можетъ взять мѣры своихъ*. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровеніе* человѣческаго сердца и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не

знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса!

(«Письма русскаго путешественника». Лондонъ)

— Здѣсь необходимо замѣтить, что Карамзинъ, еще до поѣздки заграницу, перевелъ «Эмилію Галоти» Лессинга и «Юлія Цезаря» Шекспира: такъ Карамзинъ дѣйствовалъ сознательно, въ слѣдствіе непосредственнаго убѣжденія!

Драма должна быть вѣрнымъ представленіемъ *общежитія*; надобно, чтобы въ ней люди не только поступали, но и назывались такъ же, какъ они въ *общежитіи* называются; но называются ли у насъ мужчины *Злонетами*, *Буремыслами*, *Милоумами*, а женщины *Извѣдами*, *Премилами* и проч.? Одно такое имя напоминаетъ зрителю, что онъ въ театрѣ, и что все видѣнное имъ есть небылица; а надобно, чтобы онъ забывался. Сперва, можетъ быть, иному смѣшно бы показалось, когда бы театральные герои стали другъ друга называть по именамъ и по отечествамъ; но наконецъ мы бы къ этому привыкли.

(Московскій журналъ, въ разборѣ комедіи «Оптимистъ»).

———

Переводъ достоинъ похвалы, только жаль, что г. переводчикъ употребляетъ *сей* и *оный*, что на театрѣ бываетъ всегда противно слуху. Употребляемъ ли мы *сіи* слова въ разговорахъ? Если нѣтъ, то и въ комедіи, которая есть представленіе общежитія, употреблять ихъ не должно[1]). Чѣмъ слогъ театральной пьесы простѣе, тѣмъ лучше.

(Московскій журналъ, въ разборѣ комедіи «Графъ Ольсбахъ»)

— Теперь все это для насъ очень обыкновенно;

[1]) Вспомните забавную войну изъ-за этихъ мѣстоименій десять лѣтъ назадъ тому

а какою должны были казаться новостью эти слова Карамзина, при тогдашнихъ понятіяхъ о выраженіи, языкѣ и литературныхъ приличіяхъ!

Пусть смѣлые приговоры нѣкоторыхъ критиковъ осуждаютъ нашу словесность на подражаніе, утверждая, что она не имѣетъ въ себѣ ничего самороднаго, особеннаго: можемъ согласиться съ ними, не охлаждая ревности нашихъ писателей, или не согласиться, доказавъ неосновательность сего приговора. Петръ Великій, могущею рукою своею преобразивъ отечество, сдѣлалъ насъ подобными другимъ европейцамъ. Жалобы безполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ россіянъ прервалася навѣки. Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса; участвуемъ въ повсемѣстномъ, взаимномъ сближеніи народовъ, которое есть слѣдствіе самаго ихъ просвѣщенія. Красоты *особенныя*, составляющія характеръ словесности *народной*, уступаютъ красотамъ общимъ: первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для россіянъ: еще лучше писать для всѣхъ людей. Если намъ оскорбительно итти позади другихъ, то можемъ итти рядомъ съ другими къ цѣли всемірной для человѣчества, путемъ своего вѣка, не Мономахова, и даже не Гомерова: ибо потомство не будетъ искать въ нашихъ твореніяхъ ни красотъ *Слова о полку Игоревѣ*, ни красотъ Одиссеи, но только свойственныхъ нынѣшнему образованію человѣческихъ способностей. Тамъ нѣтъ *бездушнаго подражанія*, гдѣ говоритъ умъ и сердце, хотя и *общимъ* языкомъ времени, тамъ есть *особенность личная*, или характеръ, всегда новый, подобно какъ всякое твореніе физической природы входитъ въ классъ, въ статью, въ семейство ему подобныхъ, но имѣетъ свое частное значеніе. Съ другой стороны, Великій Петръ, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго русскаго: для того ли, что не хотѣлъ, или для того, что не могъ: ибо и власть самодержцевъ имѣетъ предѣлы. Сіи остатки, дѣйствіе ли природы, климата, естественныхъ или гражданскихъ обстоятельствъ, еще образуютъ народное свойство россіянъ, подобно какъ юноша еще сохраняетъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя черты его младенчества, въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ. Сходствуя съ другими европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ, что хотя и не можно иногда отличить россіянина отъ британца, но всегда отличимъ россіянъ отъ британцевъ: во *множествѣ* открывается

народное Сію истину отнесемъ и къ словесности : будучи зерцаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, незамѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ французовъ, имѣемъ и свой собственный : хвалимъ чего они не хвалятъ; могимъ, гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца русскаго, есть игра ума русскаго въ произведеніяхъ нашей словесности, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Молодые писатели нерѣдко подражаютъ у насъ иноземнымъ, ибо думаютъ, ложно или справедливо, что мы еще не имѣемъ великихъ образцовъ искуства : если бы сіи писатели не знали творцевъ чужеземныхъ чтобы сдѣлали? *подражали* бы своимъ; но и тогда *списки* ихъ остались бы *бездушными!* А кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, начавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной слабости, будетъ наконецъ *самъ собою* — оставитъ путеводителей, и свободный духъ его какъ орелъ дерновенный, уединенно воспарить въ горнихъ пространствахъ».

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи императорской россійской академіи 5-го декабря 1818 года)

— Мысли эти, высказанныя почти уже предъ концемъ литературнаго поприща Карамзина, выражаютъ вполнѣ правила, которыми руководствовался самъ Карамзинъ въ своей литературной дѣятельности — правила, оправданныя имъ самимъ, тогда уже историкомъ русскимъ, а потомъ Пушкинымъ — отъ подражательности обратившимся къ народности и самобытности. — Такой новый теоретическій взглядъ на словесность, при посредствѣ новаго языка, довершилъ литературную реформу Карамзина, ознаменовавшую начало втораго періода нашей словесности. Рѣшительный толчекъ былъ данъ и возвратиться назадъ нельзя уже было : ибо, сравнивая прошедшее съ настоящимъ, преимущество было не въ пользу перваго, а заманчивость оставалась неоспоримо на сторонѣ втораго...

Оттого Карамзинъ быстро увлекъ за собою и вниманіе публики и подражаніе литераторовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣтилъ противодѣйствіе въ отсталыхъ.

Съ начала новаго столѣтія начинается и новое направленіе литературной дѣятельности Карамзина — направленіе патріотическое и историческое. — Въ 1801 году въ одѣ «Е. И. В. Александру I, самодержцу всероссійскому на возшествіе на престолъ», Карамзинъ такъ привѣтствуетъ императора Александра, стяжавшаго титло Благословеннаго :

Какъ ангель Божій ты сіяешь
И благостью и красотой,
И съ первымъ словомъ обѣщаешь
Екатерининъ вѣкъ златой,
Дни счастія, веселья, славы,
Когда премудрые уставы
Внутри хранили нашъ покой,
А внѣ Россію прославляли;
Граждане мирно засыпали,
И гражданинъ же былъ герой. —

Когда монаршими устами
Вѣщала милость къ намъ одна,
И правила людей сердцами;
Когда и самая вина
Не рѣдко ею отпускалась,
И власть монаршая казалась
Намъ властію любви одной
Какое сердцу услажденье
Имѣть къ царямъ повиновенье
Изъ благодарности святой!

Се твой обѣтъ, о царь державный,
Сильнѣйшій изъ владыкъ земныхъ!
Ахъ! Россы вѣрностію славны,

И вѣнценосецъ святъ для нихъ.
Любимый и любви достойный,
На тронѣ отческомъ спокойный,
Бреги ты громы для враговъ,
Рази единое злодѣйство :
Россія есть твое семейство :
Среди насъ ты, среди сыновъ.

— Другую же оду «На торжественное коронованіе Е. И. В. Александра I, самодержца всероссійскаго» Карамзинъ заключаетъ этой строфой : —

Монархъ! въ послѣдній разъ предъ тономъ
Дерзнулъ я съ лирою предстать;
Мнѣ сердце было Аполлономъ :
Люблю хвалить, но не ласкать;
Хвалитъ, гласъ общій повторяя.
Другіе славные пѣвци
Отъ музъ примутъ въ даръ вѣнцы,
Тебя безъ лести прославляя :
Я въ храмъ исторіи иду,
И тамъ... дѣла твои найду[1])

— Въ слѣдующемъ 1802 году Карамзинъ создаетъ «Историческое похвальное слово Екатеринѣ II» — такъ кстати явившееся въ началѣ царствованія внука ея, торжественно возвѣстившаго своему народу, при вступленіи на престолъ, этотъ утѣшительный обѣтъ : «Я буду царствовать по сердцу и законамъ Екатерины Великой». — Въ 1803 г. императоръ Александръ

[1]) Но это не былъ еще послѣдній разъ въ 1806 году Карамзинъ напутствуетъ русскую армію въ походъ своей „Пѣснію воиновъ," а въ 1814 году привѣтствуетъ возвращеніе императора Александра изъ знаменитой войны за независимость Европы одою „Освобожденіе Европы и слава Александра "

назначилъ Карамзина исторіографомъ россійской имперіи : и онъ блистательно выполняетъ это назначеніе своей «Исторіей государства россійскаго», посвященною монарху.—Вспомните еще его «Записку о древней и новой Россіи», представленную Карамзинымъ императору Александру — прекрасный подвигъ возвышенной гражданственной доблести, достойно оцѣненный монархомъ, сочувствовавшимъ благороднымъ патріотическимъ побужденіямъ своего подданнаго. — Но прежде нежели Карамзинъ исключительно посвятилъ себя отечественной исторіи, онъ оканчиваетъ литературное свое поприще какъ журналистъ изданіемъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1802 — 1803) «Вѣстника Европы», въ которомъ, кромѣ обозрѣній современныхъ политическихъ событій, гдѣ Карамзинъ является прозорливымъ и краснорѣчивымъ публицистомъ [1]), помѣщались преимущественно историческія статьи : «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», «Историческія воспоминанія и замѣчанія, на пути къ Тройцѣ», «Русская старина», «О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которыя могутъ быть предметомъ художествъ», «О тайной кацеляріи», «Марфа посадница» — историческая повѣсть; изъ статей чисто-литературныхъ, кромѣ характеристическаго очерка подъ названіемъ «Чувствительный и

---

[1]) См „Статьи политическія изъ Вѣстника Европы“ въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Карамзина, т I, стр 525

хладнокровный» (о которомъ было упомянуто выше) были напечатаны въ Вѣстникѣ Европы: «Моя исповѣдь» и «Рыцарь нашего времени» — заключающій въ себѣ авто-біографическіе намеки; изъ статей критическихъ помѣщены были только двѣ, касающіяся филологическаго изслѣдованія русскаго языка «Великій мужъ русской грамматики» — въ остроумной формѣ разборъ вышедшей тогда академической грамматики, и «О русской грамматикѣ француза Модрю»: сюда же могутъ быть отнесены «Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ» и «О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи» — два любопытныя матеріала для нашей литературной исторіи.

Обращаясь къ «Похвальному слову Екатеринѣ II» мы видимъ, во первыхъ, что Карамзинъ, подобно Ломоносову, взиралъ на царствованіе ея какъ на довершеніе царствованія Петра I; вотъ слова въ началѣ панегирика, которыми Карамзинъ, какъ русскій, выражаетъ эту завѣтную нашу національную мысль: —

О слава Россіи! подъ небесами любезнаго отечества, на его тронѣ, въ его вѣнцѣ и порфирѣ сіяли Петръ и Екатерина. Они, были *наши* — и любовь Всевышняго запечатлѣла ихъ своею печатью! *Они* другъ другу, на величественномъ театрѣ ихъ дѣйствій, подаютъ руку!... Такъ Екатерина явилась на престолѣ оживить, возвеличить твореніе Петра; въ ея рукѣ снова разцвѣлъ иссохшій жезлъ безсмертнаго, и священная тѣнь его успокоилась въ поляхъ вѣчности: ибо безъ всякаго суевѣрія можемъ думать, что великая душа и по разлукѣ съ міромъ занимается судьбою дѣлъ своихъ. Екатерина Вторая въ силѣ творческаго духа и въ дѣятельной мудрости правленія была

непосредственною преемницею Великаго Петра; раздѣляющее ихъ пространство исчезаетъ въ исторіи. И два ума, два характера, столь между собою различные, составляютъ въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонію для счастія народа россійскаго! Чтобы *утвердить* славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго Петра, должна чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ его царствовать Екатерина; чтобы *предуготовить* славу кроткой, человѣколюбивой просвѣщенной Екатерины, долженствовалъ царствовать Петръ; такъ сильные порывы благодѣтельнаго вѣтра волнуютъ весеннюю атмосферу, чтобы разсѣять хладные остатки зимнихъ паровъ, и приготовить натуру къ теплоту вѣянію зефировъ!

— А вотъ общая характеристика царствованія Екатерины II, столь гармонирующая изображеніямъ Державина: —

Екатерина завоевательница стоитъ на ряду съ первыми героями вселенныя; міръ удивлялся блестящимъ успѣхамъ ея оружія — но Россія обожаетъ ея уставы, и воинская слава героини затмѣвается въ ней славою образовательницы государства. Мечь былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли быть основаніемъ ихъ гражданскаго счастія; и находя множество героевъ въ исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ разуму мудрость законодательную.

Нетерпѣливыя мысли мои спѣшатъ устремиться на многіе предметы, столь любезные уму и сердцу; но прежде означимъ главное и столь новое для Россіи благодѣяніе Екатерины, которое изъясняетъ всѣ другія, и которое всѣми другими изъясняется; означимъ, такъ сказать, священный корень нашего блаженства во дни ея — сію печать, сей духъ всѣхъ ея законовъ.

Она уважила въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, *созданнаго для счастія въ гражданской жизни*. Петръ Великій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей: Екатерина хотѣла обходиться съ нами какъ съ-людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единаго слѣпаго повиновенія, не даетъ отчета въ путяхъ своихъ — гремитъ, и смертные упадаютъ во прахъ ничтожества, не дерзая воззрѣть на всемогущество. Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царство-

ваніемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ россійскаго трона : ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Счастливые россіяне нашего вѣка! вы уже не помните строгихъ, опасныхъ временъ, когда страшно было наименовать вѣнценосца; но имя Екатерины, съ самаго ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали : «Монархиня! читай въ сердцахъ нашихъ»; «мы не боимся, ибо мы любимъ тебя!» Хотя и оставалась еще нѣкоторая тѣнь мрачнаго, тайнаго судилища; но подъ ея собственнымъ, мудрымъ надзираніемъ оно было забыто добрыми и спокойными гражданами[1]) Хотя Великая предоставила августѣйшему ея внуку безсмертную славу *искоренить* навѣки учрежденіе временъ несчастныхъ, ненужное въ то время, когда счастіе монарха и подданныхъ составляетъ единое, и когда любовь народная вооружена мечемъ правосудія для наказанія злыхъ умысловъ; но въ царствованіе Екатерины одни преступники, или явные враги ея, слѣдственно враги общаго благоденствія, страшились пустынь сибирскихъ; для однихъ изверговъ отверзался сей хладный гробъ живыхъ Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія, и не могли имѣть вредныхъ слѣдствій для государства : ибо она знала, что личная безопасность есть первое для человѣка благо, и что безъ нее жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ счастія и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпокойство. Сей кроткій духъ правленія, доказательство ея любви и самаго почтенія къ человѣчеству долженствовалъ быть и главнымъ характеромъ уставовъ ея.

— Наконецъ Карамзинъ, въ заключеніе своего панегирика, представляя въ прославляемой имъ монархинѣ царственный образецъ, обозначаетъ утѣшительное отношеніе ея царствованія къ царствованію ея внука Александра I :

О монархи міра! Екатерина и жизнію и смертію своею служила вамъ примѣромъ : такъ царствуйте, чтобы смертные обожали васъ! и видя, съ

[1]) См. Указъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи въ 1762 году, октября 19

какимъ умиленіемъ, съ какою трогательною любовію донынѣ говорятъ россіяне о Великой, будьте увѣрены, что народы чувствительны и благодарны противъ царей добродѣтельныхъ, и что память ваша, если вы заслужили любовь подданныхъ, пребудетъ вовѣкъ священною. И самаго недостойнаго государя хвалятъ, когда онъ держитъ въ рукѣ скипетръ: ибо его боятся, или гнусные льстецы хотятъ награды; но когда сей скипетръ изъ руки выпадетъ, когда монархъ платитъ дань общему року смертныхъ: тогда, тогда внимайте гласу истины, которая, повелѣвая умолкнуть страстямъ, надеждѣ и страху, опершись рукою на гробъ царя, произноситъ свое рѣшеніе: и вѣки повторяютъ его! Не въ чертогахъ царскихъ обнаруживается чувство народное; о всякомъ монархѣ кто нибудь изъ царедворцевъ искренно проливаетъ слезы; нѣтъ, оно явно только на стогнахъ града, въ тихомъ жилищѣ семействъ, отъ двора удаленныхъ, и въ хижинѣ мирнаго трудолюбія: естьли въ нихъ сердечная признательность не оплакиваетъ смертій государя, то онъ не царствовалъ для народнаго счастія!

Сограждане! Какимъ торжествомъ для добродѣтелей монархини и для вашей святой благодарности были первыя слова юныя самодержца, который, восходя на престолъ Россіи, и желая объявить волю свою царствовать мудро и добродѣтельно, сказалъ только: *Я буду царствовать по сердцу и законамъ* Екатерины *Великой!*... Великой! повторила вся Россія. — Симъ обѣтомъ онъ почтилъ и память ея, и вашу признательную къ ней любовь; вы разумѣли его — и утѣшились!

Предуготовивъ себя предварительными изслѣдованіями нашихъ древностей въ своихъ историческихъ статьяхъ, сдѣлавъ въ панегирикѣ Екатеринѣ счастливый опытъ краснорѣчиваго изложенія историческихъ судебъ Россіи, — Карамзинъ, въ благородномъ сознаніи своего историческаго призванія, смѣло и рѣшительно предлагаетъ, чрезъ посредство бывшаго наставника императора Александра I Муравьева, ввѣрить ему дѣло бытописанія отечественнаго въ своемъ письмѣ къ нему [1]), своимъ благороднымъ

[1]) См. Письма Карамзина, въ Спирд. изд. его сочиненій, т. III, стр. 680

тономъ напоминающемъ письма Ломоносова къ Шувалову :

Будучи весьма не богатъ, я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, *принужденною* работою пяти или шести лѣтъ, купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы — однимъ словомъ, сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою. Теперь слабые глаза не дозволяютъ мнѣ трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ *Вѣстника*. Могу и хочу писать исторію, которая не требуетъ поспѣшной и срочной работы; но еще не имѣю способа жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь 6000 руб. доходу. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе россійской публики и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ; то нельзя ли при случаѣ доложить императору о моемъ положеніи и ревностномъ желаніи написать исторію не варварскую и не постыдную для его царствованія? Во Франціи, богатой талантами, сдѣлали нѣкогда Мармонтеля *историографомъ* и давали ему пенсію, хотя онъ и не писалъ исторіи: у насъ въ Россіи, какъ вамъ извѣстно, не много истинныхъ авторовъ. Если галиматья, подъ именемъ *Корифея*, печатается на счетъ казны; если переводъ Анахарсиса удостоился вспоможенія отъ правительства: то для чего же, казалось бы, не поддержать автора, уже извѣстнаго въ Европѣ, трудолюбиваго и пылающаго ревностью ко славѣ отечества? Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лѣтъ: ибо въ это время надѣюсь управиться съ исторіею; и тогда я могъ бы отказаться отъ пенсіи: написанная исторія и публика не оставали бы меня въ нуждѣ. Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ дерптскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностью неблагопріятною для таланта.

— Чрезъ мѣсяцъ въ именномъ указѣ кабинету государя императора Александра I, 31 октября 1803 года, изображено :

«Какъ извѣстный писатель, московскаго университета почетный членъ, Николай Карамзинъ, изъявилъ Намъ желаніе посвятить труды свои сочиненію полной исторіи отечества нашего; то Мы, желая ободрить его въ толь похвальномъ предпріятіи, Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему, въ качествѣ историографа, по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пансіона, изъ кабинета Нашего».

— Чрезъ двадцать лѣтъ Карамзинъ представилъ императору Александру I восемь томовъ своей «Исторіи», которые, по изготовленіи печатаніемъ, вышли въ свѣтъ въ 1818 году. Предисловіе къ «Исторіи» Карамзинъ заключилъ этими драгоцѣнными строками, которыя отъ чистаго сердца повторяли милліоны русскихъ, читавшихъ ее на всемъ пространствѣ нашей необъятной Россіи :

Мы одно любимъ, одного желаемъ : любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія .. по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

— Въ 1821 году вышелъ девятый, а въ 1823 году напечатаны десятый и одиннадцатый томы «Исторіи» Карамзина... Но здоровье его, ослабленное трудами, истощалось... Между тѣмъ императора Александра I не стало. — Вотъ что писалъ Карамзинъ, по этому случаю, къ брату своему, въ январѣ 1826 года :

Александра любилъ я какъ человѣка, какъ искренняго, добраго, милаго пріятеля, если смѣю такъ сказать : Онъ самъ называлъ меня своимъ *искреннимъ* Его величіе и слава конечно давали этой связи еще особенную для меня прелесть. Не думалъ я пережить Его и

надѣяся оставить въ Немъ покровителя моимъ дѣтямъ. Да будетъ воля Божія! Привязанность моя къ Нему осталась безкорыстною. Новый достойный Государь Россіи не можетъ знать и цѣнить моихъ чувствъ, какъ зналъ и цѣнилъ ихъ Александръ.

— Но напрасны были опасенія Карамзина : чрезъ четыре мѣсяца нынѣ царствующій Государь Императоръ удостоилъ его слѣдующимъ рескриптомъ 13 мая 1826 года : —

«Николай Михайловичъ! Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество, и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъяснить вамъ Мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами, и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ Нему привязанность, и за Себя самаго, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ и своими трудами какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ : русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить Братъ Мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли Моей, которая, будучи съ Моей стороны одною только справедливостію, есть для Меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было вамъ полезно и чтобы оно возвратило вамъ силы, для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю вамъ всегда благосклонный».

«Николай».

— Высочайшимъ указомъ на имя министра финансовъ, назначено Карамзину, а по смерти его женѣ и дѣтямъ, — сынамъ до поступленія на службу, дочерямъ же до выхода въ замужество послѣдней, — пятьдесятъ тысячь рублей ежегодно. — Дрожащей отъ болѣзненной слабости рукою Карамзинъ выразилъ Монарху чувства своей признательности :

Всемилостивѣйшій Государь! Рескриптъ, которымъ Вы меня осчастливили третьяго дни, написанный столь прекрасно, съ такимъ благоволеніемъ, съ воспоминаніемъ въ немъ о незабвенномъ Александрѣ, съ хвалою смиренному историографу сверхъ его достоинства — омочилъ слезами блѣдное мое лице. Прочитавъ указъ къ министру финансовъ я не вѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе чрезмѣрно; никогда скромныя мои желанія такъ далеко не простирались. Изумленіе скоро обратилось однакожъ въ умиленіе живѣйшей благодарности: если самъ уже не буду пользоваться плодами такой царской, безпримѣрной у насъ щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства рѣшена наисчастливѣйшимъ образомъ. Дай Богъ, чтобы фамилія Карамзиныхъ, осыпанная милостями двухъ Монарховъ, заслужила имя вѣрной и ревностной къ Царскому Дому. О! какъ желаю выздоровѣть, чтобы скорѣе возвратиться въ Петербургъ, чтобы посвятить послѣдніе дни мои Вамъ, безцѣнный Государь, и любезному отечеству. Вчера не могъ я писать. И нынѣ голова моя слаба. Видомъ, говорятъ, я поправляюсь, но слабость не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, благодѣянія Ваши ко мнѣ такъ чрезвычайны, что я и здоровый не умѣлъ бы выразить вполнѣ моей признательности.

Повергаюсь и проч.

— Чрезъ десять дней не стало Карамзина[1]): послѣднее время жилъ онъ и умеръ въ таврическомъ дворцѣ — мѣстопребываніи нѣкогда Потемкина и Суворова; онъ погребенъ на невскомъ кладбищѣ, гдѣ покоится прахъ и Ломоносова. — Двѣнадцатый томъ «Исторіи государства россійскаго» изданъ уже въ 1829 году. Съ тѣхъ поръ «Исторія» Карамзина имѣла пять изданій (послѣднее Эйнерлинга, 1842 — 1843). Мимо ученаго значенія «Исторія государства россійскаго» — не принадлежащаго этому изложенію — она, своимъ вліяніемъ на огромную массу читателей

---

[1]) См. „Письмо Карамзина къ графу Каподистрія“ въ сочиненіяхъ Жуковскаго. Спб 1835, т. VII стр. 262

и своимъ изящнымъ языкомъ, достигшимъ, въ то время, высшей степени своего развитія, — довершаетъ литературное преобразованіе Карамзина, и въ этомъ отношеніи «Исторія государства россійскаго» принадлежитъ, не только исторіи русской литературы вообще, но и исторіи русской словесности въ частности.

Подробное обозрѣніе здѣсь сорокалѣтней литературной дѣятельности Карамзина представляетъ постепенный ходъ совершеннаго имъ преобразованія отечественной словесности, съ котораго начинается второй періодъ столѣтія нашей словесности отъ Ломоносова до Пушкина. Преобразованіе это было полное и всестороннее : ибо оно состояло въ преобразованіи и господствовавшихъ до того идей, и теоріи искуства — словесности, и конструкціи отечественнаго языка; мы видѣли какъ достигалъ этого и въ какой степени успѣлъ исполнить Карамзинъ. Слѣдующее изложеніе фактовъ Карамзинскаго періода покажетъ дальнѣйшее развитіе преобразованія, совершеннаго имъ въ нашей словесности, которымъ онъ стяжалъ безсмертную память въ исторіи нашего просвѣщенія вообще и почетнѣйшее мѣсто въ исторіи нашей словесности. —

ДМИТРІЕВЪ.

Другъ Карамзина *Дмитріевъ* былъ и сотрудникъ его въ дѣлѣ преобразованія, совершеннаго Карамзинымъ въ нашей словесности. — Дмитріевъ исключительно поэтъ : онъ писалъ *оды, посланія, пѣсни, элегіи, мадригалы, эпиграммы, эпитафіи, надписи, сатиры, сказки, басни.* Наибольшимъ успѣхомъ пользовались, изъ лирическихъ пьесъ его — «Гимнъ Богу», «Размышленіе по случаю грома», «Ермакъ», и «Освобожденная Москва»; изъ пѣсень «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ», «Стонетъ сизый голубочикъ»; изъ басень — «Дубъ и трость», «Пѣтухъ, котъ и мышонокъ», «Мышь, удалившаяся отъ свѣта», «Чижикъ и Зяблица», «Лиса проповѣдница», «Два голубя», «Калифъ», «Воспитаніе льва», «Смерть и умирающій», «Котъ, ласточка и кроликъ», «Жаворонокъ съ дѣтьми и земледѣлецъ», «Старикъ и трое молодыхъ», «Левъ и комаръ», «Искатели фортуны», «Царь и два пастуха»; сказки — «Модная жена», «Воздушныя замки», «Причудница»; да сатира «Чужой толкъ». Если стихотворнымъ языкомъ,— далеко изящнѣйшей отдѣлки относительно предшествовавшаго, — Дмитріевъ, подобно Карамзину въ прозѣ, способствовалъ обращенію нашего языка къ легкости, противоположной прежней тяжелой монотонности, то съ другой стороны пѣснями, подобными пѣснямъ Карамзина, онъ сообщилъ нашей поэзіи новый оттѣнокъ, этой, такъ сказать, сердечности, которая хотя иногда вдается, какъ

и повѣсти Карамзина, въ исключительную сантиментальность, за то сильнѣе дѣйствуетъ на чувство читателя, нежели прежнее резонерское направленіе, дѣйствовавшее лишь на умъ. — Не смотря на то, что пѣсня «Стонетъ сизый голубочикъ», прежде извлекавшая не притворныя слезы, теперь уже въ глазахъ нашихъ слишкомъ опрофанирована, нельзя, однакожъ, не согласиться, что теплое гуманическое чувство ея имѣетъ морально-эстетическую грацію, которая могла возбуждать сердечное сочувствіе : въ доказательство этого и, какъ примѣръ, разъ навсегда въ нашемъ изложеніи, она представляется здѣсь вниманію безпристрастныхъ читателей :

Стонетъ сизый голубочикъ,
Стонетъ онъ и день и ночь;
Миленькой его дружочикъ
Отлетѣлъ на долго прочь.

Онъ ужь болѣ не воркуетъ,
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ,
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее... увы! но тщетно
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ,
Носикъ въ перья завернулъ;

Ужь не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ — навѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла
Пріунывъ издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя.
Ходитъ милаго вокругъ —
Но... увы! прелестна Хлоя!...
Не проснется милый другъ!

— Какъ сильная реакція другаго направленія прежней поэзіи нашей, характеръ которой составляла лирическая торжественность, замѣчательна сатира Дмитріева «Чужой толкъ», въ которой онъ такъ остроумно издѣвается надъ прежними слагателями одъ :

Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужь прошло,
Какъ мы напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышемъ!

Неужъ-ли, продолжаетъ поэтъ, Фебъ указомъ своимъ учредилъ монополію для однихъ только Горацієвъ, Рамлеровъ?... Чего бы, кажется : и наши одопѣвцы трудятся не менѣе, а можетъ быть еще и болѣе? —

Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно ужь весь приложитъ разумъ свой!

Ужь прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, пная въ двѣсти строфъ!
Судитель, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ, я въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
Я бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ, иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то чего бъ не хитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: *зари багряны персты*,
И *райскій кринъ*, и *Фебъ* и *небеса отверсты!*
Такъ громко, высоко! а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ!

А вотъ и самый процессъ сочиненія одъ, заклеймившій ихъ навсегда такою рѣзкою печатью, что едва ли уже кому либо могла прійти охота подвести себя подъ категорію этого рода стихослагателей: —

И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ *вождя* Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: *ода!*
Потомъ, въ одинъ присѣтъ: *такого дня и года!*
«Тутъ какъ?... *Пою!*... Иль нѣтъ, ужь это старина!
«Не лучшель: *даждь мнѣ, Фебъ?*... Иль такъ: *не ты одна*
«*Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта?*
«Но что же мнѣ прибавить къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
«Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу,
«И воздухомъ себя открытымъ освѣжу». —
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:

«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
«Что хочешь; то мели! Вотъ штука, какъ хватить
«Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
«Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
«Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ —
«Не ловко что-то все — Да просто напишу:
«*Ликуй, Герой! ликуй! Герой ты!* возглашу.
«Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
Скажу: *кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?*
«*Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта*
«*И то, и то*... А тамъ?... Извѣстно: *многи лѣта!*
«Брависсимо! и планъ и мысли, все ужъ есть!
«Да здравствуетъ поэтъ! Осталося присѣсть,
«Да только написать, да и печатать смѣю»!
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.

— Третья черта, характеризующая поэзію Дмитріева, — которою онъ учавствовалъ въ литературномъ преобразованіи Карамзина, — это юмористическій взглядъ на жизнь, обнаруживающійся въ его сказкахъ и басняхъ, изъ которыхъ прочтемъ здѣсь одну — образецъ въ этомъ родѣ, которымъ онъ пріобрѣлъ преимущественное значеніе въ нашей литературѣ — какъ фабулистъ: —

КОТЪ, ЛАСТОЧКА И КРОЛИКЪ.

Случилось Кролику отъ дома отлучиться,
Иль лучше: онъ пошелъ Авророѣ поклониться
На тьминѣ, вспрыснутомъ росой.
Здоровъ, спокоенъ и на волѣ,
Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ,
Приходитъ кроличекъ домой,
И что же? — чуть его не подкосились ноги! —
Онъ видитъ: Ласточка разставливаетъ тамъ
Своимъ Пенатовъ по угламъ! —

Во снѣ ли я, иль нѣтъ? страннопріимны боги!
Изгнанникъ возопилъ
Изъ отческаго дома.
«Что надобно»? вопросъ хозяйки новой былъ. —
Чтобъ ты, сударыня, безъ грома
Сорьй отсюда вонъ! ей Кроликъ отвѣчалъ:
Пока я всѣхъ мышей на помощь не призвалъ.
«Мнѣ выдти вонъ? она вскричала: вотъ прекрасно!
Да что за право самовластно?
Кто далъ тебѣ его? и стоитъ ли войны
Нора, въ которую и самъ ползкомъ ты входишь?
Но пусть и царство будь, не всѣль мы здѣсь равны?
И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
Что Богъ, создавши свѣтъ, его размежевалъ?
Богъ создалъ Ласточку, тебя, и Дромадера,
А землемѣра
Отнюдь не создавалъ.
Ктожъ болѣ права далъ на эту десятину
Петрушкѣ Кролику, племяннику иль сыну
Филата, Фефела, чѣмъ Карпу, или мнѣ?
Пустое, братъ! земля всѣмъ служитъ на равнѣ;
Ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала;
Ты вышелъ, я пришла: моею норка стала».
Петръ Кроликъ приводилъ въ доводъ
Обычай, *давность* — ихъ закономъ,
Онъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ родъ
Безспорно этимъ домомъ,
Который Кроликомъ Софрономъ
Отказанъ, справленъ былъ за сына своего,
Ивана Кролика; по смерти же его
Достался, въ силу права,
Тожь сыну, именно мнѣ Кролику Петру;
Но если думаешь, что вру,
Такъ отдадимъ себя на судъ мы *Крысодава* —
А этотъ *Крысодавъ*, сказать безъ многихъ словъ,
Былъ постный, жирный Котъ, мужъ святъ изъ всѣхъ Котовъ,
Пустынникъ набожный средь свѣта,
И въ *казусныхъ* дѣлахъ оракулъ для совѣта.
«Съ охотой»! Ласточка сказала. — И потомъ
Пошли они къ Коту. Приходятъ, бьютъ челомъ,

И оба говорятъ : «Помилуй»! — Разсудите!... —
Поближе, дѣтушки, ихъ перервалъ судья :
Не слышу я,
Отъ старости сталъ глухъ; поближе подойдите! —
Они подвинулись, и вновь ему поклонъ,
А онъ
Вдругъ объ лапы врозь, царапъ того, другова,
И въ мигъ ихъ примирилъ,
Не вымолвя ни слова :
Задавилъ

— Здѣсь нарочно приведена эта, не только лучшая сама по себѣ, но и одна изъ весьма немногихъ басень Дмитріева, о которыхъ можно сказать : —

«Здѣсь русскій духъ, здѣсь Руссью пахнетъ»! Большая же часть басень Дмитріева — не болѣе какъ прекрасныя переводы изъ Лафонтена и Флоріана и далеко уступаютъ, въ отношеніи національной характеристики, не только баснямъ Крылова, но и баснямъ Хемницера; между тѣмъ какъ записные наши Аристархи того времени, благоговѣя предъ именитостью столько же литературною, сколько и чиновною Дмитріева[1]), не смѣли промолвиться лишнимъ словомъ о новомъ его парнаскомъ соперникѣ — Крыловѣ, о старомъ же — Хемницерѣ, тогда и помину небыло... Впрочемъ, здѣсь была еще другая причина : тогда не пришла еще пора *сознанія* нашей народности, счастливо мелкнувшей прежде того въ басняхъ Хемницера, проявленной же вполнѣ потомъ въ бас-

---

[1]) Въ послѣднее время своей государственной службы онъ былъ министромъ юстиціи.—

няхъ Крылова. Пора эта была еще впереди, и принадлежитъ Пушкинскому періоду, ознаменовавшемуся созданіемъ новой самобытной словесности и новаго самобытнаго языка, — тогда какъ періодъ Карамзинскій исключительно характеризуется лишь разрушеніемъ, нерѣдко даже *безсознательнымъ*, стараго направленія словесности и старой формы языка. И сюда собственно принадлежитъ Дмитріевъ.

МУРАВЬЕВЪ. ШИШКОВЪ.

Изъ числа писателей, дѣйствовавшихъ въ Карамзинскомъ періодѣ, были два лица — оба старѣе Карамзина лѣтами, оба получившіе обширное образованіе во второй половинѣ Ломоносовскаго періода, оба достигшіе высшихъ государственныхъ должностей, оба искренно любившіе отечественную словесность; но одинъ изъ нихъ, съ безпристрастнымъ сочувствіемъ къ наукѣ и къ искуству въ высшемъ ихъ развитіи, былъ покровителемъ Карамзина, и въ своихъ произведеніяхъ проявилъ характеристику направленія, данную имъ нашей словесности; другой, съ одностороннимъ взглядомъ на внѣшнюю форму литературнаго языка по рутинѣ преданія, былъ литературнымъ антагонистомъ Карамзина и сочиненіями своими старался противодѣйствовать духу преобразованія,

производившагося Карамзинымъ въ языкѣ и словесности: эти писатели были: *Муравьевъ* и *Шишковъ*.

Муравьевъ — воспитатель великихъ князей, впослѣдствіи императора Александра I и цесаревича Константина Павловичей, а потомъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія и попечитель московскаго университета, — началъ писать въ теченіи перваго десятилѣтія по смерти Ломоносова; сочиненія его, по кончинѣ его изданы (въ 1810 г.) [1]) обязаннымъ имъ Карамзинымъ, а Батюшковъ — воспитанникъ его, написалъ (въ 1814 г.) разборъ его сочиненій [2]). Сочиненія его состоятъ изъ небольшаго числа стихотвореній и статей въ прозѣ, большихъ и меньшихъ: «Обитатель предмѣстія», «Эмиліевы письма», «Тетрадь для сочиненій», «Оскольдъ» (повѣсть), «Разговоры мертвыхъ», «Опыты исторіи», «Эпохи россійской исторіи», «Письма къ молодому человѣку, о предметахъ касающихся исторіи и описанія Россіи», «Краткое начертаніе россійской исторіи», «Соединеніе удѣльныхъ княжествъ во единое государство», «Разсѣянныя черты изъ землеописанія Россіи», «Правоученіе», болѣе сорока мелкихъ статей, касающихся администраціи и правовѣденія, теоріи, критики и исторіи словесности, и наконецъ отдѣльныя «Мысли, замѣчанія и отрывки» изъ дневника автора. — Бо́льшая часть этихъ сочиненій писаны имъ для чтенія

---

[1]) Новѣйшее послѣднее изданіе Смирдинское. 1847 года

[2]) О сочиненіяхъ Батюшкова изд. 1831 года. стр. 96

державныхъ питомцевъ по званію наставника отечественнаго языка, исторіи и словесности. Изъ нихъ особенно замѣчательны : «Краткое начертаніе россійской исторіи», продолженіемъ которой служитъ сочиненіе подъ названіемъ «Соединеніе удѣльныхъ княжествъ во единое государство», оба же вмѣстѣ составляютъ вѣрный и краснорѣчивый очеркъ отечественной исторіи, оканчивающейся царствованіемъ Алексѣя Михайловича; также «Разсѣянныя черты изъ землеописанія россійскаго» — меткое, живописное изображеніе главнѣйшихъ подробностей разнообразной мѣстности нашего отечества, сочиненіе подобнаго которому нѣтъ въ нашей литературѣ. «Обитатель предмѣстія», особенно же «Эмиліевы письма» представляютъ также единственный въ своемъ родѣ образецъ чтенія для эстетическаго развитія ума и вкуса. Здѣсь, равно какъ и въ мелкихъ сочиненіяхъ Муравьева, выражается прекрасная личность его — какъ писателя, имѣющая основаніемъ : сочувствіе къ природѣ, въ разумномъ изученіи которой просвѣтляется и возвышается наше сознаніе, а въ искреннемъ ею наслажденіи развивается чистота душевныхъ помысловъ — какъ единственный залогъ нашего въ этомъ мірѣ счастія; занятіе науками и изящными искуствами, предохраняющее сердце отъ загрубѣнія; наконецъ, любовь къ отечеству — животворящій источникъ всего доблестнаго въ нашей общественной жизни... Таковы нѣсколько мыслей въ

сочиненіяхъ Муравьева, характеризующія ихъ направленіе : —

Наслажденія, которыя природа представляетъ каждому, требуютъ одного чувствованія. Какой угрюмый человѣкъ сохранитъ холодность свою между тѣмъ, какъ весна усыпаетъ стези его цвѣтами, чистое небо разверзается передъ глазами его, украшенное неописаннымъ сіяніемъ? Но и разумъ имѣетъ свою роскошь, одному ему свойственную. Перенестись существованіе свое изъ тѣсныхъ предѣловъ, которые его ограничиваютъ; летать по волѣ въ неизмѣримости небесъ, или надъ поверхностью морей; проникать взоромъ внутренность земли; вопрошать природу о причинахъ величественныхъ ея явленій, — таковы суть возвышенныя удовольствія испытателя природы. Душа его пріобрѣла себѣ, такъ сказать, новыя чувства, чтобъ наблюдать малѣйшія и сокровеннѣйшія дѣйствія природы. Простой человѣкъ идетъ безъ вниманія мимо зрѣлища природы. Тотъ, который болѣе знакомъ съ природою, вездѣ встрѣчаетъ новыя причины удивленія, всеобщую и непрерывную цѣпь вещей и неизреченную мудрость, которая ее составила, между тѣмъ какъ мрачное воображеніе невѣжды и суевѣра безпрестанно показываетъ ему разверстыя пропасти и природу, вооруженною на погибель его. Просвѣщенный разумъ, предводимый опытомъ, находитъ повсюду постоянный порядокъ, многоразличность и единообразіе, безпрестанное согласіе причинъ и дѣйствій, и природу всегда ту же, всегда прекрасну и величественну, непостижимую въ силахъ, живое напечатлѣніе благости Всевышняго Существа! Въ глазахъ его природа отлагаетъ всѣ свои страхи и сохраняетъ одно величество. Чертежъ вселенной распростирается до безконечности, и сограждане другихъ міровъ, наблюдатель, устремляется духомъ къ предѣламъ бытія, и нигдѣ не срѣтаетъ ничтожества. Тогда всѣ видимыя неправильности входятъ въ одинъ великій порядокъ, котораго мы не можемъ обозрѣть совершенно. Все стремится къ произведенію единаго общаго блага. Тогда престаютъ ужасать сіи явленія, на коихъ первое воззрѣніе колеблетъ мужество человѣка : споръ стихій, сіи молніи, раждающіяся при подошвѣ горъ, море, терзающее берега свои, странствующія кометы, которыя хвостомъ своимъ угрожаютъ государствамъ, затмѣнія солнца и луны, землетрясенія, возгорѣнія огнедышущихъ горъ : сіи ужасы природы, поражая страхомъ воображеніе народовъ, становятся привлекательными предметами любопытства для философа.

.....

«Но многоразличность предметовъ природы столь велика, что жизнь одного человѣка мала для окончанія сей картины. Недостаточныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о произведеніяхъ природы, могутъ однакожъ услаждать благородный и дѣятельный разумъ. Сія наука поставляетъ человѣка выше точки времени, которую онъ занимаетъ, и за край предѣловъ, коими ограничено дѣйствительное существованіе его. Прочія наслажденія имѣютъ возрастъ свой и обстоятельства и скуку, слѣдствіе всѣхъ забавъ нашихъ : зрѣлище природы дастъ отраду разуму, утомленному движеніемъ и шумомъ общества, и кажется еще ново и привлекательно для тѣхъ, для которыхъ искуства уже истощили свои очарованія.

(«Зрѣлище природы»).

«Верховное благо, за которымъ мы гоняемся столь далеко, можетъ быть ближе къ намъ, нежели думаемъ. Оно въ нѣдрахъ природы. Чего ради было вселить въ сердце каждаго человѣка безпрестанное желаніе блаженства, ежели бы надлежало искать его далеко отъ насъ самихъ и ежели бы оно заключалось только въ такихъ выгодахъ, которыя судьба не многимъ даруетъ? Благополучіе есть произрастеніе каждой страны и каждаго климата. Нигдѣ все совсѣмъ, но вездѣ присутственное, оно является подъ тысячью различныхъ видовъ, соединяется съ каждымъ состояніемъ и существуетъ само собою. Оно не состоитъ ни въ веселіи, ни въ пышности, ни въ сіяніи. Веселье есть существо убѣгающее, котораго не можно остановить; богатство ничего не сказываетъ сердцу; самая слава — кумиръ великихъ душъ, слава имѣетъ свои несчастія, дарованіе — свои мученія. Благополучіе есть чувствованіе сердца, которое живо всегда въ послушаніи природѣ и сохранило неповрежденную способность наслаждаться красотою ея. Простота, незлобіе, пріятное ощущеніе жизни, безпрепятственное наслажденіе естественныхъ благъ, мало нуждъ, мало страстей, но тѣмъ болѣе чувствованій нѣжныхъ и тихихъ, священные союзы родства, дружбы и человѣчества; столько труда, чтобъ заставить желать спокойствія : таковы вообще понятія, которыя побуждаются во мнѣ при словѣ блаженство.

(«Блаженство»).

«Все, то, что способствуетъ къ доставленію вкусу болѣе тонкости и разборчивости, что приводитъ въ совершенство чувствованіе

красоты въ искусствахъ или письменахъ, отводитъ насъ въ то же самое время отъ грубыхъ излишествъ страстей, отъ неистовыхъ воспаленій гнѣва, жестокости, корыстолюбія и прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто восхищается красотами поэмы, или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія своего въ несчастіи другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безпутства, или въ искании подлой корысти. Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ услаждаются возвышенными чувствованіями дружбы, великодушія и благотворительности.

(«Забавы воображенія»)

Нѣтъ ни одного изъ нашихъ древнихъ городовъ, который бы не былъ ознаменованъ какимъ нибудь важнымъ произшествіемъ россійской исторіи; который бы не могъ служить самъ содержаніемъ особенной исторіи. Мы ходимъ по землѣ, обагренной кровію предковъ нашихъ и прославленной отважными предпріятіями и подвигами князей и полководцевъ, которые только для того осѣнены глубою нощію забвенія, что не имѣли достойныхъ провозвѣстниковъ славы своей. Да настанетъ нѣкогда время пристрастія къ отечественнымъ произшествіямъ, къ своимъ героямъ, къ нравамъ и добродѣтелямъ, которые суть природныя произрастенія нашего отечества!

(«Разсѣянныя черты изъ землеописанія россійскаго»).

Вотъ темы, выражаемыя въ сочиненіяхъ Муравьева (какъ мы видѣли въ приведенномъ образцѣ) слогомъ простымъ, но яснымъ, точнымъ и тщательно обработаннымъ... Литературное образованіе свое совершилъ Муравьевъ подъ вліяніемъ образцовыхъ писателей древнихъ и новыхъ — Гомера, Виргилія, (предметъ особаго его уваженія), Горація, Тасса, Мильтона, Корнеля, Рассина, Мольера, Вольтера, Лагарпа, Лафонтена, Мармонтеля (изъ которыхъ обоимъ онъ преимущественно сочувствовалъ). Въ «Эмпіевыхъ письмахъ» (а именно съ письма отъ 8 іюня) пред-

ставляется задушевный отчетъ этого воспитанія — какъ норма въ руководство воспытывающимъ и воспытывающимся. Но преимущественно и постоянно питаетъ онъ расположеніе къ древнимъ писателямъ и въ «Эмиліевыхъ письмахъ» такимъ образомъ говоритъ объ этомъ предметѣ :

Духъ болѣе возвышается съ древними, и величественная простота ихъ удобнѣе примѣняется ко всѣмъ временамъ и народамъ, нежели изысканныя тонкости новыхъ, которыя владычествуютъ нѣкоторое время и исчезаютъ съ модою.

Вдохновляемый духомъ древней поэзіи, онъ и самъ пишетъ такіе стихи :

Мѣсяцъ спускается ниже и кажется падаетъ съ неба
Свѣтъ проливается въ воздухъ . волны востока зардѣлись...
Ахъ! я видѣлъ мгновенье, когда появилась денница;
Прелестьми юной безсмертной чувства мои обновленны :
Тихая свѣтлость объемлетъ мою умиленную душу,
Такъ какъ прозрачное облако, въ коемъ покоится солнце,
Только омывшись въ волнахъ... Но какая внезапная сила
Вдругъ вливается въ жилы и ихъ трепетать заставляетъ?
Кажется, вѣтви бесѣдуютъ : кажется нѣкая влага
Воздухъ собой проникаетъ и землю покоющусь будитъ,
Землю, котора дремала, тѣнью своей покровенна :
Се содрогается чистой росой окропленна и всѣми
Сродными ей ощутилось тѣлами ея пробужденье.
Спящи дыханья проснулись : се дня рожденье младаго.
Зрите въ небесныхъ долинахъ шествіе солнца съ востока;
Шествіе, жизнь въ природу вливающе; имъ довершилась
Міра картина. Такъ оживляются души народовъ,
Если помазанникъ Вѣчнаго, если ими любимый
Царь на среду ихъ восходитъ, величествомъ кроткимъ одѣянъ.
Зрите лицо его чисто, безоблачно, взоръ оживленный
Радостью міра.

Образцемъ же своимъ на поприщѣ отечественной словесности онъ избралъ Ломоносова, по собственному его признанію пьесой «Избраніе стихотворца» : —

Природа склонности различныя вселяя,
Одну имѣетъ цѣль, одинъ въ виду успѣхъ
По своенравію таланты раздѣляя,
Путями разными ведетъ ко счастью всѣхъ.
Гласъ трубный одному на бранномъ полѣ сроденъ,
Побѣды шумной кликъ и побѣжденныхъ стонъ;
Другому сельскій кровъ и плугъ косой угоденъ
И на брегу ручья невозмущенный сонъ.
Я блескомъ обольщенъ прославившихся Россовъ,
На лирѣ пробуждать хвалебный гласъ учусь,
И за кормой твоей, отважный Ломоносовъ,
Какъ малая ладья, въ свирѣпый Понтъ несусь.

И въ прозаическихъ своихъ статьяхъ онъ не однократно упоминаетъ о Ломоносовѣ («XVIII вѣкъ», «Исторія изящныхъ письменъ въ Россіи», «Краснорѣчіе»), изображаетъ его въ повѣсти подъ именемъ юнаго Скальда («Оскольдъ») и посвящаетъ ему особую статью («Заслуги Ломоносова въ учености»). — Но, будучи независимымъ гражданиномъ въ области наукъ и искуствъ и во всемъ и вездѣ равно сочувствуя истинному и изящному, онъ такъ обращается «Къ Музѣ» : —

Любимцамъ, муза, ты элизій сотворяешь
И щедро сыплешь вкругъ сокровища весны!
Куда не прилетишь, тамъ счастье водворяешь,
И украшаешь всѣ страны.
Покинувъ берега Іоніи роскошной,
Отъ сѣни тайныя, гдѣ твой Горацій пѣлъ,
Ты посѣщаешь днесь край западный, полнощной,

И новый для Харитъ Темпей ужъ тамъ разцвѣтъ,
Гдѣ дики племена вели кровавы ссоры.
Приступна всѣмъ равно и смертнымъ, и странамъ,
Ты усмирять спѣшишь свирѣпые раздоры,
И благосклонствуешь враждебнымъ берегамъ,
Дѣлясь межъ Галлии и между Албіона,
Внушаешь Валлеру и Лафонтену ты
Неподражаемы черты,
Которымъ нѣтъ ни правилъ, ни закона.
Влагаешь чувство красоты
И въ рѣзвое дитя мечты
На берегахъ Авона :
И въ гордаго пѣвца,
Который убѣжалъ изъ хижины отца
Отъ влажныхъ береговъ Архангельскаго града,
Чтобъ всюду слѣдовать, дщерь неба, за тобой,
И лиру соглашать съ военною трубой.
Тобою внушена безсмертна «Россіада» ;
Тобою «Душенька». Ты съ бардомъ у Невы
Приносишь смертному даръ истинъ вдохновенныхъ,
И водишь сладостно въ окрестностяхъ Москвы
За бѣдной Лизою всѣхъ чувствомъ одаренныхъ.

Онъ и въ жизни своей былъ горячимъ ревнителемъ успѣховъ наукъ, словесности и искусствъ въ отечествѣ : вспомните его пріязнь къ Карамзину, который ему обязанъ первымъ содѣйствіемъ въ историческомъ своемъ трудѣ, его покровительство Батюшкову, а также всѣмъ обращавшимся къ нему ученымъ и художникамъ; вспомните его административные труды при образованіи министерства народнаго просвѣщенія. — Въ этомъ отношеніи имя его останется навсегда безсмертнымъ не только въ исторіи нашей литературы, но и въ исторіи нашего просвѣщенія вообще, котораго онъ былъ столь слав-

нымъ представителемъ и сподвижникомъ. — Онъ тоже былъ въ періодъ Карамзинскій, что Херасковъ въ періодъ Ломоносовскій. —

Шишковъ — вице-адмиралъ, государственный секретарь и президентъ академіи, также какъ и Карамзинъ, и въ одно время съ нимъ началъ свое литературное поприще въ 1785 году переводомъ Геснеровой идилліи «Дафнисъ» и изданіемъ въ 1788 году «Дѣтской библіотеки», переведенной изъ сочиненій Кампе (новое изданіе исправленное и дополненное подъ заглавіемъ «Собраніе дѣтскихъ повѣстей» 1807 — 1808). Послѣ множества сочиненій и переводовъ, относящихся къ мореходству (которые, поэтому, не принадлежатъ нашему изложенію), въ 1803 году появились «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» (дважды потомъ въ 1813 и 1818 г. изданное); а въ слѣдующемъ 1814 году «Прибавленіе къ сочиненію: о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка, или собраніе критикъ, изданныхъ на сію книгу съ примѣчаніями на оныя.» Въ 1808 году изданы Шишковымъ «Двѣ статьи: 1) Сравненіе французскаго языка съ древними языками, 2) О краснорѣчіи, переведенныя изъ сочиненій Лагарпа, съ примѣчанія переводчика»: въ предисловіи ко второй статьѣ переводчикъ объяснилъ причины и основанія неупотребленія въ переводѣ Лагарповой статьи «О краснорѣчіи» техническихъ иностранныхъ словъ, замѣняемыхъ отысканными въ русскомъ языкѣ или вновь переводчикомъ составленными названіями;

это подало поводъ къ критикѣ, напечатанной въ журналѣ 1810 года «Цвѣтникъ», на которую Шишковъ возразилъ въ «Сочиненіяхъ и переводахъ россійской академіи», а по поводу этой антикритики издана Дашковымъ брошюра «О легчайшемъ способѣ возражать на критику» — образцовое въ своемъ родѣ полемическое сочиненіе. Въ 1811 г. вышло «Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія, и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно» (вновь изданы въ 1825 г.); въ томъ же году изданы «Разговоры о словесности, или возраженія противъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу.»

Какъ сущность мнѣній, развитыхъ Шишковымъ во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, и какъ образчикъ ихъ изложенія, довольно прочесть начало главнѣйшаго изъ этихъ сочиненій «О старомъ и новомъ слогѣ», въ отношеніи котораго прочія лишь варіяціи на эту тему :

«Всякъ, кто любитъ россійскую словесность, и хотя нѣсколько упражнялся въ оной, не будучи зараженъ неисцѣлимою и лишающею всякаго разсудка страстію къ французскому языку, тотъ развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ съ сожалѣніемъ увидитъ, какой странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ. Древній славенскій языкъ, повелитель многихъ народовъ, есть корень и начало россійскаго языка, который самъ собою всегда изобиленъ былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему эллинскаго языка, на коемъ витійствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосѳены, а потомъ Златоусты, Дамаскины, и многіе другіе христіянскіе проповѣдники. Кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе многими вѣками утвержденное

основаніе языка своего, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи французскаго языка? Кому приходило въ голову съ плодоносной земли благоустроенный домъ свой переносить на безплодную болотистую землю? Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, говоритъ: «Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ «сроднаго намъ коренного славенскаго языка купно съ россійскимъ, отвратятся и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту отъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ». Когда Ломоносовъ писалъ сіе, тогда зараза оная не была еще въ такой силѣ, и потому могъ онъ сказать: *вкрадываются къ намъ нечувствительно*: но нынѣ уже должно говорить, вломились къ намъ насильственно и наводняютъ языкъ нашъ, какъ потопъ землю. Мы въ продолженіи сего сочиненія ясно сіе увидимъ. Недавно случилось мнѣ прочитать слѣдующее: «раздѣляя слогъ нашъ «на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, «третью съ переводовъ *славено-русскихъ* господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей, а четвертую съ нашего времени, въ «которое образуется пріятность слога, называемая французами élé«gance»[1]). Я долго размышлялъ, вподлинну ли сочинитель сихъ строкъ говоритъ сіе отъ чистаго сердца, или издѣвается и шутитъ: какъ? нелѣпицу нынѣшняго слога называетъ онъ пріятностію! совершенное безобразіе и порчу онаго, образованіемъ! Онъ именуетъ прежніе переводы *славено-русскими*: что разумѣетъ онъ подъ симъ словомъ? Не ужъ ли презрѣніе къ источнику краснорѣчія нашего славенскому языку? Не дивно: ненавидѣть свое и любить чужое почитается нынѣ достоинствомъ. Но какъ же назоветъ онъ нынѣшніе переводы, и даже самыя сочиненія? безсомнѣнія *французско-русскими*: и сіи то переводы предпочитаетъ онъ *славено-россійскимъ?* Правда, ежели французское слово *élégance* перевесть по русски *чепуха*, то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что погрузили въ него всю полную силу и знаменованіе сего слова!»

— Нѣсколько далѣе Шишковъ опредѣляетъ въ чемъ

---

[1]) Это слова Карамзина въ „Пантеонѣ россійскихъ авторовъ“ въ статьѣ „Кантемиръ“

именно состоитъ иноземное вліяніе на русскій языкъ Карамзина и послѣдователей его :

«Одни изъ нихъ безобразятъ языкъ свой введеніемъ въ него иностранныхъ словъ, таковыхъ на примѣръ какъ : *моральный, эстетическій, эпоха, сцена, гармонія, акція, энтузіазмъ, катастрофа* и тому подобныхъ Другіе изъ русскихъ словъ стараются дѣлать не русскія, какъ напримѣръ : вмѣсто будущее время, говорятъ *будущность;* вмѣсто настоящее время, *настоящность* и проч. Третьи французскіе имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на русской языкъ ; самопроизвольно принимаютъ ихъ въ томъ же смыслѣ изъ французской литературы въ россійскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ тѣмиъ чинами въ нашу службу, думая, что онѣ въ переводѣ сохранятъ тожъ знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣютъ. Напримѣръ. *influance* переводятъ *вліяніе,* и не смотря на то, что глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ : вливать вино въ бочку, вливаетъ въ сердце ей любовь,* располагаютъ нововыдуманное слово сіе по французской граматикѣ, ставя его по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на : faire l'influance sur les esprits,* дѣлать *вліяніе на разумы* Подобнымъ сему образомъ переведены слова : *переворотъ, развитіе, утончанный, сосредоточить, трогательно, занимательно,* и множество другихъ.

Тактика Шишкова не была уже новостью въ нашей литературѣ : извѣстно, что за полвѣка до того Сумароковъ не только прозой («О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка»), но и стихами («Эпистола о русскомъ языкѣ») ратовалъ въ такомъ же духѣ. — Но дѣло въ томъ, что духъ времени сильнѣе духа школы. — Еще Горацій сравнивалъ слова съ листьями, ежегодно мѣняющимися, и позволялъ вводить новыя слова, согласныя съ современнымъ характеромъ языка, заимствуя иногда и съ греческаго корня, съ легкой перемѣной, и утверждалъ, что всеобщее употребленіе — судья, законъ и обра-

зецъ въ языкѣ [1]). А вѣдь языкъ греческій въ отношеніи латинскаго былъ во время Горація именно тѣмъ, что въ отношеніи нашего французскій — модный языкъ, вполнѣ образованный изящными писателями и общежительнымъ употребленіемъ народа цивилизованнаго. Карамзинъ самъ не отвѣчалъ на замѣчанія Шишкова : онъ зналъ, что дѣлалъ, и каждымъ новымъ произведеніемъ своимъ, болѣе совершеннымъ, болѣе изящнымъ, увлекалъ и вниманіе публики, и подражаніе писателей : ибо на сторонѣ его были, кромѣ интереса самихъ его произведеній, заманчивость и прелесть слога; на сторонѣ же его противника, — кромѣ невѣрности основной идеи о тожествѣ языковъ церковно-славянскаго и русскаго [1]), превратно понятой у Ломоносова, и подражанія ему, утрированнаго въ высшей степени [2]), — грубость языка и отсутствіе вкуса, находившаго изящество въ трагедіяхъ Сумарокова и даже въ притчахъ Симеона Полоцкаго... Здѣсь борьба была не равна : и, разумѣется, побѣда осталась на сторонѣ Карамзина... Слова, каковы «вліяніе», «переворотъ», «призваніе», «утонченный», «сосредоточить», «тро-

---

[1]) Q Horati Flacci epistola ad Pisones, sive de arte poetica, vers 48 — 72

[1]) Направленная въ наше время на истинный путь идея общенія нашего языка съ родственнымъ ему нарѣчіями славянскими можетъ послужить дѣйствительно къ обогащенію нашего языка и словесности.

[2]) Не подражаніе Ломоносову, а дальнѣйшее развитіе, по стези, имъ проложенной, отечественнаго языка и словесности было дѣломъ его послѣдователей изученіе Ломоносова послужило въ пользу Державину и Муравьеву, у другихъ, напротивъ того, оно сдѣлалось эпидой литературнаго застоя

гательно», «занимательно» и другія, равно какъ и новыя фразы, также удачно сформированныя, утвердились въ нашемъ языкѣ — какъ его достояніе... Отъ сочиненій же Шишкова, которыя, подобно сочиненіямъ Сумарокова, составляютъ теперь лишь архивную принадлежность нашей литературы, остались ея пріобрѣтеніемъ филологическія изслѣдованія коренныхъ словъ нашего языка, которыми пользовались и будутъ пользоваться наши грамматики, для словесности же они теперь мертвой капиталъ. —

ОЗЕРОВЪ.

Въ Ломоносовскій періодъ драматическая литература наша имѣла въ Фонъ-Визинѣ истиннаго комика, въ періодъ же Карамзинскій является трагикъ — *Озеровъ*. Онъ принадлежитъ этому періоду уже и потому, что жилъ и писалъ въ то время: пять трагедій его представлены были въ первый разъ — «Смерть Олега» въ 1798 г., «Эдипъ въ Аѳинахъ» въ 1804 г., «Фингалъ» въ 1805 г., «Поликсена» въ 1808 г., «Димитрій Донской» въ 1809 г. Не менѣе, однакожъ, Озеровъ принадлежитъ Карамзинскому періоду и по характеру своихъ произведеній, въ

которыхъ преобладающій элементъ чувствительность: сами современники его сознавали это [1]). — Наконецъ, самая скорбная жизнь Озерова была источникомъ его меланхолической поэзіи: какъ поэтъ, онъ дебютируетъ неудачно первой своей пьесой, равно и при представленіи послѣдней имѣлъ жестокія непріятности; какъ человѣкъ, онъ былъ жертвой своихъ сердечныхъ страданій [2]). — Озеровъ самъ часто устами дѣйствующихъ лицъ своихъ героевъ выражаетъ тоску души, предчувствовавшей близкую разлуку съ міромъ:

---

[1]) О ты, что собою представилъ
Софокла съ Оссіаномъ вдругъ,
Въ Эдипѣ намъ, въ бардахъ прославилъ
Расиновъ, Кребильоновъ духъ,
Дѣвъ слезъ ремесло

Коль жалость и ужасъ вдыхаешь
И жжешь ты хладныя сердца,
Съ глазъ токи, съ душъ вздохи сзываешь
(Державинъ)

Ты далъ почувствовать отраднымъ слезъ потокомъ,
Который изъ очей всѣхъ зрителей извлекъ,
Что къ сердцу близокъ намъ несчастный человѣкъ
(Капнистъ).

[2]) „Есть преданіе — говоритъ Гречъ въ „Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ“ (ч II стр 71) — что Озеровъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, любилъ платоническою страстію одну прекрасную умную женщину, для нея писалъ французскіе стихи, даже игралъ во французскихъ трагедіяхъ Она умерла, оставивъ въ душѣ его идеалъ совершенства. и этотъ идеалъ служилъ ему образцемъ для изображенія женскихъ характеровъ Эта нѣжная привязанность смягчала его сердце, не давала ему зачерстѣть отъ лѣтъ, и когда возникли предъ нимъ препятствія, когда гоненія и преслѣдованія преогорчили дни его, сердце это ихъ не выдержало. оно сокрушилось за долго до прекращенія его жизни“. — Въ „Опытѣ исторіи русской литературы“ (стр. 289) онъ же замѣчаетъ, что Озеровъ скончался „послѣ долговременной болѣзни, съ которою было сопряжено разстройство умственныхъ его силъ“ — Не забудемъ при этомъ и поэтическія воспоминанія объ участи Озерова, — какъ жертвѣ зависти и несправедливости, — въ *посланіяхъ* Жуковскаго „Къ Вяземскому и Пушкину“ и Пушкина „Къ Жуковскому“

Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь.
(«Эдипъ»).

День радости есть мигъ, печали день есть вѣкъ,
И умирающій несчастный человѣкъ
Сей оставляетъ міръ, какъ путникъ утомленный.
(Тамъ же).

Но смерть есть сущій даръ для страждущихъ сердецъ,
По труднымъ странствіямъ отраднѣйшій конецъ,
И вѣчность имъ, какъ дубъ осанистый, вѣтвистой,
Стоящій на пути и древностью сѣнистой
Сулящій путнику прохладу и покой.
(Тамъ же).

Повѣрь, не стоитъ жизнь, чтобы о ней жалѣть.
И Гекторъ, и Пріамъ, и смертный сердцу милой
Всѣ ждутъ меня ужъ тамъ, за темною могилой;
Тамъ мы увидимся...
(«Поликсена»).

Среди тщеты надеждъ, среди страстей борьбы,
Мы бродимъ по землѣ игралищемъ судьбы.
Счастливъ, кто въ гробъ скорѣй отъ жизни удалится,
Счастливѣе сто кратъ, кто въ жизни не родится!
(Тамъ же).

Изъ трагедій Озерова, «Эдипъ» — подражаніе Дюсисовой трагедіи, впрочемъ столько близкое, что трагедію Озерова скорѣе можно назвать вольнымъ переводомъ Дюсисова и, нельзя не согласиться, переводъ прекрасный... Другая трагедія Озерова,

сюжетъ которой заимствованъ изъ древняго міра греческаго — «Поликсена» болѣе самостоятельна по созданію и болѣе совершенна по исполненію, нежели «Эдипъ». — Здѣсь есть истинно патетическіе мѣста : таковы, напримѣръ, — сцены Поликсены съ Гекубой (д. II, яв. 5; д. III, яв. 4), съ Касандрой (д. VI, яв. 1) и катастрофа трагедіи (д. V, яв. 4); также Пирра съ Агамемномомъ и Несторомъ (д. V, яв. 7). — Въ той и другой вѣетъ духъ эллинскій, вращающійся въ сферѣ верховнаго рока; во внѣшней формѣ созданія вѣрно соблюдены условія классической трагедіи. Въ трагедіи «Фингалъ» переносится поэтъ въ романтическій міръ скандинавскаго сѣвера, проявляющійся въ самой формѣ и колоритѣ этой трагедіи и Озеровъ здѣсь предваряетъ новѣйшее направленіе поэзіи, замѣнившее прежнее псевдоклассическое... Особенно же поражаютъ здѣсь яркія краски Оссіановской поэзіи, обнаруживающейся во многихъ мѣстахъ какъ напримѣръ :

Встаетъ Морвена вождь, Фингалъ;
Оружье грозное пріялъ;
Стрѣла въ колчанѣ роковая;
На груди рдяна сталь видна;
Копье, какъ сосна вѣковая,
И щитъ, какъ полная луна,
Возсѣвшая надъ океаномъ
И вся подернута туманомъ.

Ничто предъ божествомъ цари съ ихъ властью мощной.
Какъ огнь, носящійся надъ тундрой полунощной,

Ихъ блескъ мечтателенъ, ихъ замыслы какъ дымъ,
Стремящійся изъ горнъ и бурей разносимъ.

Ты былъ своимъ народамъ данъ,
Какъ въ мѣсяцъ зимній лучъ полдневной.
Блеснувъ на часъ, ты вдругъ исчезъ.

Во мракѣ тучъ какъ грозный громъ
Ты не носись въ странахъ воздушныхъ;
Но преселися въ горній домъ
Твоихъ отцовъ великодушныхъ,
Сѣдящихъ въ радужныхъ кругахъ,
Съ спокойствомъ свѣтлымъ на челахъ!

Припомнимъ также признаніе Моины (д. I, яв. 6) монологъ Старна предъ кумиромъ Одена (д. II, яв. 1) клятву Фингала (д. II, яв. 3). — Русская трагедія «Димитрій Донской» проникнута горячимъ патріотическимъ одушевленіемъ, подъ вліяніемъ котораго безпрерывно высказываются въ ней подобныя тирады, дѣлающія честь русскому сердцу поэта :

И хану дань несемъ не златомъ, не сребромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали иныя :
Мечи булатные и стрѣлы каленыя.
Пусть оныя приняты Непряду перейдетъ!

Рука Всевышняго отечество спасла.
Кто сильный устоитъ противу сей десницы!
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго душей среди самыхъ побѣдъ,
И гордый, какъ скала кремнистая, падетъ!

Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей:
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію!
Какъ прахъ земный, сотри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте, — великъ россійскій Богъ!

Эти то стихи, произносимыя тогдашнимъ трагикомъ Яковлевымъ, приводили въ восторгъ публику; здѣсь учавствовали также Шушеринъ и Семенова. Такіе сценическіе таланты особенно содѣйствовали успѣху трагедій Озерова, которыя, впрочемъ, и сами по себѣ, преимущественно же въ сравненіи съ предшествовавшими трагедіями Сумарокова и Княжнина, были явленіемъ чрезвычайнымъ на тогдашнемъ театрѣ и останутся въ нашей литературѣ памятникомъ дарованія великаго, которому, по справедливому замѣчанію князя Вяземскаго [1]), «судьба и люди не дозволили обогатить нашъ театръ и усовершенствовать трагическое искуство, нѣкоторымъ образомъ родившееся и умершее съ нимъ». — И дѣйствительно, Озеровъ не имѣетъ до сихъ поръ въ нашей литературѣ соперниковъ.

---

[1]) См. Извѣтіе о жизни и трудахъ Озерова, въ приложеніи при изданіи сочиненій его, Спб. 1818 г.

КРЫЛОВЪ

Крыловъ, родившійся чрезъ три года по кончинѣ Ломоносова и умершій чрезъ семь лѣтъ послѣ смерти Пушкина, вступилъ на литературное поприщѣ въ періодъ Ломоносовскій, началъ писать басни — составляющія главнѣйшій предметъ его литературной дѣятельности — въ періодъ Карамзинскій, а въ послѣдній годъ Пушкинскаго періода праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего литературнаго поприща, — будучи такимъ образомъ единственнымъ посредникомъ, соединяющимъ три періода столѣтія русской словесности отъ Ломоносова до смерти Пушкина. — На шестнадцатомъ году отъ роду Крыловъ написалъ оперу «Кофейница», за которую получилъ отъ книгопродавца Брейткопфа, вмѣсто предложенныхъ имъ 60 рублей денегъ, по желанію его, книгъ на эту сумму, въ томъ числѣ сочиненія Мольера, Рассина, Боало; потомъ сочинилъ двѣ трагедіи «Клеопатра» и «Филомела», представленныя Дмитріеву, но имъ неодобренныя; за тѣмъ съ 1789 года принялся онъ за сатирическіе журналы (о которыхъ было упомянуто въ обозрѣніи журналистики Ломоносовскаго періода), далѣе (въ 1793 г.) написалъ оперу «Бѣшенная семья» и комедію «Проказники», а чрезъ годъ комедію «Сочинитель въ прихожей»; чрезъ четырнадцать лѣтъ въ одномъ году (1807 г.) явились его опера «Илья Богатырь» и комедія «Урокъ дочкамъ», а чрезъ девять лѣтъ (1816 г.) коме-

дія «Модная лавка.» — Но не эти труды составляли призваніе Крылова : фабулистъ Дмитріевъ привѣтствуетъ въ 1805 г. первыя басни его и предсказываетъ ему будущую славу его на этомъ поприщѣ. Первое изданіе басень Крылова было въ 1809 году; съ тѣхъ поръ басни Крылова имѣли безчисленное множество изданій : послѣднее изданіе басень Крылова сдѣлано имъ самимъ за годъ до кончины (1843 г.) въ десяти книгахъ. Послѣ смерти его (въ 1847 г.) издано «Полное собраніе сочиненій» въ трехъ томахъ, съ статьею П. А. Плетнева «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова.»

Говорить о Крыловѣ много пельзя : потому что онъ самъ въ насъ говоритъ и всѣ мы сами имъ говоримъ : стихи его на устахъ у насъ и на каждый случай найдется у Крылова меткое слово. — Онъ въ своихъ басняхъ осуществилъ русскій практическій смыслъ, всасываемый съ молокомъ матернимъ; поэтому справедливо говорятъ, что русскій умъ сознаетъ самъ себя въ Крыловѣ... Но и содержаніе басень Крылова не менѣе національно : онѣ отзывались на важные предметы и трудные вопросы («Василекъ», «Безбожники», «Конь и Всадникъ», «Водолазы», «Пушки и Паруса»), равно какъ не пропустили ни одного изъ обстоятельствъ, гдѣ жизнь является на изнанку и куда преимущественно должна заглядывать сатира («Лисица и Сурокъ», «Воронепокъ», «Слонъ на воеводствѣ», «Крестьянинъ въ бѣдѣ», «Гуси», «Крестьяне и рѣка», «Мірская

сходка», «Медвѣдь у пчелъ», «Зеркало и Обезьяна», «Комаръ и Пастухъ», «Мельникъ», «Свинья подъ дубомъ», «Крестьянинъ и Овца», «Волкъ и Мышенокъ», «Рыбьи пляски», «Бритвы», «Бѣлка», «Щука», «Булатъ», «Купецъ», «Оселъ», «Три мужика», «Мыши», «Два мальчика», «Вельможа»). И въ какія очаровательныя образы облекаются порой глубокія апоѳегмы Крылова :

О, вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите
Куда лишь лучь его достанетъ, тамъ оно
Былинкѣ ль, кедру ли — благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ —
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрустaляхъ, —
И все его благословляетъ.

Какъ тонки указанія сатиры Крылова, которыми она выводитъ наружу все, что не любитъ гласности :

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ-будто рубль послѣдній доживаетъ :
И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой, —
А смотришь, по-маленьку,
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь;
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь :
Что у него пушекъ на рыльцѣ есть.

Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

И у людей въ чинахъ
Съ плутами та-жъ бѣда : пока чинъ малъ и бѣденъ,
То плутъ не такъ еще примѣтенъ;
Но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ :
Звукъ отъ него и громокъ и далекъ.

Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я, —
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться на верхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ — скорлупки не видали!

Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью;
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

— А что за разсказъ!... Многія басни Крылова — маленькія комедіи, которыя такъ и просятся на сцену. — Кто не помнитъ : «Музыканты», «Ларчикъ», «Разборчивая невѣста», «Синица», «Троеженецъ», «Собачья дружба», «Прохожіе и Собаки», «Лжецъ», «Обозъ», «Откупщикъ и Сапожникъ», «Слонъ и Моська», «Котъ и Поваръ», «Муха и Дорожніе», «Квартетъ», «Тришкинъ кафтанъ», «Любопытный», «Демьянова уха», «Напраслина», «Голикъ», «Два мужика», «Прихожанинъ»?... По отношенію къ на-

шей словесности значеніе Крылова равно велико — и какъ дивнаго мастера въ томъ родѣ поэзіи, которой, можно смѣло сказать, имъ созданъ и послѣ него не скоро существовать можетъ (такъ какъ онъ своимъ неподражаемымъ искуствомъ устранилъ даже возможность совмѣстничества); и по національному элементу, введенному имъ въ нашу словесность; и по языку, взятому имъ изъ устъ народа и укрѣпленному за литературнымъ употребленіемъ — какъ изящное русское слово... Не даромъ Крылову суждено соединить собою три періода столѣтія отечественной словесности!

ГНѢДИЧЬ. БАТЮШКОВЪ. ЖУКОВСКІЙ.

Общее замѣчаніе, которое можно сдѣлать о словесности предшествовавшаго, Ломоносовскаго, періода, состоитъ въ томъ, что она вообще, была бѣдна содержаніемъ: единственными предметами одушевленія литературныхъ представителей того времени, а за ними и ихъ послѣдователей, были — какъ мы видѣли — современная отечественная слава и жизнь общественная въ нѣкоторыхъ классахъ; но и эти предметы были стѣснены въ такія сжатыя рамы формализма существовавшей тогда литературной теоріи, что только у немногихъ, исключительныхъ — по

тогдашнему выраженію — *любимцевъ музъ* — эти предметы, составлявшіе содержаніе словесности того времени, являлись въ изображеніяхъ, увлекавшихъ къ сочувствію имъ... Мы видѣли какъ Карамзинъ разширилъ сферу этого содержанія, указавъ, что благороднѣйшій предметъ изученія для человѣка — по выраженію Попе — человѣкъ, что человѣчество идетъ впередъ путемъ постепеннаго развитія : и эти свѣтлыя мысли, чувства, мечты, свои выражалъ языкомъ, извлеченнымъ изъ самороднаго источника живаго народнаго слова ; какъ онъ, притомъ, поколебавъ завѣтныя правила и пріемы господствовавшей теоріи словесности, намекнулъ на нѣкоторые новые литературные авторитеты, въ замѣну прежнихъ, утвердившихся вѣковымъ преданіемъ. — Продолжателями и довершителями его подвига въ радикальномъ преобразованіи отечественной словесности являются *Гнѣдичъ, Батюшковъ* и *Жуковскій*. Они, съ одной стороны, не уклоняясь отъ духа своего времени, представителемъ котораго былъ Карамзинъ, съ другой, однакожъ, возбужденные его указаніемъ на иной путь, слѣдуя далѣе по указанному имъ направленію, вопервыхъ далеко распространили сферу литературныхъ идей своего времени тѣмъ, что ввели ее въ два великихъ міра — міръ классическій древній и міръ романическій среднихъ вѣковъ, и вовторыхъ языку сообщили идеальную утонченность и пластическую опредѣленность. — Вотъ прямое ихъ отно-

шепіе къ Карамзину и взаимное между собою, и ихъ значеніе въ исторіи отечественной литературы!

Гнѣдичъ, отдавъ дань своему времени переводомъ Дюсисова «Абюфара», Вольтерова «Танкреда» и Шекспирова «Леара» съ французскаго Дюсисовскаго перевода, посвятилъ всю жизнь свою великому подвигу, которымъ стяжалъ себѣ безсмертное имя въ лѣтописяхъ нашей словесности, какъ переводчикъ Гомеровой «Иліады». — Мы видѣли, что еще въ Ломоносовскомъ періодѣ, изданы Костровымъ въ 1787 г., переведенныя имъ александрійскими стихами первыя шесть пѣсень «Иліады»; Гнѣдичъ вознамѣрился докончить переводъ Кострова... Между тѣмъ отыскалось продолженіе труда Кострова и въ «Вѣстникѣ Европы» 1811 г. напечатаны 7-я, 8-я и половина 9-й пѣсни: сравненіе ихъ съ переводомъ Гнѣдича, еще болѣе выказало его достоинства; но самъ Гнѣдичъ не былъ доволенъ своимъ переводомъ. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ въ своемъ предисловіи къ переводу «Иліады» [1]):

«Для трудящихся въ какомъ бы то нибыло родѣ искуства, ничего нѣтъ печальнѣе, какъ видѣть что трудъ свой можно сдѣлать лучше, и не имѣть къ тому способа. Таковы были мои чувствованія при переводѣ Иліады рифмованномъ. Кончивъ шесть пѣсень, я убѣдился опытомъ, что переводъ Гомера, какъ я разумѣю, въ стихахъ александрійскихъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ для меня; что остается для этого одинъ способъ, лучшій и вѣрнѣйшій — гекзаметръ. Плѣненный образомъ повѣствованія Гомерова, котораго прелесть не раздѣльна съ

[1]) Иліада Гомера переведенная Гнѣдичемъ, Спб 1829 г ч I, стр XI — XII.

формою стиха, я началъ испытывать, нѣтъ ли возможности произвесть русскимъ гекзаметромъ впечатлѣнія, какое получилъ я, читая греческій. Люди образованные одобрили мой опытъ[1]), и вотъ что даю мнѣ смѣлость отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ.

Говорю, смѣлость : ибо читателямъ извѣстно, что должно было вынести, дерзнувшему изъ рукъ Геркулеса вырвать палицу, а говоря проще, осмѣлившемусь бороться съ предразсудкомъ и врагомъ, еще упорнѣйшимъ — самолюбіемъ. Мы уступчивы въ мнѣніяхъ, которыя составляемъ сами, собственнымъ сужденіемъ; согласіе, даваемое добровольно, вознаграждаетъ наше самолюбіе. Но въ мнѣніяхъ, которыя намъ внушены, которыя приняты безъ разсужденія, такъ сказать, на вѣру, и которыя перемѣнить насъ заставляютъ — мы непреклонны : обидно обнаружить, что мы были въ невѣжахъ и судили безъ разумѣнія дѣла. Вотъ главная причина воплей старовѣровъ литературныхъ противъ гекзаметра. Читатель помнитъ, какія познанія обнаружили они въ сужденіяхъ своихъ объ гекзаметрѣ; иные жаловались даже, что стихъ сей трудно читать : такъ дѣти плохо ученыя, съ трудомъ читаютъ книгу, по которой не учились. Но возрастетъ новое поколѣніе, котораго дѣтство будетъ образованнѣй нашей старости и гекзаметръ покажется тѣмъ, чѣмъ онъ признанъ отъ всѣхъ народовъ просвѣщенныхъ : высшимъ соображеніемъ гармоніи поэтической.

Вожделѣнная мечта!... И пора «Иліадѣ» получить въ нашей литературѣ право гражданства, которымъ она пользуется во всѣхъ образованныхъ литературахъ; тѣмъ болѣе, что наша литература можетъ смѣло хвалиться переводомъ Гнѣдича предъ всѣми переводами на другихъ языкахъ; да, этотъ

---

[1]) Главнѣйшимъ руководителемъ Гнѣдича въ этомъ отношеніи былъ графъ Уваровъ, въ своемъ письмѣ къ Гнѣдичу — напечатанномъ въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“ 1813 года, — доказавшій превосходство перевода Гомерова эпоса гекзаметромъ и способность для этого языка русскаго — Капнистъ, въ томъ же изданіи въ 1815 г., предложилъ переводить Гомера размѣромъ простонародной пѣсни, графъ Уваровъ въ своемъ письмѣ Капнисту, напечатанномъ въ „Бесѣдѣ“, опровергъ мнѣніе Капниста и доказалъ, что творенія древнихъ поэтовъ, подобныхъ Гомеру, должны быть переводимы размѣромъ подлинника для достиженія тогоже впечатлѣнія, какое они производятъ на своемъ отечественномъ языкѣ.

переводъ не только вѣренъ подлиннику до nec plus ultra по внѣшней формѣ, такъ что русскій стихъ не рѣдко отвѣчаетъ стиху греческому слово въ слово; но — что еще важнѣе — по внутреннему духу древнеэллинскому, вѣяніе котораго слышится для привычнаго слуха повсюду, да и непривычнаго обаяетъ какою-то дивной атмосферой міра инаго, въ которомъ представляется первобытное человѣчество и естественная не поддѣльная природа.

Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ его же художественный переводъ Θеокритовой идиліи «Сиракузянки.» — Изъ собственныхъ стихотвореній достойны вниманія, внушенныя созерцаніемъ міра древняго, поэма «Рожденіе Гомера» и идиллія «Рыбаки», отличающаяся изящнымъ стихомъ. Послѣднимъ весьма интереснымъ трудомъ его были «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ съ подлинникомъ, переведенныя въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія съ простонародными пѣснями русскими и примѣчаній (1825 г.)» — Изъ прозаическихъ статей его, не вошедшихъ въ собраніе его стихотвореній (Спб. 1832 г.), которыя были помѣщаемы въ «Вѣстникѣ Европы» и «Сынѣ отечества», особенно замѣчательны: «Замѣчанія на опытъ о русскомъ стихосложеніи г. Востокова и нѣчто о просодіи древнихъ», «Ппсьмо къ В. о статуѣ мира, изваянной для графа Н. П. Румянцова скульпторомъ Кановою въ Римѣ», и «Академія художествъ, или выставка художественныхъ произведеній 1820 г.»:

онѣ обнаруживаютъ въ Гнѣдичѣ знатока русскаго и греческаго языковъ, усвоившаго русскому языку греческій гекзаметръ — нѣкогда «опозоренный Телемахидою», а въ наше время столь блистательно расцвѣтшій подъ перомъ Жуковскаго, — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящный вкусъ, образованный въ эстетической школѣ міра древняго, — столь блистательно имъ осуществленнаго въ отечественной словесности.

Батюшковъ, родившись въ началѣ литературнаго поприща Карамзина и начавъ самъ писать въ то время, когда Карамзинъ, переставъ быть журналистомъ сдѣлался литераторомъ, не долго подвизался на поприщѣ отечественной словесности и пересталъ писать въ годъ появленія первой поэмы Пушкина «Русланъ и Людмила». Въ кратковременное дѣйствованіе свое на литературномъ поприщѣ Батюшковъ успѣлъ оставить отечественной словесности два тома своихъ произведеній, въ которыхъ заключается томъ прозы и томъ стиховъ (Спб. 1834). — Въ большей части прозаическихъ статей Батюшкова — философическихъ, критическихъ, путевыхъ впечатлѣній и повѣсти изъ стараго русскаго міра, онъ является Карамзинистомъ и по образу мыслей и по теоретическимъ понятіямъ своимъ о словесности, и по слогу. Особенно характеристическія въ этомъ отношеніи статьи Батюшкова: «Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи», «О лучшихъ свойствахъ сердца», «Похвальное слово сну», «Двѣ аллегоріи», «Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ», «Письмо

къ И. М. М. А. о сочиненіяхъ Муравьева», «Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи», «Предслава и Добрыня, старинная повѣсть», «Путешествіе въ замокъ Сирей»; статьи, написанныя подъ вліяніемъ изученія италіанскихъ поэтовъ — «Аріостъ и Тассъ», «Петрарка», «Гризельда, повѣсть изъ Боккачьо». Болѣе самостоятельныя статьи Батюшкова и притомъ особенно отличающіеся и прекрасными мыслями и прекраснымъ выраженіемъ: «Нѣчто о поэтѣ и поэзіи», «О характерѣ Ломоносова», «Вечеръ у Кантемира», «Прогулка въ академіи художествъ», «Письма и отрывки» — интересныя данныя для характеристики Батюшкова, какъ человѣка. — Изъ стихотвореній Батюшкова: «Карамзину», «Мои пенаты», «Н. М. М. А.», «Къ А. И. Т–ву», «Пастухъ», «Соловей», басня (посвящена Озерову), «Къ портрету Жуковскаго» выражаютъ литературныя отношенія, въ которыхъ онъ оставался вѣренъ своему времени какъ писатель Карамзинской школы. Къ стихотвореніямъ, вдохновеннымъ италіанской поэзіей, относятся: «На смерть Лауры (изъ Петрарка)», «Вечеръ (подражаніе Петраркѣ, Canzone IX)», «Подражаніе Аріосту», «Отрывокъ изъ освобожденнаго Іерусалима», «Тассу», «Умирающій Тассъ» (элегія). На переводы французскихъ поэтовъ можно указать — Парни («Мщеніе», «Провидѣніе», «Ложный страхъ») и Касти («Счастливецъ» и «Радость»). Изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ переведены только сцены изъ трагедіи Шиллера («Мессинская невѣста») и строфа изъ четвертой пѣсни

Байронова Чайльдъ-Гарольда («Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ»). Міру древнему принадлежатъ его пьесы — «Гезіодъ и Омиръ соперники», «Судьба Одиссея», «Странствователь и домосѣдъ, сказка», «Три элегіи изъ Тибулла», въ вольномъ переводѣ, двѣнадцать пьесъ «изъ греческой антологіи», въ которыхъ особенно является онъ художникомъ-воспроизводителемъ міра древняго; собственно ему принадлежащія пьесы, отличающіяся или непосредственнымъ своимъ поэтическимъ достоинствомъ, или по отношенію къ личности поэта, можно поименовать: — «На развалинахъ замка въ Швеціи», «Воспоминанія (отрывокъ)», «Выздоровленіе», «Мой геній», «Тѣнь друга», «Веселый часъ», «Пробужденіе», «Источникъ», «Отрывокъ изъ элегіи (о! пока безцѣнна младость)», «Къ другу», «Мечта», «Бесѣдка музъ», «Пѣснь Гаральда смѣлаго», «Вакханка».

Характеристика поэзіи Батюшкова — изящное наслажденіе жизнію, о которомъ онъ самъ говоритъ:

Други, сядьте и внемлите
Музы ласковый совѣтъ.
Вы счастливо жить хотите.
На зарѣ весенних лѣтъ?
Отгоните призракъ славы!
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пути;
Скажемъ юности: лети!
Жизнью дай лишь насладиться;
Полной чашей радость пить:
Ахъ! недолго веселиться
И не вѣки въ счастьи жить!

Оттого у него такая близкая симпатія съ свѣтлымъ міромъ древне-эллинскимъ, который считалъ своей благородной апоѳегмой мысль выраженную Гераклидомъ Понтійскимъ : «Наслаждаться и жить роскошно : вотъ удѣлъ свободныхъ! ибо наслажденіе даетъ уму ясность и благородство»; но въ этомъ наслажденіи греки сохраняли — какъ говоритъ Батюшковъ — «весь свой аттицизмъ, всю свою грацію». — Эта то грація, характеризующая какъ по внутреннему смыслу, такъ и по внѣшней формѣ древнія антологическія стихотворенія, передана Батюшковымъ съ неподражаемою вѣрностью : вотъ на примѣръ три антологическіе пьесы въ переводѣ Батюшкова : —

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
Восторги пылкіе и страсти упоенья;
Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей,
Какъ сладко тайное любви наслажденье!

Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась,
И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,
Незрѣлой въ таинствахъ любовнаго искуства :
Безъ жизни взоръ ея стыдливой и нѣмой,
И робкой поцѣлуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвой камень,
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови.

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой;
Конецъ боренію; увы! всему конецъ.
Киприда и Эротъ, мучители сердецъ!
Услыште голосъ мой послѣдній и унылой:
Я вяну и еще мученія терплю;
Полмертвый, но сгараю.
Я вяну: но еще такъ пламенно люблю,
И безъ надежды умираю!
Такъ жертву обхвативъ кругомъ,
На олтарѣ блѣднѣетъ, умираетъ,
И, вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На пеплѣ пламень погасаетъ!

— Въ этихъ стихахъ предвидится уже будущій стихъ Пушкина. — Но какъ сынъ своего времени, Батюшковъ не чуждъ былъ и духа романтической поэзіи, отрѣшающейся отъ земли и переносящей свои упованія въ небо. Таково, кромѣ другихъ, его стихотвореніе «Къ другу»:

Скажи, мудрецъ, младой, что прочно на землѣ?
Гдѣ постоянно жизни счастье?
Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли;
Мы пили чашу сладострастья;

Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ?
Въ винѣ потопленныя чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ?
Гдѣ твой Фалернъ и розы наши?

.....

Минутны странники мы ходимъ по гробамъ;
Всѣ дни утратами считаемъ;
На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ,
И что жъ? — ихъ урны обнимаемъ.

.....

Такъ все здѣсь суетно въ обителяхъ суетъ!
Пріязнь и дружество непрочно! —
Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяетъ свѣтъ?
Что вѣчно, чисто, непорочно?

Напрасно вопрошалъ я опытность вѣковъ
И Клии мрачныя скрижали;
Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра мудрецовъ:
Они безмолвны пребывали.

Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ летаетъ,
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ:

Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ;
Всѣ жизни прелести затмились;
Мой геній въ горести свѣтильникъ погашалъ,
И музы свѣтлыя сокрылись.

Я съ страхомъ вопросилъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды:
И вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь, какъ солнцемъ озаренъ;
Ногой надежною ступаю,
И, съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнъ,
Въ міръ лучшій, духомъ возлетаю.

Въ отношеніи словесности нашей Батюшковъ, содѣйствуя обогащенію ея содержанія сокровищами артистическаго міра древняго, столь богатаго плодотворнымъ содержаніемъ, еще болѣе содѣйствовалъ успѣху стихотворнаго языка усвоеніемъ ему почерпнутой также изъ источника древней литературы пластичности: стихи его — какъ можно видѣть изъ приведен-

ныхъ здѣсь примѣровъ — столь ярко впечатлительны, что болѣе походятъ на вычеканенный художественно оттискъ, нежели на музыкальную гармонію : и эта-то выпуклость стиха, чувствуемая мимоходомъ въ нѣкоторыхъ особенно анакреонтическихъ стихотвореніяхъ Державина, подъ перомъ Пушкина, ощутительно осязается въ его антологическихъ стихотвореніяхъ, столь родственныхъ музѣ Батюшкова.

Жуковскій началъ свое литературное поприще въ самомъ началѣ текущаго столѣтія, переводомъ Греевой элегіи «Сельское кладбище» въ Карамзинскомъ «Вѣстникѣ Европы» [1]), который потомъ издавалъ самъ одинъ годъ, а два вмѣстѣ съ Каченовскимъ, гдѣ и помѣщались его мелкія стихотворенія — пѣсни, элегіи, которыми пріобрѣлъ громую извѣстность въ свое время, равно своими балладами «Людмила», «Свѣтлана», «Алина и Альсимъ», «Эолова арфа». Подобно Батюшкову, Жуковскій въ своей прозѣ преимущественно является Карамзинистомъ : таковы принадлежащія первымъ годамъ его литературнаго дѣйствованія (1808 — 1809) нравственно философическія статьи («Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ», «Писатель въ обществѣ», «Три сатиры»), теоретико-критическія («О критикѣ», «О баснѣ и басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира»); позд-

---

[1]) Вотъ собственныя слова объ этомъ Жуковскаго „Греева элегія переведена мною въ 1802 г и напечатана въ Вѣстникѣ Европы, который въ 1802 — 1803 г былъ издаваемъ Н М. Карамзинымъ Это было мое первое напечатанное стихотвореніе“ (Стихотворенія В. Жуковскаго Спб 1844 г т IX, стр 235)

нѣйшія же статьи его (1820 — 1834 г.) болѣе самостоятельны, какъ по духу своему такъ и по языку («Путешествіе по Саксоніи и Швейцаріи», «Отрывки изъ письма о Швейцаріи», «Отрывокъ письма изъ Швейцаріи», «Рафаэлева Мадонна», «Взглядъ съ неба на землю», «Воспоминаніе о торжествѣ 30 августа 1834 г.», «Письмо Карамзина къ графу Каподистрія», равно и нѣкоторыя прозаическія статьи, помѣщавшіяся въ «Современникѣ» и «Москвитянинѣ», послѣ изданія послѣдняго собранія его сочиненій [1]). — Такъ въ своихъ стихотвореніяхъ, особенно принадлежащихъ ранней эпохѣ (1806 — 1818) патріотическихъ («Пѣснь надъ гробомъ славянъ побѣдителей», «На смерть графа Каменскаго», «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», «Пѣвецъ въ Кремлѣ», «Пѣснь русскому Царю отъ его воиновъ», «Императору Александру», «Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ», «Вождю побѣдителей»), посланіяхъ «Волкову», «Вяземскому и Пушкину», «Вяземскому», «Батюшкову», «Тургеневу», «Эверсу») также элегіяхъ («Славянка», «Сиротка») и нѣкоторыхъ другихъ, онъ является поэтомъ школы Карамзинской. Изъ множества же стихотвореній, въ которыхъ выражается собственное его направленіе и постепенно болѣе и болѣе совершенныхъ по содержанію и по формѣ, можно назвать какъ изъ раннихъ такъ и изъ

---

[1]) Спб 1834 г 8 томовъ, въ 1841 г изданъ IX, а въ 1849 г три, подъ заглавіемъ „Новыя стихотворенія“

позднѣйшихъ : патріотическія стихотворенія — «Народныя пѣсни», «На присягу Наслѣдника», «Бородинская годовщина» ; пѣсни, элегіи, баллады : «Тоска по миломъ», «Цвѣтокъ», «Пловецъ», «Счастливъ тотъ кому забавы», «Мой другъ, хранитель, ангелъ мой», «О, милой другъ, теперь съ тобою радость», «Минувшихъ дней очарованье», «Вѣрность до гроба», «Голосъ съ того свѣта», «Ночь», «Утѣшеніе въ слезахъ», «Къ мѣсяцу», «Пѣсня бѣдняка», «Весеннее чувство», «Утѣшеніе», «Таинственный посѣтитель», «Мотылекъ и цвѣты», «Къ мимо-пролетѣвшему знакомому генію», «Желаніе», «Младенецъ», «Сонъ», «Счастіе во снѣ», «Къ востоку, все къ востоку», «Розы расцвѣтаютъ», «Замокъ на берегу. моря», «Горная дорога», «Пѣвецъ», «Жизнь», «Узникъ къ мотыльку, влетѣвшему въ его темницу», «Мечты», «Элизіумъ», Путешественникъ», «Вечеръ», «На кончину королевы виртембергской», «Море», «Къ Нинѣ», «Къ Филалету», «Подробный отчетъ о лунѣ», «Праматерь Внукѣ», «Невыразимое», «Привидѣніе», «Мечта», «Побѣдитель», «Три путника», «Видѣніе», «Теонъ и Эсхинъ», «Счастіе», «Почной смотръ», «Утренная звѣзда», «Лѣтній вечеръ», «Узникъ», «Ахилъ». Позднѣйшему же времени принадлежатъ его русскія сказки : «Сказка о царѣ Берендеѣ», «Сказка о спящей царевнѣ», «Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ». Но, и по большинству пьесъ, и по непосредственному ихъ достоинству, капитальными произведеніями нашей словесности суть

переведенныя пьесы Жуковскаго, подробно исчисляемыя здѣсь во всемъ ихъ разнобразіи. — Драматическія пьесы : «Орлеанская дѣва», драматическая поэма Шиллера, «Камоэнсъ», драматическій отрывокъ, подражаніе Гальму. — Поэмы : «Шильонскій узникъ», Байрона, «Пери и Ангелъ» изъ Томаса Мура, «Аббадона» изъ Клопштока. — Повѣсти : «Судъ Божій», «Перчатка», «Норманскій обычай», «Судъ въ подземельи», «Ундина», «Тюльпановое дерево», «Котъ въ сапогахъ», «Матео Фальконе», «Двѣ повѣсти», «Капитанъ Боттъ». — Сказки и сельскіе идилліи : «Красный Карбункулъ», «Двѣ были и еще одна», «Неожиданное свиданіе», «Овсяный кисель», «Деревенскій сторожъ въ полночь», «Тлѣнность», «Вечернее утро въ деревнѣ», «Утренная звѣзда», «Лѣтній вечеръ», «Сельское кладбище» (новый переводъ Греевой элегіи). — Баллады романтическія : «Варвикъ», «Гарольдъ», «Пустынникъ», «Мщеніе», «Рыцарь Тогенбургъ», «Адельстанъ», «Мѣдной царь», «Три пѣсни», «Эльвина и Эдвинъ», «Графъ Гапсбурскій», «Алонзо», «Долина», «Плаваніе Карла Великаго», «Старый рыцарь», «Рыцарь Ролланъ», «Уллинъ и его дочь», «Ленора», «Судъ Божій надъ епископомъ», «Братоубійца», «Роландъ оруженосецъ», «Королева Урака и пять мучениковъ», «Кубокъ», «Замокъ Смальгольмъ», «Баллада, въ которой описывается какъ одна старушка сидѣла на черномъ конѣ и кто сидѣлъ впереди», «Покаяніе», «Отрывокъ изъ испанскихъ романсовъ о Сидѣ». — Баллады греческія : «Иви-

ковы журавли», «Касандра», «Торжество побѣдителей», «Поликратовъ перстень», «Жалоба Цереры», «Элевзинскій праздникъ». — Переводы изъ древнихъ поэтовъ: «Цеиксъ и Гальціона» (отрывокъ изъ Овидіевыхъ превращеній), «Отрывокъ изъ Иліады», «Разрушеніе Трои, опытъ перевода Энеиды книги II», «Одиссея». — Восточныя поэмы: «Наль и Дамаянти» (эпизодъ изъ Магабараты по нѣмецкому Рюкертову переводу), «Рустемъ и Зорабъ» (персидская повѣсть, заимствованная изъ царственной книги Ирана «Шахъ Намѣ», вольное подражаніе Рюкерту).

Отличительная характеристика поэзіи Жуковскаго противоположна характеристикѣ Батюшкова. Батюшковъ, взирая на жизнь со стороны пріятнаго удовлетворенія эстетической потребности матеріальной природы нашей, довольствуется этимъ удовлетвореніемъ, и лишь мысль о конечности всего земнаго порой обращаетъ его мысленный взоръ къ безконечному, родина котораго — небо; Жуковскій, напротивъ того, въ глубинѣ души своей храня идеалы безконечнаго совершенства, безпрерывно поражается противорѣчіями ихъ, встрѣчаемыми на каждомъ шагу въ конечной дѣйствительности: и потому мысленный взоръ его всечастно устремленъ отъ земли къ небу — *туда, куда* любовь и дружба.отсюда переносятъ свои упованія; *туда, гдѣ* нѣтъ лишеній, ибо все *тамъ* вѣчно; *туда, гдѣ* нѣтъ разочарованій, ибо все *тамъ* неизмѣнно; *туда, гдѣ* осуществлятся неудовлетворяемыя *здѣсь* стремленія нашей духовной природы...

Мой другъ, не страшися минуты конца :
Посланникомъ міра, съ лучемъ утѣшенья
Ко смертной постелѣ приникнувъ твоей,
Я буду игрою небесныя арфы
Послѣднюю муку твою услаждать;
Не вопли услышишь грозящія смерти,
Не ужасъ могилы узришь предъ собой;
Но гласъ восхищенный, поющій свободу,
Но свѣтлый, ведущій къ веселію путь,
И прежняго друга, въ восторгѣ свиданья,
Манящаго ясной улыбкой тебя.
О, Нина, о, Нина, безсмертье нашъ жребій.

О, бѣденъ, кто себя переживетъ!
Предъ кѣмъ сей міръ, столь нѣкогда веселый,
Какъ отчій домъ, ужасно опустѣлый :
Тамъ въ старину все жило, все цвѣло,
Тамъ онъ игралъ младенцемъ въ колыбели;
Но время все оттолѣ унесло,
И съ милыми веселья улетѣли;
Онъ ихъ зоветъ... ему отвѣта нѣтъ;
Въ его глазахъ развалины унылы;
Одинъ его минувшій жизни слѣдъ :
Утраченныхъ безмолвныя могилы.

.....

..... И мы въ сей край незримой
Летимъ душей за милыми во слѣдъ;
Но къ намъ отъ нихъ желанной вѣсти нѣтъ;
Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье...
Когда жъ? когда?... Другъ милый, упованье!
Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ;
На коемъ насъ свободы геній ждетъ
Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, забвеньемъ.
Пришедъ туда, о, другъ, съ какимъ презрѣньемъ,
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ;
Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ,

Гдѣ доброму свѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель,
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва иль губитель!...

Прекрасному — *текущее мгновенье;*
Грядущее — безпечно небесамъ;
Что мрачно *здѣсь*, то будетъ ясно *тамъ;*
Земная жизнь, какъ странница крылата,
Съ печалями отъ гроба улетитъ;
Что было здѣсь для добраго утрата,
То жизнь ему другая возвратитъ.

Здѣсь радости — не наше обладанье;
Пролетные плѣнители земли,
Лишь по пути заносятъ къ намъ преданье
О благахъ намъ обѣщанныхъ вдали;
Земли жилецъ безвыходный — страданье;
Ему на часть судьбы насъ обрекли,
Блаженство намъ по слуху лишь знакомецъ!
Земная жизнь — страданія питомецъ.

И сколь душа велика симъ страданьемъ!
Сколь радости при немъ помрачены;
Когда, простясь свободно съ упованьемъ,
Въ величіи покорной тишины,
Она молчитъ предъ грознымъ испытаньемъ,
Тогда... тогда съ сей свѣтлой вышины
Вся Промысла ей видима дорога;
Она полна понятнаго ей Бога.

— И Жуковскій постоянно вѣренъ своему направленію. — Отсюда проистекаетъ сочувствіе Жуковскаго къ романтической поэзіи, въ фантастическомъ мірѣ, которой душа поэта обрѣла согласіе съ собственнымъ настроеніемъ, въ такой степени, что изъ

романтическихъ поэтовъ и ихъ произведеній онъ обращался преимущественно туда, гдѣ находилъ собственные элементы, и даже нѣкоторые изъ произведеній принаравливалъ къ характеристикѣ своей поэзіи, отдаляясь отъ ихъ настоящей характеристики: такъ, Жуковскій изъ германскихъ поэтовъ болѣе сочувствуетъ Шиллеру, и изъ его произведеній избираетъ нѣкоторыя, преимущественно гармонирующія поэзіи его; такъ, изъ англійскихъ поэтовъ онъ придаетъ Байроновой поэмѣ оттѣнокъ своей собственной поэзіи. Отсюда проистекаетъ и то, что даже въ произведеніяхъ, по содержанію своему выходящихъ изъ обыкновенной сферы его поэзіи, Жуковскій вноситъ свой постоянный элементъ: таковы, на примѣръ, нѣкоторыя мѣста въ патріотическихъ его произведеніяхъ «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» и «Воспоминаніе торжества 30 августа 1834 года». — Но многолѣтній опытъ жизненный, устанавливая равновѣсіе между внутреннимъ нашимъ *я* и возмущающею его внѣшностію, мало по малу водворяетъ въ умѣ нашемъ и въ душѣ нашей покойную ясность, которая, правда, бываетъ удѣломъ немногихъ счастливцевъ, получающихъ ее въ награду за терпѣливо вынесенную борьбу въ этой юдоли суетъ и треволненій. Къ такимъ произведеніямъ Жуковскаго — какъ начало уже того успокоенія, которое поэтъ нашелъ нынѣ въ послѣднихъ трудахъ своихъ — принадлежитъ пьеса «Теонъ и Эсхинъ», соединяющая въ себѣ всегдашній элементъ прежней

поэзіи Жуковскаго съ примирительнымъ элементомъ теперешняго ея направленія : —

О, нѣтъ, не ропщу на Зевесовъ законъ :
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнные блага : любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей —

«Вотъ счастье; о, другъ мой, оно не мечта...
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

«При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья,
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной возвышенной цѣли.

«Увы, я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки ль исчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

«О, нѣтъ; никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ;
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть таже любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна...

«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды.
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится!

«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ...

Ахъ, свѣтъ, гдѣ она передо мною цвѣла -
Онъ тотъ же : все сю онъ полонъ.

«По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ : --
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

«Сей мыслью высокой украшена жизнь ;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни ;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ авроры.

«Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна ;
При мысли великой, что я *человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душею.

«А этотъ безмолвный таинственный гробъ...
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что *вѣрно* желанное будетъ ;

«Сей гробъ затворенная къ счастію дверь ;
Отворится... жду и надѣюсь !
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни

.....

«Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ :
Все въ жизни къ великому средство ·
И горесть, и радость — все къ цѣли одной :
Хвала жизнодавцу — Зевесу».

— Здѣсь источникъ обращенія Жуковскаго къ свѣтлому міру классической поэзіи, съ которою онъ свыкаясь постепенно, сначала сквозь романтическую призму Шиллера, наконецъ достигъ полнаго съ нею общенія, столь блистательно проявившагося въ послѣднемъ трудѣ его «Одиссеи» Гомера, въ которомъ онъ подъ старость обрѣлъ себѣ искренняго друга, какимъ онъ былъ и будетъ всегда для всѣхъ временъ и народовъ.

Внѣшняя форма поэзіи Жуковскаго вообще представляетъ высшую степень гибкости, легкости и изящества стихотворнаго языка, особенно обнаружившіяся въ переводахъ его, каковы : «Торжество побѣдителей», «Жалоба Цереры», «Элевзинскій праздникъ», «Замокъ Смальгольмъ», «Судъ въ подземельѣ», «Покаяніе», «Ундина», «Одиссея»; въ частности же соотвѣтствуетъ двойственности внутренне йхарактеристики его поэзіи.— Романтическая поэзія его отличается съ одной стороны музыкальностью стиха, своею сладостною мелодіею вполнѣ соотвѣтствующаго меланхоличности романтическаго чувства, съ другой утонченною живописью, представляющею прекрасныя видѣнія міра романтическаго какъ бы въ волшебной фантасмагоріи; сюда же принадлежитъ и разнообразіе метра, употребляемаго Жуковскимъ въ его переводахъ съ искуствомъ неподражаемымъ : такъ, его стихи равно прелестны, — употребляетъ ли онъ пятистопный ямбъ (какимъ переведена «Орлеанская Дѣва», послѣ которой стихъ этотъ усвоенъ нашей драма-

тической поэзіи), или трехъстопный и четырестопный анапестъ (какимъ переведена баллада «Замокъ Смальгольмъ») или, желаетъ испытать дактили (въ монологѣ Іоанны д'Аркъ «Ахъ почто за мечь воинственный»). Классическая поэзія Жуковскаго выражается крѣпкимъ и яснымъ гекзаметромъ, введеннымъ въ нашъ языкъ Гнѣдичемъ, а у Жуковскаго достигшимъ высшей степени изящества... Въ этомъ отношеніи — какъ замѣчено выше — Гнѣдичъ, Батюшковъ и Жуковскій составляютъ тріумвиратъ, довершившій Карамзинское преобразованіе языка : такъ какъ они трое обогащеніемъ нашей словесности разнообразнымъ содержаніемъ докончили преобразованіе направленія ея, начатое Карамзинымъ.

Еще высокое значеніе Жуковскаго — какъ гражданина, посвятившаго всю жизнь свою высокому подвигу, исполненному имъ въ качествѣ наставника Его Высочества Цесаревича Наслѣдника : въ этомъ отношеніи нѣкоторыя изъ поименованныхъ выше стихотвореній, относящихся къ этому обстоятельству, имѣютъ особый интересъ, и къ нимъ принадлежатъ также стихи предъ «Ундиной»... Здѣсь заключается и возвышенное національное достоинство Жуковскаго, подобно Карамзину... Оттого-то ежедневная народная молитва наша, отозвалась у него этими звуками, которые повторяетъ и не перестанетъ повторять вся Россія :

Боже, Царя храни;
Сильный, державный,

Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ;
Царь православный;
Боже Царя храни!

Разсматривая подробности Карамзинскаго періода, и сравнивая его съ предъидущимъ Ломоносовскимъ, нельзя не видѣть двойственной его характеристики въ этомъ отношеніи: съ одной стороны продолжаются слѣды періода Ломоносовскаго; съ другой возникаютъ новыя начала, положенныя въ основаніе Карамзинымъ и развитыя Жуковскимъ, который, въ свою очередь, въ періодъ третій покоряется Пушкинскому направленію. Это замѣтно во всѣхъ видахъ словесности.

Такъ въ лирической поэзіи вліяніе предъидущаго періода выразилось значительнымъ количествомъ одъ, поэмъ лирическихъ и эпическихъ; новое же направленіе породило такое же количество пѣсень, элегій, посланій. Здѣсь замѣчательны слѣдующіе литературные дѣйствователи: *кн. С. А. Ширинскій-Шихматовъ* (въ монашествѣ *Анникита*)—поэтъ религіозный и патріотическій въ духѣ Ломоносовскаго направленія, — наиболѣе замѣчательны изъ его произведеній «Ночь на размышленія», «Ночи у Креста», «Пѣснь Сотворшему вся», «Пѣснь россійскому слову», поэма «Петръ Великій» и другая «Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ, или спасенная Россія»; *Шатровъ* — поэтъ

преимущественно религіозный, и первымъ его произведеніемъ была «Пѣснь Екатеринѣ Второй», преимущественно же онъ извѣстенъ своими «преложеніями псалмовъ». Два поэта изъ школы Карамзинской, особенно отличавшіеся духомъ, содержаніемъ и формой новой поэзіи, были: *В. Пушкинъ*, — послѣ перваго своего произведенія «Посланія къ Камину», сдѣлавшійся извѣстнымъ разнаго рода лирическими и дидактическими стихотвореніями, писанными — по времени своему — легкими и пріятными стихами; *В. Панаевъ* — преимущественно замѣчательный своими *идилліями*, впервые введенными имъ въ нашу словесность. Сюда же принадлежитъ *кн. П. Шаликовъ* — особенно извѣстный мадригальными стихотвореніями, собранными въ сборникахъ подъ соотвѣтствующими имъ заглавіями «Плодъ свободныхъ чувствованій», «Цвѣты Граціи», «Посланія въ стихахъ», также разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ, имъ самымъ и другими издававшимся; сверхъ того онъ же авторъ чувствительныхъ повѣстей и переводчикъ изъ Шатобріана, г-жи Жанлисъ и пр. — Поэты исключительно съ сатирическимъ направленіемъ: *Милоновъ* — сатирикъ, котораго *посланія* и *сатиры* въ свое время пользовались громкою извѣстностію, *Нахимовъ* — сатирикъ и баснописецъ, съ весьма оригинальнымъ талантомъ и взглядомъ на жизнь, и *А. Е. Измайловъ* — фабулистъ, котораго *басни* и *сказки* отличаются свойственною Хемницеру естественностью, доводимою имъ, однакожъ, до излишества, обнаруживающагося

въ нагой рѣзкости сценъ и характеровъ. Три поэта, въ духѣ лирической поэзіи прежняго времени, но еще болѣе извѣстные и важные по своему литературному вліянію, какъ теоретики стихотворнаго языка и словесности: — *Востоковъ* («Опытъ о русскомъ стихотвореніи», «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ», «Русская грамматика»), *Остоловъ* («Словарь древней и новой поэзіи») и *Мерзляковъ* — замѣчателенъ своими *русскими пѣснями*, впервые испытанными имъ въ нашей словесности, своими *переводами* изъ Горація, Виргилія, и своими *критическими статьями* въ духѣ старой псевдоклассической теоріи). Замѣтимъ еще, что въ началѣ Карамзинскаго періода оканчивали свое литературное поприще стихотворцы періода Ломоносовскаго. Еще должно упомянуть — какъ объ отголоскѣ перваго періода, возбужденномъ событіями отечественной войны, объ эпическихъ поэмахъ: *Грузинцова* («Петріада», «Спасенная и побѣжденная Россія въ IX вѣкѣ») *Свѣчина* («Александроида»), *Анастасевича* («Атила девятаго надесять вѣка») *Теленева* («Наполеонъ въ Россіи») и *Волкова* («Освобожденная Москва»). Изъ переводчиковъ извѣстны: *Воейковъ* — переводчикъ дидактическихъ поэмъ Виргилія («Эклоги» и «Георгики».) и Делиля («Сады»), и *Мартыновъ* — переводчикъ прозой греческихъ классиковъ — Каллимаха (гимны) Эзопа (басни) Пиндара, Анакреона (оды) Гомера («Иліада» и «Одиссея») Софокла (трагедіи) и Лонгина (трактатъ «о высокомъ»). —

Въ драматической словесности также классическія трагедіи и комедіи смѣнялись романтическими драмами и начинавшими вводиться водевилями. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ : *Крюковской* — трагикъ извѣстный своими патріотическими трагедіями («Пожарскій» и «Елисавета, дочь Ярослава»), имѣвшими значительный успѣхъ столько же по отношенію къ предмету своему и содержанію, сколько и по языку стихотворному, какимъ они писаны. — *Кн. Шаховскій* — сочинитель и переводчикъ въ стихахъ и прозѣ классическихъ трагедій («Дебора», «Сирота», «Горація и Куріація», «Абюфаръ»), сочинитель романтическихъ драмъ («Соколъ князя Ярослава», «Иваной», «Буря», «Двумужница», «Финнъ»), комедій, водевилей и оперъ («Женская натура», «Липецкіе воды», «Своя семья», «Не любо не слушай», «Пустодумы», «Какаду», «Урокъ женатымъ», «Аристофанъ», «Коварный», «Полубарскія затѣи», «Ссора, или два сосѣда», «Новый Стернъ», «Любовная почта», «Все дѣло въ окошкахъ», «Криспинъ въ Сералѣ», «Казакъ стихотворецъ», «Животный магнетизмъ», «Крестьяне, или встрѣча незванныхъ», «Ломоносовъ», «Новый Бедламъ», «Новый Пурсоньякъ», «Графъ Ори», «Актеръ на родинѣ», «Игнаша дурачекъ», «Адвокатъ», «Ворожея», «Женщина лунатикъ», «Баккалавръ Саламанкскій», «Фениксъ», «Тетушка», «Женщина-Полковникъ»). — *Хмѣльницкій* — сочинитель и переводчикъ комедій и водевилей, писанныхъ чистымъ и обработаннымъ языкомъ («Говорунъ», «Воздушные замки», «Шалости влюбленныхъ», «Не-

рѣшительный, или семь пятницъ на недѣлѣ», «Свѣтскій случай», «Взаимныя испытанія», «Школа женщинъ», «Тартюфъ», «Русскій Фаустъ», «Греческія Бредни», «Карантинъ», «Бабушкины Попуган», «Актеры между собою», «Нѣтъ худа безъ добра», «Новая шалость», «Новый Парисъ»; драмы: «Царское слово, или сватовство Румянцова», «Зеновій Богданъ Хмѣльницкій», «Оберъ кухмейстеръ Фельтенъ». Еще замѣчательны сочинители драмъ, комедій и водевилей въ духѣ новаго направленія: *Ильинъ* — (драмы «Великодушіе, или рекрутскій наборъ», «Лиза, или торжество благодарности»); *Ивановъ* — (комедіи, «Женихи, или вѣкъ живи вѣкъ учись», «Козачій офицеръ», «Не все то золото, что блеститъ»); *Писаревъ* — (комедіи «Наслѣдница», «Поѣздка въ Кронштадтъ»; водевили «Волшебный носъ», «Забавы калифа», «Учитель и ученикъ» и «Хлопотунъ»). А вотъ прочіе имена сочинителей трагедій, драмъ и водевилей всякаго рода классическихъ и романтическихъ, въ прозѣ и стихахъ: *С. Глинка* (трагедіи «Князь Михаилъ Черниговскій», «Сумбека, или покореніе казанскаго царства»; драмы «Наталья боярская дочь» и «Мининъ»; опера «Ольга Прекрасная»); *Висковатовъ* (трагедія «Ксенія и Тамиръ»); *Грузинцовъ* (трагедіи: «Ираклиды», «Эдипъ Царь» «Электра и Орестъ», «Покореніе Казани»); *Неваховичъ* (драма «Суліоты, или Спартанцы XIX вѣка»); *Зотовъ* (драмы: «Александръ и Софія», «Убійца и Сирота», «Юность Іоанна III, или нашествіе татаръ на Россію» и комедія «Мужчина любовникъ»); *Б. Федоровъ* (драмы: «Клевета

и ненависть», «Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія», «Любовь и добродѣтель», «Небывать фатѣ», «Русскій солдатъ, или хорошо быть добрымъ господиномъ» и комедіи : «Наказанная ханжа», «Ротмистръ Громиловъ»), *Ганинъ* (драмы : «Валеріанъ», «Джонъ, или добродѣтельный Иванъ», «Эльвира, или Роза», «Любимъ», «Слабомысловъ»), *Сандуновъ* (драма «Отецъ семейства») *Кокошкинъ* (комедіи: «Воспитаніе, или вотъ приданое», «Романъ на одинъ часъ»), *Растопчинъ* (комедія «Вѣсти или убитой живой»), *Судовщиковъ* (комедія «Неслыханное диво, или честный секретарь»), *Бухарскій* (комедіи : «Любовная ссора», «Недоконченная картина», «Неумышленная ошибка», «Плата тою же монетою»), *Свѣчинъ* (комедіи : «Ефремъ Бѣлевскій житель», «Злой», «Одоевскій цирульникъ», «По усамъ текло, а въ ротъ не попало», «Часъ ѣзды», «Что у кого болитъ тотъ о томъ и говоритъ»), *Элинъ* (комедіи : «Американецъ въ Европѣ», «Горы, или пустынникъ отъ ревности», «Ошибка въ стихахъ», «Ошибки отъ сходства лицъ»), *Макаровъ* (комедіи : «А для чего бы и не такъ», «Лиза, или истинный братъ»), *Н. Араповъ* (водевили : «Прихоть безъ денегъ», «Секретарь и поваръ», «Статья изъ газеты»), *М. Яковлевъ* (водевили : «Англичанка въ Сералѣ», «Медвѣдь на постоѣ», «Одинъ за четверыхъ»). Изъ европейскихъ писателей преимущественно переводились : Корнель, Рассинъ, (котораго «Федра» и «Гоѳолія» имѣли нѣсколько переводовъ) Шиллеръ,

Коцебу (котораго драмы и комедіи преимущественно переводились), Лафонтенъ, Демутье, Буасси, Пиксерекуръ, Дюваль. Въ числѣ переводчиковъ особенно замѣчательны: *Кокошкинъ*, *Лобановъ*, *Катенинъ*, (переводчики классическихъ трагедій и комедій) *Этингеръ*, *Краснопольскій* (переводчики нѣмецкихъ драмъ, преимущественно Коцебу), *Смирновъ* (переводчикъ изъ Шиллера) и проч.

Въ романѣ и повѣсти замѣчательно, съ одной стороны, вліяніе направленія, сообщеннаго Карамзинымъ, обнаружившагося сантиментальностію, часто переходившею предѣлы; а съ другой обращеніе къ сатирическому направленію, которое принялъ у насъ романъ въ позднѣйшее время, также проявлявшееся слишкомъ въ рѣзкой характеристикѣ. — Въ первомъ отношеніи замѣчательны имена: *П. Львова* «Александръ и Юлія», «Роза и Любимъ», «Россійская Памелла, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки») и *Галинковскаго*, («Часы задумчивости» и «Θеона, или прекрасная Валдайка» (вполнѣ не изданъ, а были напечатаны отрывки въ нѣкоторыхъ журналахъ); во второмъ *А. Измайлова* («Маша», «Евгеній, или слѣдствіе дурнаго воспитанія») и *В. Нарѣжнаго* («Аристонъ, или перевоспитаніе», «Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ», «Славенскіе вечера»). — Изъ переводчиковъ замѣчательнѣйшіе: *Подшиваловъ* (написавшій также собственную автобіографію подъ заглавіемъ «Къ дѣтямъ моимъ»), *В. Измайловъ* (извѣстный своимъ «Путешествіемъ по южной Рос-

сіи») и *Бенитцкій* (котораго оригинальные разсказы: «Ибрагимъ», «На другой день», «Визирь»). — Изъ европейскихъ авторовъ, романы и повѣсти которыхъ были переводимы въ это время, преимущественно могутъ быть поименованы: Лафонтенъ, Дюкре-Дюмениль, г-жа Жанлисъ, г-жа Коттень, Шатобріанъ («Атала» и «Рене» имѣли два перевода) Коцебу, г-жа Радклифъ, Шписъ, Крамеръ, Стернъ, («Жизнь Тристрама Шанди», «Путешествіе Іорика»), Лессажъ («Жилблазъ») Ж. Ж. Руссо («Новая Элоиза»), Сенъ Пьеръ («Павелъ и Виргинія») Мейснеръ, д'Арленкуръ, Пиголебрень и проч. — Здѣсь же необходимо упомянуть *Лабзина* переводчика духовно-нравственныхъ сочиненій нѣмецкихъ писателей въ мистическомъ направленіи — Экартсгаузена и Шиллинга. Это направленіе, имѣвшее сильное вліяніе въ Европѣ какъ реакція скептицизма французскаго, отозвалось нѣкоторымъ образомъ и у насъ этими переводами, гармонировавшими съ идеальнымъ и сантиментальнымъ духомъ тогдашней нашей словесности и возникавшимъ романтизмомъ.

Изъ женщинъ – писательницъ преимущественно замѣчательны: *Бунина*, своими стихотворными произведеніями, въ духѣ классической школы, оригинальными и переводными въ лирическомъ и дидактическомъ родѣ, и *Извѣкова* своими романами въ прозѣ, отличающимися исключительно сантиментальнымъ направленіемъ въ духѣ новой школы. Еще извѣстны имена: *Кричевской, Пучковой, Болотниковой, Волковой* и проч.

Журналистика этого времени продолжалась по

стези, проложенной Карамзинымъ. Его «Вѣстникъ Европы» послѣ него продолжался: въ 1804 году *П. Сумароковымъ*, въ 1805, 1806 и 1807 г. *Каченовскимъ*, въ 1808 г. *Жуковскимъ*, въ 1809 и 1810 г. *Каченовскимъ* и *Жуковскимъ* вмѣстѣ, въ 1811, 1812 и 1813 г, *Каченовскимъ*, въ 1814 г. *В. Измайловымъ*, съ 1815 по 1828 г. *Каченовскимъ*. Прочіе журналы этого періода: «Пріятное съ полезнымъ» *Подшивалова* и *Сахацкаго*; «Новости русской литературы» *Сахацкаго* и *Побѣдоносцева*; «Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія» *П. Сумарокова*; «Московскій Меркурій» *П. Макарова*; «Патріотъ» *В. Измайлова*; «Сѣверный Вѣстникъ» и «Лицей» *Мартынова*; «Журналъ россійской словесности» *Брусилова*; «Московскій Курьеръ» *Львова*; «Другъ Просвѣщенія» *Хвостова*, *Голенищева-Кутузова* и *Салтыкова*; «Корифей» — *Галинковскаго*; «Журналъ для милыхъ» *М. Макарова*; «Московскій зрѣтель» и «Дамскій журналъ» *Шаликова*; «Геній временъ» *Шредера*, *Делакроа* и *Греча*; «Европейскій музей» *Шредера* и *Греча*; «Русскій Вѣстникъ» *С. Глинки*; «Цвѣтникъ» *Измайлова* и *Бенитцкаго*; «Благонамѣренный» *А. Измайлова*; «Амфіонъ» *Мерзлякова*; «Атеней» *Павлова*; «Сѣверный Архивъ» *Булгарина*. Въ это же время началось изданіе двухъ журналовъ, продолжающихся и въ наше время: «Сына Отечества», основаннаго въ 1812 году *Гречемъ* и издававшагося потомъ, имъ то съ *Воейковымъ*, то съ *Булгаринымъ*, а въ наше время перешедшаго подъ другую редакцію,

и «Отечественныхъ Записокъ» основанныхъ въ 1820 г. *Свинынымъ* и возобновленныхъ въ наше время подъ другою редакціею. — Критика, въ началѣ Карамзинскаго періода очень ограниченная, постепенно болѣе и болѣе распространяясь, во второй половинѣ этого періода занята была спорами Карамзинистовъ съ Славянофилами партіи Шишкова, а въ концѣ начинавшею возникать борьбою классицизма съ романтизмомъ, развившеюся вполнѣ и окончившеюся въ періодъ третій.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

ПУШКИНЪ.

Третій періодъ русской словесности кратковременнѣе двухъ предъидущихъ : онъ ограничивается временемъ литературной дѣятельности Пушкина, начало которой, по ея вліянію на словесность, должно считать съ 1820 года, въ который явилась поэма Пушкина «Русланъ и Людмила»: ибо хотя Пушкинъ началъ писать еще за семь лѣтъ предъ тѣмъ; но всѣ раннія произведенія его дѣтской музы, извѣстныя въ собраніи сочиненій его подъ названіемъ «Лицейскихъ стихотвореній», были лишь пріуготовленіемъ къ той поэзіи, которою впослѣдствіи времени ознаменовался его геній. Замѣчательно, что первымъ предметомъ еще дѣтскаго вдохновенія Пушкина была смерть героя отечественной войны князя Кутузова-Смоленскаго : стихотвореніе его по этому случаю, написанное имъ на четырнадцатомъ году своей жизни, напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1813 года.

Кутузова парить духъ будетъ надъ рядами!
Народъ, средь коего сей мужъ родиться могъ,
Не преклонитъ главы предъ хищными врагами,
Возникнетъ новый вождь, и будетъ съ нами Богъ!

И этотъ дитя-поэтъ, въ послѣдствіи времени своими вдохновенными патріотическими гимнами, становится на чреду двухъ предшественниковъ своихъ, нашихъ національныхъ поэтовъ, Ломоносова и Державина [1]). Съ 1815 года стихотворенія Пушкина печатались въ «Россійскомъ музеумѣ» и «Сынѣ отечества». Въ нихъ поэзія Пушкина прошла по всѣмъ фазамъ предшествовавшей ей поэзіи русской. Она заплатила дань Карамзину отрывкомъ изъ поэмы «Бова», также неконченной какъ и «Илья Муромецъ». — Его кантата «Леда» напоминаетъ и форму и содержаніе поэзіи Державина, предъ которымъ читалъ онъ на актѣ въ лицеѣ свое стихотвореніе «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», и потомъ, вспоминая объ этомъ въ лѣта зрѣлыя, говоритъ, обращаясь къ своей музѣ:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ,
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Обмолвился онъ въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ своихъ и мадригальною поэзіею Капниста, Нелединскаго-Мелецкаго и дяди своего В. Пушкина (напримѣръ «Сновидѣніе»). — По обычаю того времени

---

[1]) Сравните пьесы Пушкина „Бородинская годовщина". „Клеветникамъ Россіи", съ одами Ломоносова „На побѣды надъ прусскимъ королемъ" и Державина „На взятіе Варшавы"

онъ также въ своихъ стихотвореніяхъ (каковы на примѣръ «Къ Жуковскому», «Городокъ») выражаетъ свои литературныя сочувствія и убѣжденія и касается современныхъ литературныхъ вопросовъ. — Какъ интересна эта литературная характеристика того времени въ нижнихъ рядахъ литературы, такъ удачно очерченная нѣсколькими стихами :

Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой ;
Варяжскіе стихи визжатъ Варяговъ строй.

....

Тѣ слогомъ Никола печатаютъ поэмы.
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ.
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ храпятъ.

Внушенныхъ поэзіею Жуковскаго стихотвореній, вообще немного (напримѣръ «Наслажденіе»). Но Пушкинъ прекрасно выразилъ значеніе поэзіи Жуковскаго въ этой извѣстной надписи :

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль.
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость

Гораздо сильнѣе было вліяніе поэзіи Батюшкова, которому принадлежитъ большое количество изъ его «лицейскихъ стихотвореній». Особенно характерическія въ этомъ отношеніи пьесы Пушкина : «Къ Натальѣ» и «Къ молодой вдовѣ»; равно «Осгаръ» и «Эвлега» несомнѣнно принадлежатъ скандинавскому

элементу поэзіи Батюшкова. Такова была поэтическая школа ученія Пушкина. — И вотъ новое доказательство историческаго преемства нашей словесности... По отношеніе Пушкина къ предшествовавшимъ ему поэтамъ ограничивалось не однимъ этимъ подражаніемъ имъ въ раннюю эпоху его поэзіи... Нѣтъ, Пушкинъ — какъ представитель третьяго періода нашей словесности, усвоилъ себѣ всю предшествовавшую словесность въ ея главнѣйшихъ представителяхъ двухъ предъидущихъ періодовъ. Мы видѣли прежде родство поэзіи Пушкина съ поэзіею Ломоносова тамъ, гдѣ оба они поражаются колоссальнымъ величіемъ нашего отечества и его могуществомъ. Державинъ — какъ непосредственный преемникъ Ломоносова — явно вдохновляетъ Пушкина въ патріотическомъ его восторгѣ равною настроенностію чувства русскаго, сознающаго себя самое, или въ изображеніи нашей русской природы у обоихъ прочувствованной истинно русскою симпатіей; русское народное слово Крылова узаконено артистически Пушкинымъ поэтическому языку русскому; элегическое углубленіе внутрь самаго себя, въ слѣдствіе неудовлетворенія дѣйствительностію, характеризующее Жуковскаго, не рѣдко отдается весьма близкими созвучіями въ задушевныхъ отголоскахъ поэзіи Пушкина; примиряющійся съ противорѣчіями дѣйствительности, посредствомъ внѣшняго ею наслажденія, эпикуреизмъ Батюшкова пашелъ сильное сочувствіе въ воспріимчивой поэзіи Пушкина; созерцаніе вѣчнаго, всемірнаго изящества

міра древняго, внесенное въ нашу словесность Гнѣдичемъ и развитое артистически Батюшковымъ и гуманически Жуковскимъ, нашло прекрасное согласіе въ Пушкинѣ [1]), оправданное его собственными произведеніями, внушенными этимъ созерцаніемъ. Таково зависимое отношеніе поэзіи Пушкина къ поэзіи двухъ предшествующихъ періодовъ нашей словесности! — Но всѣ эти элементы переплавлены въ горнилѣ самостоятельной поэзіи Пушкина, по духу своему *предлежательной* (объективной) по содержанію *всеобъемлющей* (универсальной), по выраженію художественной (артистической), въ высшей степени. Вотъ непосредственное значеніе поэзіи Пушкина, дарованной имъ нашей словесности въ третій ея періодъ, который по всей справедливости съ него начинается!

По выходѣ изъ школы ученія въ школу жизни, первымъ опытомъ собственной литературной дѣятельности Пушкина была — какъ замѣчено выше — поэма его «Русланъ и Людмила» (явившаяся въ 1820 году), за которою слѣдовали поэмы его «Кавказскій плѣнникъ» (1822), «Бахчисарайскій фонтанъ», (1824), «Братья Разбойники» (напечатаны сначала въ альманахѣ 1825 г., а потомъ особо 1827 г.),

---

[1]) Здѣсь кстати припомнить принадлежащее позднѣйшему времени двустишіе „На переводъ Иліады“ :

Слышу умолкнувшій звукъ *божественной эллинской* рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Вспомните еще его стихотвореніе „Къ Гнѣдичу“ (Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ)

«Цыганы» (написаны, также какъ и «Братья разбойники», въ 1824 г., а напечатаны въ 1827 г.). Въ эту пору, оставивъ подраженіе русскимъ поэтамъ, которыхъ онъ, еще юноша по лѣтамъ, переросъ уже своимъ талантомъ, онъ обращается за руководствомъ къ европейскимъ поэтамъ : кое-что внушено Аріостомъ, кое-что заимствовано изъ Лафонтена и Парни, кое-что навѣяно Шиллеромъ и Байрономъ. Но вездѣ чувствуется *мѣстный колоритъ* : — гоститъ ли фантазія поэта въ первобытномъ мірѣ русской старины; рисуетъ ли художественная кисть его величественный Кавказъ, очаровательный Крымъ, суровое при-Волжье съ его удальцами, степную Бессарабію съ цыганскимъ племенемъ. Постепенно созрѣваетъ талантъ поэта, отъ безцвѣтной идеальности характеризующей «Руслана и Людмилу» и «Кавказскаго Плѣнника» до сознательнаго созданія прекраснаго характера Маріи въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» и оригинальнаго характера Алеко въ «Цыганахъ». Но пора истинно зрѣлаго творчества начинается у Пушкина съ поэмы его «Полтава» (явившейся въ 1829 году) и достигаетъ полнаго своего проявленія въ его драмѣ «Борисъ Годуновъ» (которая начата писать еще въ 1828 г., а напечатана въ 1831 г.) : въ обоихъ этихъ произведеніяхъ Пушкинъ является поэтомъ самобытнымъ, а національный элементъ поэзіи его, какъ въ характерахъ — Мазепы и Кочубея, Самозванца, Марины Мнишекъ и Пимена, (характеры Маріи въ «Полтавѣ» и Бориса Годунова —

драматическіе, но не національны) такъ и въ сценахъ, особенно же въ «Борисѣ Годуновѣ» достигаетъ истинно художественнаго одушевленія. — Въ продолженіе этой эпохи явилась повѣсть въ стихахъ «Графъ Нулинъ», (сперва напечатанная въ альманахѣ 1828 г. а особо въ 1829 году): она отчасти напоминаетъ сказку Дмитріева «Модная жена», отчасти же выражаетъ особенное направленіе поэзіи Пушкина, обнаруженное имъ въ его романѣ «Евгеній Онѣгинъ». Романъ этотъ издавался въ теченіи двѣнадцати лѣтъ главами, изъ которыхъ первая вышла (въ 1825 году) чрезъ пять лѣтъ послѣ начала литературнаго поприща Пушкина, а послѣдняя, восьмая, (въ 1832 г.) за пять лѣтъ до его окончанія: вдвойнѣ интересный и какъ вѣрная картина современной русской жизни, и какъ искренній альбомъ собственной жизни поэта, «Евгеній Онѣгинъ» есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прекрасное художественное произведеніе, представляющее — такъ же типическіе какъ *историческіе* характеры въ «Полтавѣ» и «Борисѣ Годуновѣ» — характеры *современные* — самаго Онѣгина, Ленскаго, Татьяны, Ольги, а въ исполненіи обнаруживающее постепенный успѣхъ таланта Пушкина во всю эту эпоху. Здѣсь начинается послѣдняя пора литературной дѣятельности Пушкина, такъ внезапно прекращенной смертію, характеризуемая, вообще, многосторонностію и разнообразіемъ; въ часности же, обращеніемъ Пушкина къ прозѣ и его поэзіи къ исключительной предлежительности. Этой эпохѣ принадлежатъ

слѣдующія его произведенія, изъ которыхъ весьма немногіе явились при его жизни, большая же часть сдѣлались извѣстны послѣ его смерти : «Сцена изъ Фауста», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы», «Домикъ въ Коломнѣ», «Анджело», «Родословная моего героя», «Мѣдный Всадникъ», «Скупой Рыцарь», «Русалка», «Каменный гость», «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», — сказки : «О Царѣ Салтанѣ», «О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ», «О золотомъ пѣтушкѣ», «О рыбакѣ и рыбкѣ», «О купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и о работникѣ его Балдѣ».— Повѣсти : «Арапъ Петра Великаго», «Повѣсти Бѣлкина», «Пиковая дама», «Капитанская дочка», «Дубровскій», «Лѣтопись села Горохина», «Кирджали», «Исторія Пугачевскаго бунта», разныя мелкія статьи, помѣщавшіяся въ журналѣ «Современникъ», издававшимся имъ при жизни въ 1836 году, а послѣ его смерти въ 1837 году обществомъ литераторовъ. — Постепенное развитіе поэтическаго таланта Пушкина обнаруживается и въ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ его. Нѣкоторыя изъ, такъ называемыхъ, «Лицейскихъ стихотвореній» его, принадлежащія позднѣйшей порѣ его юности, составляютъ какъ бы переходъ къ самобытной поэзіи Пушкина, столь явно обнаруживающейся уже въ такихъ юношескихъ его стихотвореніяхъ какъ «Горацій» или, напримѣръ, эта «Элегія» :

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ

Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожитъ.
Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью .. мнѣ слезы утѣшенье.
Моя душа, объятая тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тьмѣ, пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру — любя!

Припомнимъ здѣсь принадлежащую зрѣлой порѣ таланта Пушкина другую «Элегію»:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье;
Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь уныл. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о, други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И, вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межь горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоній упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Вотъ двѣ крайнія точки постепеннаго развитія поэзіи Пушкина и его собственнаго душевнаго настроенія, представляющія любопытную параллель какъ въ эстетическомъ такъ и въ психологическомъ отношеніяхъ! — Пересчитывать замѣчательнѣйшіе изъ мелкихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина значило бы поименовать найбольшую часть изъ нихъ, ибо между

ними нѣтъ слабыхъ стихотвореній и въ каждомъ изъ нихъ Пушкинъ является тонкимъ художникомъ, и каждое изъ нихъ, имѣетъ свое относительное достоинство и значеніе; да это былъ-бы напрасный трудъ, ибо всѣ они слишкомъ извѣстны всему читающему русскому міру и всегда будутъ составлять драгоцѣнное достояніе русской литературы, которой онъ сообщилъ новое направленіе своею поэзіей [1]).

Въ чемъ же состоитъ характеристика поэзіи Пушкина? — Выше замѣчено, что поэзія Пушкина по духу своему предлежательна. Это свойство, характеризующее высшее развитіе искуства и высшее развитіе таланта художника, не можетъ быть указано ощутительно : оно лишь чувствуется эстетическимъ тактомъ, свыкшимся съ непосредственнымъ созерцаніемъ художественныхъ произведеній. Какъ на нѣторую черту этого свойства, можно указать на пьесу Пушкина «Моцартъ и Сальери», въ которой Пушкинъ, развивая идею отношеній между талантомъ и геніемъ, въ непосредственномъ отрѣшеніи отъ своей личности, такъ усвоилъ себѣ личности Моцарта и Сальери, что, безъ всякихъ указаній историческихъ, угадалъ дѣйствительность отношеній ихъ между собою и представилъ обѣ эти личности въ поразительной возможной истинѣ. — Какъ слѣдствіе объективности, *воспріимчивость* обнаруживается въ другомъ свойствѣ поэзіи

---

[1]) Сочиненія Пушкина изданы, по кончинѣ его, въ одиннадцати томахъ, Спб, MDCCCXXXVIII — MDCCCXLI.

Пушкина — *универсальности.* — Хотите ли имѣть въ высокой степени совершенное воззозданіе міра древняго, читайте «Египетскія ночи», или міра средневѣковаго, читайте «Скупой рыцарь» и «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»; или міра новаго, Италіи и Испаніи, читайте «Анджело» и «Каменный гость», которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и суть опыты Шекспировской драмы, но первый и послѣдній въ этомъ отношеніи далеко превосходитъ два другіе. Хотите ли видѣть нашу первобытную Русь во всей ея неподдѣльности, читайте его «Русалку»; или Россію временъ Петра и Екатерины, читайте отрывокъ изъ романа «Арапъ Петра Великаго» и повѣсть «Капитанская дочка»; сюда же, какъ типическое изображеніе характеристики вельможъ и барскаго быта временъ недавно прошедшихъ, принадлежатъ его стихотвореніе «Вельможа» и его повѣсть «Дубровскій». Хотите ли видѣть Кавказъ во всемъ величіи его природы, во всей оригинальности его горцевъ, читайте прекрасную поэму Пушкина «Галубъ.» — Какъ примѣры изумительнаго усвоенія себѣ другихъ поэтическихъ созданій, должно обратить вниманіе на «Антологическія стихотворенія», «Сцену изъ Фауста», «Подражаніе Данту», «Подражанія Корану», которыя будучи оригинальными произведеніями, могутъ дать лучше всякихъ переводовъ понятіе о колоритѣ греческой антологіи, о духѣ дивной мистеріи Гете, о характерѣ «Божественной комедіи», о поэзіи священной книги магомеданъ; или на «Пѣсни Западныхъ Славянъ»,

которыя будучи переводъ французской поддѣлки Мериме, пропитаны самымъ свѣжимъ духомъ мѣстной національной поэзіи. — А какъ разнообразно содержаніе поэзіи Пушкина! Ему близка природа вообще; вотъ, напримѣръ, изображеніе осени и зимы :

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой :
Красою тихою, блестящей смиренно,
Какъ не любимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ...

.....

Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса;
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой багристою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучь, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь,
Пріятно думать у лежанки...
Но знаешь : не велѣть-ли въ санки
Кобылку бурую запречь?

Вспомните его стихотворенія : «Туча» и «Обвалъ».— Ему былъ присущъ дивный міръ нашей народной фантазіи («Женихъ», «Утопленникъ», «Бѣсы», «Зимній вечеръ»). — Предъ нимъ была обнажена и наша бѣдная природа, напоминающая Гоголевскую природу въ «Мертвыхъ душахъ» («Капризы»).—Онъ былъ согрѣтъ самымъ теплымъ общечеловѣчественнымъ чувствомъ, столь трогательно выраженнымъ этими необыкновенными стихами :

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать:
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила — въ день свиданья,
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Изчезли въ урнѣ гробовой —
А съ нимъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его : онъ за тобой.....

— Но онъ глубоко сочувствовалъ и всемірному историческому значенію («Наполеонъ», «Андрей Шенье», «Къ морю», которое онъ сравниваетъ съ Байрономъ). А какъ постигалъ онъ національное значеніе Петра Великаго («Стансы», «Пиръ Петра Великаго» и нѣкоторые мѣста въ «Полтавѣ» и «Мѣдномъ Всадникѣ»)!

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной :
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Вотъ гдѣ также тѣсное общеніе поэзіи Пушкина съ поэзіею Ломоносова и Державина! — Русское сердце Пушкина сильно билось при мысли объ отечественной славѣ : оно-то впервые окрылило геній Пушкина въ лѣта дѣтства; оно внушало ему и въ лѣта зрѣлые его патріотическіе гимны («Бородинская годовщина», «Клеветникамъ Россіи»). — Какъ поэтъ истинный, онъ сознавалъ значеніе поэта — избранника Божія («Чернь», «Поэту»), и свое собственное національное значеніе («Памятникъ») [1].

---

[1] Литературное profession de foi Пушкина выразилось въ его мнѣніяхъ о старыхъ и новыхъ отечественныхъ писателяхъ — Ломоносовѣ, Тредьяковскомъ, Баратынскомъ, Дельвигѣ и проч (т IX) всѣ онѣ въ высшей степени парадоксальны и вовсе несоотвѣтствуютъ художественному такту Пушкина на практикѣ поэзіи и не представляютъ того артистическаго ясновидѣнія, которымъ отличаются мнѣнія Гоголя (напримѣръ въ его статьѣ „Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?“).

Въ отношеніи внѣшней формы поэзіи Пушкина, вообще, она въ высшей степени художественна; въ частности въ ней выразились всѣ свойства ея внутренней характеристики. Такъ, вопервыхъ, стихъ его совершенно предлежателенъ : онъ звученъ какъ музыка, ощутителенъ какъ живопись, опредѣлителенъ какъ скульптура. Вовторыхъ, стихъ Пушкина чрезвычайно воспріимчивъ и разнообразенъ : ему равно удаются терцины и октавы италіанскія, какъ и гекзаметръ греческій; четырехстопный Ломоносовскій и старинный нашъ александрійскій ямбы воспроизведены Пушкинымъ въ дивно художественной формѣ. — Для примѣра всѣхъ этихъ свойствъ стихотворной формы Пушкина, вотъ два небольшихъ отрывка — одинъ въ шестистопномъ ямбѣ, другой въ гекзаметрѣ :

Я вѣрю, я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней : желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая, харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

Пушкинъ упростилъ процессъ писать легкіе стихи. Послѣ Пушкина нельзя писать *рѣшительно дурныхъ*

стиховъ; но едва ли мы скоро дождемся *такихъ точно* стиховъ какъ писалъ Пушкинъ.

Таковъ Пушкинъ какъ поэтъ самъ по себѣ и по отношенію его къ нашей словесности! — Кратковременно, но плодотворно, было литературное его поприще. Доказательствомъ этого можетъ служить не только обширное значеніе направленія, дарованнаго Пушкинымъ нашей словесности; но и самое разнобразіе литературной дѣятельности Пушкинскаго періода. Оттого и обозрѣніе словесности этого періода требуетъ порядка болѣе синтетическаго, чѣмъ аналитическаго; а по близости къ нашему времени оно можетъ быть болѣе ограничено въ подробностяхъ.

Лирика и тѣсно связанная съ нею повѣствовательная поэзія, или *поэма,* преимущественно отличаются богатствомъ производителей и произведеній.

Изъ нихъ, на первомъ планѣ, послѣ Жуковскаго и Пушкина, красуются *Козловъ, Языковъ, Баратынскій*... Взаимно сравнивая ихъ между собою, находимъ, что Козловъ ближе къ Жуковскому, а Языковъ къ Пушкину, Баратынскій же какъ бы составляетъ средину.

Въ самомъ дѣлѣ, читайте «Чернеца», «Наталью Борисовну Долгорукую», «Безумную» Козлова, его

элегіи («Ночь»), посланія («Къ Жуковскому»), его переводы изъ Байрона, («Новые стансы», «Отрада есть во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ», «Байронъ въ Колизеѣ»), Мицкевича (подражаніе сонету «Увы несчастливъ тотъ»), Шенье (идиллія «Стремятся не ко мнѣ съ любовью и хвалами»), и вы вездѣ встрѣтите *поэзію страданія*, порожденную страданіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшающую въ страданіи. — Поэтъ самъ говоритъ о себѣ :

О, другъ! Поэзія для всѣхъ
Источникъ силы ободренья,
Животворительныхъ утѣхъ
И сладкаго самозабвенья!
Но для меня лишь въ ней одной
Цвѣтетъ прекрасная природа!
Въ ней міръ разнообразный мой!
Въ ней и веселье, и свобода!
Она лишь можетъ разогнать
Души угрюмое ненастье,
И сердцу сладко напѣвать
Его утраченное счастье!

Поэтъ-слѣпецъ, въ своемъ изолированномъ отъ міра внѣшняго положеніи, созидаетъ для себя свой собственный внутренній міръ : здѣсь онъ то сострадетъ своимъ вымышленнымъ страдальцамъ ; то свои собственныя страданія изливаетъ предъ избранными своего сердца, въ сочувствіи которыхъ оно увѣрено ; то передачею поэзіи иныхъ пѣвцовъ доставляетъ себѣ эстетическое наслажденіе, утѣшающее его въ страданіяхъ... Стихи Козлова музыкальны : и въ этой музыкѣ особенно слышится *мелодія* («Венеціянская ночь»).

Не таковъ Языковъ : бойкій, *гармоническій*, въ изящнѣйшей художественной отдѣлкѣ, стихъ его вполнѣ выражаетъ его живое, роскошное воображеніе («Утро», «Вечеръ», «Водопадъ», «Тригорское»)... Особенно характеристическія пьесы Языкова: элегіи — «Ночь безлунная звѣздами», «Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи», стансы «Въ часъ, какъ дѣву молодую», пѣсня «Когда умру, смиренно совершите». Если выстраданный стихъ Козлова, порой, невольно выжметъ слезу изъ очей вашихъ, подобно какъ и въ поэзіи Жуковскаго; то, не менѣе того, наэлектризованная пламеннымъ вдохновеніемъ строфа Языкова, — подобно меткимъ ямбамъ Пушкинскимъ, — невольно разшевелитъ ваше чувство до степени страстнаго увлеченія. Относительное значеніе своей поэзіи самъ Языковъ выразилъ въ стихотвореніи своемъ «Геній»...

Когда гремя и пламенѣя
Пророкъ на небо улеталъ —
Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисея :
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она!

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иного генія полетъ;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ...
И міру новыя свѣтила —
Дѣла избранника небесъ!

У Баратынскаго мы находимъ въ равной степени и поэтическую меланхолію Жуковскаго («Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь», «Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ»), но болѣе жесткую, болѣе рѣзкую, болѣе, такъ сказать, упорную, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Пушкину («Въ дорогу жизни снаряжая», «Глупцы не чужды вдохновенья», «Осень»), выраженіе роковыхъ истинъ жизни, рѣшительное какъ уроки судьбы, порой съ оттѣнками колкой иронiи. И въ поэмахъ своихъ онъ то приближается къ меланхолическому идеалу сѣверной поэзіи, переданной намъ впервые Жуковскимъ («Эдда»); то напоминаетъ Пушкинскаго «Онѣгина» («Балъ»); то выражетъ собственное воззрѣніе на условія жизни въ борьбѣ съ моральною свободою человѣка («Цыганка»). — Вообще у Баратынскаго, и преимущественно въ его мелкихъ стихотвореніяхъ, — *мысль*, часто глубокая, дружится съ сильнымъ, *суровымъ стихомъ* («На смерть Гёте», «Послѣдняя смерть», «Послѣдній человѣкъ»). Но часто даже преобладаніе внутренняго элемента поэзіи его доходитъ до совершеннаго пренебреженія внѣшностію языка. — Баратынскій самъ чувствовалъ суровость своей поэзіи, не дорожащею формой для идеи :

Не ослѣпленъ я музою моею :
Красавицей ее не назовутъ
И юноши узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,

Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

Какъ résumé всей поэзіи Баратынскаго можно указать пьесу: «На что вы дни? Юдольный міръ явленья.»

Къ той же категоріи поэтовъ принадлежатъ: *Хомяковъ* — подобно Баратынскому, поэтъ мысли, но только не сосредоточенной внутрь себя, а обращенной къ современнымъ историческимъ судьбамъ міра («Островъ», «Мечта», «На перенесеніе Наполеонова праха») съ оттѣнкомъ глубокаго національнаго сочувствія, подобно Пушкину, сильно выражаемаго («Ключь», «Россія», «Кіевъ»); *Подолинскій* — поэтъ чувства съ направленіемъ отличающимъ поэзію Козлова, возносящеюся порой до идеальной выспренности Жуковскаго (поэмы его: «Борскій», «Нищій» «Дивъ и Пери»); партизанъ *Давыдовъ* — поэтъ внѣшнихъ впечатлѣній, съ колоритомъ національности, напоминающій своими удалыми стихотвореніями поэзію Языкова, который самъ характеризуетъ его поэзію въ своемъ къ нему посланіи:

Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучій,
И воинственно-летучій,
И разгульно удалой.

Непосредственно принадлежитъ обществу поэтовъ Пушкинскихъ, школьный товарищъ, другъ его и

сотрудникъ литературный — *Баронъ Дельвигъ*, своимъ истинно художественнымъ вкусомъ гармонировавшій съ древней Элладой (идилліи), и своимъ русскимъ чувствомъ съ нашей родной Русью (пѣсни); но ни въ греческихъ идилліяхъ («Дамонъ», «Купальницы», «Титиръ и Зоя», «Цефизъ», «Друзья», «Конецъ золотаго вѣка»); ни въ русскихъ пѣсняхъ («Соловей мой соловей», «Пѣла, пѣла пташечка», «Ахъ, ты ночь ли, ноченька», «Голова ль моя головушка», «Сиротинушка дѣвушка», «Скучно дѣвушкѣ весною жить одной»), онъ не достигаетъ полнаго возсозданія собственной ихъ характеристики; искреннею теплотою сердечнаго чувства и легкимъ, пріятнымъ стихомъ отличаются его романсы («Друзья, друзья, я Несторъ между вами», «Прекрасный день, счастливый день», «Не говори: любовь пройдетъ», «Сегодня я съ вами пирую друзья»).

Стихотворенія *кн. Вяземскаго* характеризуются благородно остроумнымъ тономъ, съ проблесками иногда неподдѣльнаго сердечнаго чувства, легкой и граціозной формой, чуждой всякой чопорности, и жизненнымъ практическимъ направленіемъ, почерпнутымъ изъ опыта; въ позднѣйшихъ же его стихотвореніяхъ проявляется своенародная оригинальность русскаго ума и русскаго слова («Проселки», «Станція», «Дорожная дума», «Самоваръ», «Живописцу Орловскому», «На юбилей Крылова.»

Поэзія *Вельтмана* имѣетъ отпечатокъ своего первобытнаго источника простонародной нашей поэзіи, непосредственно имъ изученной и усвоенной себѣ во

всей первобытной простотѣ и свойственной причудливости и выражаемой въ оригинальной формѣ : отсюда и внутренній элементъ поэзіи Вельтмана — порой унылая задумчивость, погружающаяся въ самое себя, характеризующій наши русскія пѣсни («Зоренька»), порой же игривая веселость, отличающая наши русскія сказки («Муромскіе лѣса»). Внѣшняя форма соотвѣтствуетъ духу этой поэзіи.

Ѳ. Глинка — поэтъ религіозный, отличающійся изящными преложеніями изъ священнаго писанія и возвышенными духовными стихотвореніями («Опыты священной поэзіи»), а также поэтъ-патріотъ, съ горячимъ одушевленіемъ къ родному (напримѣръ «Москва») : отъ возвышеннаго содержанія поэзіи и выраженіе получаетъ силу.

Изъ поэтовъ, преждевременно похищенныхъ смертію у нашей словесности, замѣчательны : *Веневитиновъ*, *Полежаевъ* и *Соколовскій*.

Веневитиновъ, — поэтъ-мыслитель, не потому лишь, что въ поэзіи его господствуетъ опредѣленная мысль; но потому что онъ сознавалъ непосредственное отношеніе поэзіи къ мысли и, будучи жрецомъ искуства, проникалъ и въ таинства науки, служащей источникомъ всѣхъ наукъ и искуствъ, твердо убѣжденный, что «истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ были и глубокими мыслителями, были философами и, такъ сказать, вѣнцемъ просвѣщенія» [1]).—

[1]) Сочиненія Веневитинова, ч II, стр. 29.

Изъ этихъ истинныхъ геніевъ, онъ преимущественно сочувствовалъ Гёте, изъ котораго и переводилъ («Отрывки изъ Фауста», «Сцены изъ Эгмонда» и проч.); называлъ вѣрнѣйшимъ другомъ своимъ Шекспира («Посланіе къ Р–ну»); тосковалъ по отчизнѣ Тасса («Италія»). — Непосредственный его свѣтлый благородный взглядъ на значеніе и достоинства поэта вообще выразился въ пьесѣ его «Поэтъ», обрисовывающей и собственную поэтическую характеристику Веневитинова. — Изъ стихотвореній же, въ которыхъ онъ, высказывая свой взглядъ на жизнь, исключительно проявляетъ свою человѣческую личность, замѣчательны: «Жизнь», «Жертвоприношеніе», «Крылья жизни», «XXXV. Я чувствую во мнѣ горитъ», и наконецъ «Поэтъ и Другъ», въ которомъ Веневитиновъ предугадалъ свое кратковременное въ этомъ мірѣ существованіе и свой близкой конецъ:

Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:
Тому процвѣсть съ развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть,
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Онъ скончался двадцати двухъ лѣтъ. Готовившись серьезнымъ ученіемъ къ дѣльнымъ занятіямъ литературою,

онъ успѣлъ написать немного; это не многое издано послѣ его смерти его друзьями [1]), которые имѣли полное право сказать что «въ этихъ сочиненіяхъ его читатели найдутъ отпечатокъ его прекрасной, высокой души» [2]).

Также безвременная жертва смерти, но поэтъ совершенно инаго направленія, это — Полежаевъ. Въ стихотвореніи своемъ «Вечерняя заря» онъ самъ о себѣ говоритъ :

Я увялъ — и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою,
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою!...
Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей!
Духъ унылъ; въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла;
Міръ души погребла
Въ шумной волѣ любовь...

Впослѣдствіи, отрадный лучь свѣтлаго упованія блеснулъ поэту : это мгновенное озареніе свѣта небеснаго выразилъ онъ въ своемъ стихотвореніи «Я погибалъ». — Изъ пьесъ, въ которыхъ особенно

---

[1]) Сочиненіе Виневитинова, 2 части, М 1829 — 1831
[2]) Ст Виневитинова, ч 1, стр II.

отразилось всегдашнее направленіе поэзіи Полежаева, замѣтательны : «Цыганка», «Ахалукъ» и «Гаремъ». — Пьесами же истиннаго художественнаго достоинства можно назвать : «Пѣснь плѣннаго Ирокейца», «Божій судъ», и переводъ Байронова «Вальтасара», особенно же перифразъ евангельской исторіи о женѣ грѣшницѣ, переданной во всей умилительной священной простотѣ. — Полнаго собранія сочиненій Полежаева нѣтъ : онѣ издавались и при жизни и по смерти его небрежно и безпорядочно [1]).

Соколовскій — поэтъ въ томъ родѣ, который извѣстенъ подъ названіемъ «духовной поэзіи.» — Поэзія эта искони существуетъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Не говоря о поэзіи Данта, — которая, впрочемъ, имѣетъ и другое значеніе, — во всѣхъ литературахъ, издавна и въ наше время, переводились и перелагались стихами псалмы Давида и другія созданія библейской поэзіи, старинные церковные гимны, пѣснопѣнія, сочинялись и собственныя духовныя гимны, оды, пѣсни; воспѣвались предметы міра духовнаго, или библейскія преданія въ эпическихъ поэмахъ; заимствовались для драмъ библейскіе сюжеты. Таковы Жанъ Батистъ Руссо, Ламартинъ, Тассъ, Мильтонъ, Клопштокъ, Рассинъ, («Эсѳирь и Гоѳолія»), Корнель («Поліевктъ»), Шатобріанъ («Мой

---

[1]) Стихотворенія А Полежаева, М 1832 — Кальянъ Стихотворенія Александра Полежаева, М 1838 — Арфа Стихотворенія А Полежаева, М 1838. — Часы выздоровленія, стихотворенія Александра Полежаева, М 1842

сей»). Въ нашей литературѣ тоже Ломоносовъ, Сумароковъ, Державинъ, Шатровъ, перелагали псалмы Давида; Дмитріевъ, Мерзляковъ, Жуковскій, Θ. Глинка писали духовные гимны; Языковъ художественно переложилъ нѣсколько псалмовъ; у Пушкина есть прекрасное преложеніе молитвы Св. Ефрема Сирина; Херасковъ написалъ поэму «Вселенная» и трагедію «Юліанъ отступникъ»; въ новѣйшее время у князя Шаховскаго есть трагедія «Деввора», Муравьевъ сочинилъ трагедію «Битва при Тиверіадѣ.» Отъ Соколовскаго же (о которомъ здѣсь идетъ рѣчь) имѣемъ поэмы — лирическую «Міроздаліе» и драматическую «Хеверь». Обѣ поэмы эти писаны легкими, живописными стихами и не чужды религіознаго одушевленія; но индѣ образъ выраженіе впадаетъ въ вычурность, а вообще первая поэма лишена простоты и естественности библейской поэзіи, и, богатая прекрасными частностями, не выдержана въ цѣломъ, вторая же, какъ драма, мало представляетъ движенія.

Собственно въ послѣдніе годы Пушкинскаго періода, по мѣрѣ своего появленія, пріобрѣли извѣстность : *Тимофѣевъ, Бенедиктовъ, Бернетъ, Ершовъ, Губеръ, Красовъ,* псевдонимъ *Θ., Кольцовъ.*

Въ непродолжительное время литературнаго дѣйствованія Тимофѣева, онъ издалъ подъ заглавіемъ «Опытовъ» томъ стиховъ и два тома прозы : и въ этомъ томѣ стиховъ четыре большія поэмы въ формѣ драматизированныхъ фантазій («Поэтъ», «Жизнь и Смерть», «Елисавета Кульманъ», «Послѣдній день

Помпеи») — поэтическія по идеѣ, но не отличающіеся художественнымъ исполненіемъ, и болѣе полсотни мелкихъ стихотвореній; да и послѣ изданія его «Опытовъ» вышла новая драматическая поэма «Римъ и Карѳагенъ», и притомъ онъ продолжалъ печатать свои стихотворенія въ «Библіотекѣ для чтенія». — Въ мелкихъ его стихотвореніяхъ четыре рода: первый, изобильнѣйшій числомъ стихотвореній, особенный родъ, преимущественно свойственный Тимофѣеву, который можно назвать *юмористическимъ* («Пустынникъ», «Тиролецъ», «Любопытный», «Признаніе», «Совѣсть», «Соловей», «Хандра», «Свѣтъ», «Грамматика», «Воронъ», «Искушеніе», «Старина», «Заздравный кубокъ», «Русская философія», «Завѣщаніе», «Новый годъ»); другой родъ, похожій нѣсколько на *аллегорическій*, въ которомъ образъ дѣлается символомъ идеи («Вѣтеръ и Роза», «Солнце», «Вдали и вблизи», «Луна», «Осенній листъ», «Курганъ», «Комета», «Гроза», «Море и волканъ»); третій родъ, который прилично назвать *элегическимъ*, гдѣ говоритъ внутреннее чувство поэта («Одиночество», «Счастіе», «Утѣшеніе», «Скука», «Пѣшеходецъ», «Возвращеніе на родину»); четвертый родъ составляютъ стихотворенія въ родѣ прежнихъ *одъ*, безъ требованія на это названіе («Человѣкъ», «Дитя», «Время», «Не осуждай», «Призваніе», «Терпѣніе»). Легкіе стихи, хоть невсегда съ удачными риѳмами; присутствіе иногда мысли, но часто неопредѣлительно выраженной; воображеніе живое, но слишкомъ

прихотливое; остроуміе, порой наивное, но большею частію искуственное : вотъ отличительныя качества поэзіи Тимофѣева! — Проза его слишкомъ вычурна отъ желанія придать слогу оригинальность; лучшія его повѣсти : «Конрадъ фонъ Тейфельсбергъ», «Любовь поэта» и «Чернокнижникъ».

Первый дебютъ Бенедиктова на литературномъ поприщѣ былъ изданная въ 1835 году первая книга его стихотвореній; вторая вышла въ 1838 году : въ первой было 48, а во второй 29 мелкихъ стихотвореній. Съ тѣхъ поръ, въ нѣкоторыхъ журналахъ и альманахахъ, нерѣдко встрѣчается имя Бенедиктова — какъ лучшее ихъ украшеніе. — Характеристическія пьесы Бенедиктова, — въ томъ родѣ, который у Тимофѣева названъ «аллегорическимъ», тотъ въ которомъ образъ дѣлается символомъ идеи, каковы : «Волканъ», «Цвѣтокъ», «Искра», «Заря»; преимущественно же удается Бенедиктову живопись : таковы его — «Утесъ», «Облака», «Горныя выси», «Развалины», «Пожаръ»; изъ стихотвореній же, въ которыхъ исключительно выражается задушевная мысль поэта, замѣчательны — «Могила», къ «М-ру», «Къ «Н-му», «Незабвенная»; длинныя пьесы, съ прекрасными частностями, но не всегда выдержанныя въ цѣломъ, — «Море», «Ватерлоо». — Внѣшняя форма поэзіи Бенедиктова соотвѣтствуетъ внутреннему ея содержанію : симпатическій взглядъ на природу проявляется въ неподдѣльныхъ ея изображеніяхъ, свѣтлая мысль поэта выражается то прозрачнымъ, то

глубоко рельефнымъ стихомъ, горячее чувство сообщаетъ искреннюю теплоту сердечнымъ созвучіямъ поэзіи Бенедиктова; самые недостатки ея проистекаютъ изъ ея богатства, неуравновѣшиваемаго при осуществленіи художественною пропорціею. —

Поэтъ, извѣстный подъ именемъ Бернета, помѣщалъ свои произведенія преимущественно въ «Библіотекѣ для чтенія». Существенныя достоинства его : разнообразіе метра и тщательная отдѣлка стиховъ, особенно въ мелкихъ стихотвореніяхъ, равно какъ разнообразіе содержанія въ большихъ поэмахъ, каковы — «Перля», «Луиза Лавальеръ», «Графъ Мецъ», «Вѣчный жидъ», «Елена». Недостатокъ поэзіи Бернета, особенно ощутительный въ его поэмахъ, состоитъ въ неопредѣленности характеристики мѣстности и времени, въ которыхъ вращается содержаніе его поэмъ, и проистекающая отъ нихъ безцвѣтность выраженія, также нерѣдко встрѣчающіяся прозаическія мѣста, ослабляющія впечатлѣніе цѣлаго.

Ершовъ началъ свое поэтическое поприще удачною сказкой «Конекъ Горбунекъ» (имѣвшею нѣсколько изданій). Игривая фантазія, веселый тонъ, легкіе, пріятные и не рѣдко живописные стихи, и искры неподдѣльной народности, съ самой выгодной стороны рекомендовали первый дебютъ поэта. И онъ своими поэмами «Сибирскій козакъ» и «Сузге» (помѣщенными въ «Библіотекѣ для чтенія» и въ «Современникѣ») и своими мелкими стихотвореніями, какъ напримѣръ, «Молодой орелъ», «Ночь на Рождество

Христово», оправдалъ нѣкоторымъ образомъ поданныя имъ надежды.

Стихотворенія Красова впервые появившіяся въ «Библіотекѣ для чтенія» и въ «Отечественныхъ запискахъ», отличаются иногда особенной наивностью и какою-то граціей выраженія; отчего мелодическій тонъ его поэзіи не сжимаетъ души тоской, но разливаетъ въ ней тихую отраду, убаюкивающую насъ сладкимъ забытьемъ — какъ ропотъ мирнаго ручья, какъ шелестъ весенняго вѣтерка, какъ отдаленное эхо томной свирѣли... Таковы его: «Сонъ», «Элегія» («Съ шумнымъ потокомъ, съ весенней волной»), другая «Элегія» («Когда душа скорбитъ, а сердце безъ желаній»), «Воспоминаніе», «Ave Maria», «Вечеръ» и проч.

Поэтъ, подписывающійся — *Θ.* — котораго стихотворенія помѣщались въ «Московскомъ наблюдателѣ» и въ «Отечественныхъ запискахъ», — извѣстенъ своею страдательной поэзіей, которая при всей своей односторонности, имѣетъ удивительную силу сообщительности по своей непритворной искренности: «Собирателямъ моихъ элегій», «Ночное раздумье», «Малютка», «Старая печаль», «Мой геній», «Осенній листъ», «Я не люблю тебя» — все это не варіаціи на пошлую тему разочарованія, но плоды душевной полноты, требующей изліянія, могучіе вопли сердца, трогательно краснорѣчивыя всякому сочувствію.

Губеръ — какъ переводчикъ «Фауста» пріобрѣлъ себѣ значительное имя въ отечественной словесности.

Въ душѣ поэта было родственное сочувствіе съ германской поэзіей, вращающеюся въ сферѣ идеаловъ и самомъ въ себѣ замкнутаго внутренняго чувства... Отсюда происходитъ характеристика собственныхъ его стихотвореній, которыя ни что иное какъ прекрасный поэтическій дневникъ страждущей души поэта, рано разочарованной не сбывшимися мечтами, не достигнутыми стремленіями, не осуществившимися идеалами, которымъ въ жизни встрѣчалъ онъ одни лишь противорѣчія; оттого то поэтъ говоритъ о себѣ :

«Душа моя — пустынная могила,
И много въ ней холодныхъ мертвецовъ.
На долгій сонъ она ихъ схоронила,
И не сочтетъ безвременныхъ жильцовъ.

А подъ часъ невыносимая боль души исторгаетъ у него эти жестокіе вопли :

«Не стало силъ, не стало воли!
Куда я скроюсь отъ страстей,
Отъ горькихъ слезъ, отъ тайной боли,
Отъ страшной немощи моей?

Особенно же рѣзко высказываетъ поэтъ всю скорбную исповѣдь скорбной своей жизни въ стихотвореніи «Разсчетъ», начинающимся вопросомъ : —

«Когда развертываю я
Печальный свитокъ жизни бѣдной,
Итогъ пустаго бытія
И безполезный, и безвредный

И мимо памяти моей
Пройдетъ обычной чередою

Холодный рядъ безцвѣтныхъ дней,
Съ его томительной тщетою;

Тогда рождается во мнѣ
Вопросъ обиднаго сомнѣнья:
Ужели въ страшной тишинѣ
Мой вѣкъ прошелъ безъ назначенья?

Развивая далѣе безцѣльность, безпріютность своего существованія, поэтъ заключаетъ свою исповѣдь этимъ аккордомъ, харатеризующимъ краткій, но печальный вѣкъ его:

«Но нѣтъ, и дикъ, и теменъ онъ
Безъ вдохновенія и силы,
Однообразный вялый сонъ,
Могила жизни до могилы!

Къ такимъ же характеристическимъ стихотвореніямъ относятся его пьесы: «Путь жизни», «Три клада», «Молитва», «Одиночество», «Безсонница».

Но изъ всѣхъ поэтовъ принадлежащихъ послѣднимъ годамъ Пушкинскаго періода, замѣчательнѣйшимъ является Кольцовъ — по оригинальности и самобытности своего таланта непосредственно въ отношеніи его поэтической личности; въ отношеніи же историческаго развитія нашей поэзіи по созданной, силою своего самобытнаго таланта, этого новаго рода поэзіи во всей ея неподдѣльности и естественности: это «пѣсня», и именно *пѣсня русская*... Мы видѣли, что въ Карамзинскомъ періодѣ Карамзинъ и Дмитріевъ старались разшевелить чувство своихъ современниковъ, пѣснями, которыя обращались къ сердцу

человѣческому, а потому и могли находить сочувствіе въ сердцахъ, которымъ была доступна чувствительность; но пѣсни ихъ и ограничивались лишь этой чувствительностію... Мерзляковъ первый сообщилъ своимъ пѣснямъ русскій мотивъ, подслушанный имъ въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ, распѣвавшихся въ томъ классѣ, въ которомъ онъ родился. — Въ началѣ Пушкинскаго періода баронъ Дельвигъ написалъ нѣсколько русскихъ пѣсень, которыя, впрочемъ, не болѣе какъ поэтическія варіаціи на темы русскихъ пѣсень. — Настоящее созданіе у насъ поэтической русской пѣсни во всей неподражаемой, оригинальной и своенародной истинѣ, соединенной съ непритворной человѣчественною искренностію, совершилось въ концѣ Пушкинскаго періода, и честь эта принадлежитъ Кольцову... Природа, окружавшая его жизнь, была источникомъ его поэзіи; а его поэзія находила въ обстановкѣ его жизни богатую почву... Оттого-то онъ одинъ могъ нарисовать эту истинно русскую природу,

Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!...
Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная,

Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ Морю-Чорному
Понадвинулась!
(«Косарь»).

Вспомните также русскую осень и зиму въ пѣсни «Что ты спишь мужичекъ», или бурю въ стихотвореніи «Лѣсъ.» — Еще, тѣмъ болѣе, онъ одинъ могъ нарисовать намъ эту живую картину нашей простонародной жизни, во всей ея патріархальной простотѣ, въ прелестной своей пьесѣ «Урожай» : —

Посмотрю, пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ :

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли.

Словно божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается.

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны чистыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

— Вспомните въ этомъ же родѣ дивную «Пѣсню Пахаря», въ заключительномъ куплетѣ которой, выражена таже задушевная мысль нашего православнаго народа :

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

— Онъ одинъ могъ такъ пристально заглянуть въ душу русскую и извлечь оттуда эти самородные звуки, какими душа русская поетъ про свою радость, и про свое безвременье :

ПѢСНЯ.

Какъ здоровъ, да молодъ, —
Безъ веселья — веселъ;
Безъ призыва — счастье
И валитъ, и ѣдетъ.

Въ непогоду-вѣтеръ
Шапка на макушкѣ;
Проходи попъ, баринъ —
Волоска не тронемъ!

Только думъ, заботы,
У царя-головки:
Погулять по свѣту,
Пожить на распашкѣ;

Свою удаль-силку,
Попытать на людяхъ;
Чтобъ не стыдно вспомнить
Молодое время!...

ИЗМѢНА СУЖЕНОЙ.

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее,
Да не грѣетъ меня молодца!
Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой.

Пала грусть-тоска тяжолая
На кручинную головушку;
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

Я пошелъ къ людямъ за помочью:
Люди съ смѣхомъ отвернулися;
На могилу къ отцу, матери —
Не встаютъ они на голосъ мой.

Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ,
Я упалъ въ траву безъ памяти...
Въ ночь глухую, буря страшная
На могилѣ подняла меня...

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться..

— Онъ одинъ могъ подсмотрѣть такъ вѣрно эту темную сторону семейнаго быта и такъ задушевно по русски высказать въ этихъ пѣсняхъ : —

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова —
Мужа старова ?

Небось, весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія !

Небось, весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемышное !

Небось, сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великой день ;

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ — печаль,
На душѣ — тоску !

Говорятъ родимые :
Поживется — слюбится ;
И по сердцу выберешь —
Да горчѣе придется.

Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтывать,
И съ собою молодость
Безъ разсчета сравнивать !

Какъ женился я, раскаялся ;
Да ужь поздно, дѣлать нечево ;
Обвѣнчавшись — не разженишься ;
Наказалъ Господь, такъ мучайся.

Хоть бы взялъ ее я силою,
Иль обманутъ былъ злой хитростью :
А то волей своей доброю,
Гдѣ задумалъ, тамъ сосватался.

Было кромѣ много дѣвушекъ,
И хорошихъ и таланливыхъ ;
Да ни съ чѣмъ взять — видишь, совѣстно
Отъ своей родни — товарищей.

Вотъ и выбралъ, по ихъ разуму,
По обычаю — какъ водится :
И съ роднею, и съ породою,
Именитую — почетную.

И живемъ съ ней, только ссоримся,
Да роднею похваляемся ;
Да проживши все добро свое,
Въ долги впали неоплатные...
(«Всякому свой таланъ.»)

— Читайте, «Раздумье Селянина», «Горькая доля», двѣ чудныя «Пѣсни Лихача Кудрявича», «Путь»,

«Перепутье», «Доля Бѣдняка», пѣсни — «Не на радость не на счастье», «И всегда тогда», «Я любила его», и вы почувствуете всю разницу настоящей русской пѣсни отъ поддѣлки, какъ бы она искусна ни была. — А не желаете ли маленькихъ лирическихъ драмъ изъ русской жизни, въ которыхъ такъ чудно развертывается русскій характеръ; вотъ онѣ: «Крестьянская пирушка», «Молодая жница», «Косарь», «Послѣдній поцѣлуй», «Деревенская бѣда», «Хуторокъ», «Въ непогоду вѣтеръ», «Говорилъ мнѣ другъ прощающись.» — Но русскій человѣкъ подъ часъ задумывается думой крѣпкою надъ серьезными вопросами, и, будучи не въ состояніи собственнымъ умомъ разгадать загаданное, обращается къ Верховному Просвѣтителю съ «Молитвой»:

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

На крестъ, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цѣли твореній,
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,

Налóжилъ печать:
Печать та на вѣки,
Ее не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода!...

Прости жъ мнѣ, Спаситель!
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ....

Таковы же его думы «Великая тайна», «Неразгаданная истина», «Вопросъ», «Лѣсъ» и проч. — Да, Кольцовъ любопытный феноменъ въ нашей словесности, — еще болѣе какъ намекъ на будущее, нежели какъ осуществленіе въ настоящемъ, той національной харастеристики нашей поэзіи, стремленіемъ къ которой ознаменовался весь Пушкинскій періодъ. — По этой-то причинѣ на немъ остановлено здѣсь болѣе вниманія.

Въ заключеніе обозрѣнія Пушкинскаго періода, должно упомянуть о *Лермонтовѣ*: и хотя въ хронологическомъ отношеніи онъ не входитъ въ предѣлы этого очерка, ибо литературное поприще его въ полномъ развитіи началось лишь съ 1839 года; но такъ какъ оно, продолжаясь весьма недолго, окончилось въ 1841 г. нечаянною смертію, то здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о Лермонтовѣ по отношенію его къ Пушкинскому періоду какъ о поэтѣ, для котораго уже существуетъ потомство. — Лите-

ратурная его характеристика слагается изъ тѣхъ же элементовъ, которые въ полномъ самостоятельномъ проявленіи находимъ у Пушкина. Такъ, внѣшняя форма выраженія, его стихи и проза, отличаются изящною простотою; внутреннее же содержаніе поэзіи не чуждо національному нашему элементу какъ историческому («Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Бояринъ Орша») такъ и современному («Сказка для дѣтей», «Валерикъ»). — Непосредственное же поэтическое направленіе состоитъ въ глубокомъ анализѣ духа современности вообще: такова его поэма «Демонъ», таковъ его романъ «Герой нашего времени» и многіе изъ мелкихъ его стихотвореній, напримѣръ: «Журналистъ, читатель, и писатель», «Не вѣрь себѣ», «1-е января», «Дума», которою онъ въ 1839 году началъ вполнѣ свое литературное поприщѣ. Въ слѣдующемъ году явился романъ его «Герой нашего времени». Подобно Пушкинскому «Евгенію Онѣгину», это былъ одинъ изъ тѣхъ романовъ, —

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Это тотъ (какъ самъ называетъ себя Печоринъ) —

«Нравственный калека, у котораго одна половина души не существуетъ, она высохла, испортилась, умерла, онъ ее отрѣзалъ и бросилъ, тогда какъ другая шевелится и живетъ къ услугамъ каждаго; но этого никто не замѣчаетъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины...»

— Онъ одаренъ отъ природы многими преимуществами, но еще на зарѣ жизни растратилъ ихъ по пустому и потомъ остальную жизнь проводитъ въ горькомъ сознаніи тщеты этого злоупотребленія, заживо погребши себя въ одномъ кратковременномъ прошедшемъ; потому что для него нѣтъ уже будущаго, а настоящее его вѣчная эпитафія себѣ самому...

Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Привичкой жизни избалованъ,
Однимъ на время очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтреннымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ
Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ.

— И вотъ онъ спрашиваетъ самъ себя : —

«Зачѣмъ я живу? для какой цѣли я родился! А вѣрно она существовала, а вѣрно было мнѣ назначеніе высокое : потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ страстей, — лучшій цвѣтъ жизни».

— Вотъ онъ — герой нашего времени — Онѣгинъ, Печоринъ. — Пушкинъ догадливо предупреждаетъ могущій быть здѣсь вопросъ :

Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
Затоль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ;
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Или оскорбляетъ, или смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

— Подобно тому и Лермонтовъ также обращается къ читателямъ : —

«Можетъ быть нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе книги. — Да это злая иронія!... скажутъ они. — Не знаю». —

«Демонъ» Лермонтова также сродни «Демону» Пушкина; «Журналистъ, читатель и писатель» Лермонтова напоминаетъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» предъ Евгеніемъ Онѣгинымъ. — Таково отношеніе Лермонтова къ Пушкину! — Какъ продолжала бы развиваться поэзія Лермонтова: остановилась ли бы на этой точкѣ своего направленія, или же приняла бы иное, болѣе самобытное направленіе? — сокрыто въ безвременной могилѣ поэта...

Вотъ еще нѣсколько именъ, въ алфавитномъ порядкѣ, встрѣчавшихся въ нашихъ журналахъ и альманахахъ : *Айбулатъ, Бороздна, Вердеревскій, Вучичъ, Грековъ, кн. Голицынъ, кн. Мещерскій, Ознобишинъ, Сатинъ Струйскій* (Трилунный) *Сушковъ, Тепляковъ, Туманскій, Филимоновъ, Якубовичъ.* Изъ переводчиковъ извѣстны имена : *Аксакова, Каткова, Менцова,* (изъ нѣмецкихъ поэтовъ) *Струговщикова,* («Римскія элегіи», «Прометей» Гёте и проч.), *Шевырева,* (преимущественно изъ италіанскихъ поэтовъ), *Деларю* (изъ Виргилія и «Слово о полку Игоревѣ»).

Изъ женщинъ поэтовъ, кромѣ *княгини Зенаиды Волконской, Терюхиной* (урожд. Тепловой), *Фуксъ, Павловой, Шаховой, Кульманъ,* свѣтило первой величины, безспорно, — это *гр. Растопчина,* въ богатствѣ собственной поэтической души и въ поэзіи отношеній своихъ къ жизни общественной, почерпающая самые прекрасные мотивы для своихъ поэтическихъ созданій — нѣжныхъ, чистыхъ, задушевныхъ, оригинальныхъ, изящныхъ... Муза этой поэзіи самая прекрасная муза, и вполнѣ достойна этого благороднаго титла, которое подъ часъ такъ недостойно присвояется мужскою поэзіею... Но, что̀ еще важнѣе, для насъ, муза эта раскрываетъ предъ нами міръ для насъ столько любопытный, сколько завѣтный — міръ внутренній души женщины, поэзію свѣтлой мысли — но мысли не ума, а сердца...

Съ благоговѣніемъ проникаемъ мы въ это святилище и съ восторгомъ внимаемъ изъ устъ прекрасной

представительницы своего пола это опредѣленіе назначенія женщины :

Не Онъ ли создалъ насъ, чтобъ съ кротостью, съ терпѣньемъ,
Посланье ангеловъ въ быту земномъ свершить ?
Не Онъ ли намъ велѣлъ быть міру утѣшеньемъ
И отъ житейскихъ смутъ намъ сердце сохранить...
Не Онъ ли одарилъ насъ пламенной душою,
Намъ сердце, чувство далъ, явить въ насъ благодать :
И въ умъ нашъ даръ вложилъ, какъ вѣрой и мольбою
Отступниковъ ума съ святыней примирять ?...
Такъ !... мы посредицы межъ божествомъ и свѣтомъ,
Намъ цѣль — творить добро, намъ весело любить...

— Но женщина не можетъ сосредоточить свое *я* въ самой себѣ : женщина существо двойственное, въ которомъ взаимно гармонируютъ два элемента, по видимому, противоположные — міръ внутренній и міръ внѣшній...

А я, я женщина во всемъ значеньи слова,
Всѣмъ женскимъ склонностямъ покорна я вполнѣ,
Я только женщина... гордиться тѣмъ готова...
Я балъ люблю... отдайте балы мнѣ !...

— Что касается до непосредственнаго достоинства стихотвореній графини Растопчиной, то въ одномъ изъ нихъ она говоритъ :

Поэзія, она благоуханье,
И ѳиміамъ восторженной души,
Но должно ей горѣть и цвѣсть въ тиши,
Но не дано на языкѣ изгнанья
Ей высказать всѣ таинства свои.

И много думъ, и много чувствъ прекрасныхъ
Не имутъ словъ, глагола не найдутъ;
И на душу обратно западутъ...
И больно мнѣ, что въ проблескахъ напрасныхъ
Порывы ихъ на вѣкъ со мной умрутъ.

Мнѣ суждено подъ схимою молчанья
Святой мечты все лучшее хранить,
Знать свѣтъ въ душѣ... и мракъ въ очахъ таить...

— Но поэтическія произведенія гр. Растопчиной показываютъ, что эти прекрасныя думы и чувства ея нашли прекрасное выраженіе въ ея полныхъ жизни и одушевленія стихахъ...

Въ *драматической* словесности, періодъ Пушкинскій, подобно Ломоновскому, счастливѣе комедіей нежели драмой.

Представителемъ собственно *драмы* въ это время — *Кукольникъ*. — Еще свѣжо въ памяти впечатлѣніе перваго произведенія Кукольника «Торквато Тассо», и эта знаменитая критика 1-й книжки «Библіотеки для чтенія». Но и теперь, разсматривая «Торквато Тассо», нельзя не согласиться, что мысль этой фантазіи истинно поэтическая, развитіе характеровъ смѣлое, а языкъ гармоническій, какъ равно и въ другихъ пьесахъ Кукольника — «Джакобо Санназаръ», «Джуліо Мости» и «Доменикино»: и здѣсь тотъ же чудесный

языкъ, и вмѣстѣ та же свѣжесть воображенія, то же богатство пламенныхъ чувствъ и свѣтлыхъ мыслей... Но всѣ онѣ не болѣе какъ *фантазіи* — въ сферѣ родственнаго душевной симпатіи поэта художническаго міра и на почвѣ свѣтлой родины искуства — Италіи. — Подъ ту же категорію могутъ быть подведены драмы его въ другой сферѣ: «Роксолана» — драма въ стихахъ, изъ восточной жизни и «Лейзевицъ» — драма въ прозѣ, изъ литературнаго міра Германіи, произведеніе превосходное по идеѣ, глубоко поэтической, но не удовлетворительное по исполненію отъ излишней полноты развитія. — Двѣ отечественныя драмы Кукольника «Рука Всевышнаго отечество спасла» и «Князь Михаилъ Васильевичь Скопинъ Шуйскій», уступая этимъ въ поэтическомъ достоинствѣ, превосходятъ въ драматическомъ. Существенное же достоинство русскихъ драмъ Кукольника заключается также въ прекрасномъ языкѣ и въ горячемъ, патріотическомъ чувствѣ, которымъ отличаются нѣкоторыя сцены этихъ драмъ, а особенно первой. И онѣ то, этѣ сцены, и были причиной необыкновеннаго ея успѣха на театрѣ. Въ самомъ дѣлѣ: какой Русскій не тронется при сценахъ перваго и послѣдняго актовъ: водвиженіе отъ болѣзненнаго одра Пожарскаго и избраніе на царство Михаила!... Но самое это сосредоточеніе всей силы драмы только въ двухъ актахъ, такъ, что средніе три совершенно лишни, доказываютъ слабость драмы. И въ этомъ случаѣ можно болѣе отдать преимущества драмѣ «Кн. М. В. Скопинъ Шуйскій», въ которой интересъ характеровъ

Ляпунова и княгини Екатерины поддерживается въ продолженіи всей драмы и такъ блистательно оканчивается послѣднимъ актомъ. Но эта драма имѣетъ тотъ недостатокъ, что интересъ главнаго дѣйствующаго лица, самаго князя Скопина Шуйскаго, весьма слабъ въ сравненіи съ интересомъ лицъ второстепенныхъ Ляпунова и княгини Екатерины, такъ что ходъ драмы развивается не въ главномъ лицѣ, а въ этихъ второстепенныхъ лицахъ. — Гораздо отчетливѣе и, какъ произведеніе отличающееся яркимъ колоритомъ народности, — небольшая пьеса «Иванъ Рябовъ.»

Появившаяся въ одно время съ первымъ произведеніемъ Кукольника и имѣющая одинъ съ нимъ предметъ, драма *Кирѣева* «Торквато Тассо» — весьма замѣчательное произведеніе. Но тождество ея съ пьесой Кукольника только въ героѣ. Форма обѣихъ различна. Первая, то-есть Кукольника, — драматическая *фантазія* и написана стихами; вторая, Кирѣева, собственно *драма* и написана прозой и стихами. Первая — произведеніе собственно для чтенія и на сценѣ исполнена быть не можетъ, что̀ показалъ опытъ; вторая съ успѣхомъ можетъ быть дана на театрѣ и искренно растрогаетъ зрителей. Идея обѣихъ пьесъ также различна: Тассъ Кукольника — свободное созданіе поэтическаго вымысла, разцвѣченнаго поразительными подробностями; Тассъ Кирѣева — лицо историческое, обставленное сценами довольно эффектными.

Драмы *Хомякова* «Ермакъ» и «Димитрій Самозва-

нецъ» имѣютъ общія свои достоинства и недостатки: прекрасные стихи, нѣсколько сценъ съ эффектомъ, проблески сильныхъ поэтическихъ характеровъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ преобладаніе лиризма, безцвѣтность языка, не характеризующаго колорита мѣстности и времени, и нѣкоторая эксцентрическая идеальность характеровъ. Во второй болѣе достоинствъ и менѣе недостатковъ.

Баронъ Розенъ написалъ три драмы: «Россія и Баторій» (передѣланная для сцены подъ названіемъ «Осады Пскова»), «Петръ Басмановъ» и «Дочь Іоанна III», да либретто оперы «Жизнь за Царя.» Въ драмахъ Барона Розена интересъ историческій преобладаетъ надъ поэтическимъ и онѣ, удовлетворяя уму, не дѣйствуютъ на сердце; тѣмъ болѣе, что и языкъ ихъ мало поэтическій. а длинныя тирады замедляютъ ходъ дѣйствія, отчего онѣ болѣе походятъ на драматизированные разсказы, нежели на драмы.

Одинъ изъ плодовитѣйшихъ драматическихъ писателей, собственно для сцены — *Н. Полевой.* Первый опытъ его въ этомъ родѣ былъ переводъ Шекспирова «Гамлета», благодѣтельно подѣйствовавшій на измѣненіе сценическаго вкуса и направленія. — Собственныя его драмы «Уголино» и «Смерть или честь» служили продолженіемъ этого вліянія: и въ этомъ отношеніи онѣ весьма значительныя пріобрѣтенія нашего репертуара, хотя литературное, а тѣмъ болѣе художественное, достоинство ихъ слабо. «Дѣдушка русскаго флота», «Иголкинъ», «Параша Сибирячка»,

«Первое представленіе Мельника», «Фелица», «М. В. Ломоносовъ» и проч. — пьесы, писанныя для сцены и имѣвшія успѣхъ отъ сцены, особенно подъ вліяніемъ патріотическихъ чувствъ, которыми онѣ одушевлены: *родное* — такой чувствительный предметъ для сердца русскаго, что обращаясь къ нему всегда можно рисковать на вѣрный успѣхъ; Полевой угадалъ это и очень счастливо воспользовался.

Тоже самое можно сказать о патріотическихъ пьесахъ *Скобелева*. — Попытка въ народной драмѣ *Свиньина* «Меньшиковъ», драматическое представленіе въ трехъ картинахъ, исполнена интереса историческаго. — Также необходимо обратить вниманіе на замѣчательные опыты въ народно-исторической драмѣ *Погодина*, его трагедію «Марфа Посадница» и драматическія сцены изъ жизни Бориса Годунова и Петра Великаго.

Изъ переводчиковъ извѣстны имена: *Шишкова* 2, *Вронченко*, *Ободовскаго*, *Ротчева*, *Раича*, *Якимова*, *Погодина*, *Семенова*, *Панаева*, *Росковшенко*, *Лихонина*, *Павлова*, *Дерикера*. — Утѣшительнымъ явленіемъ здѣсь есть обращеніе къ Шекспиру [1]).

Въ *комедіи* Пушкинскаго періода на первомъ планѣ стоитъ имя *Грибоѣдова*. Въ короткое, подобно Пушкину, литературное поприще — прерванное также безвременнымъ концемъ — Грибоѣдовъ напи-

---

[1]) Переводъ вполнѣ всего Шекспира, предпринятый Кетеромъ по времени появленія своего не принадлежитъ этому обозрѣнію, равно и переводы А. Кронеберга.

салъ только одну комедію: но этою комедіей, по ея самобытности и оригинальности, сдѣлалъ эпоху въ этомъ родѣ. Да, «Горе отъ ума» — произведеніе вполнѣ оригинальное... Здѣсь все оригинально: и вымыселъ, и рама, въ которую поэтъ вставилъ свои прекрасныя изображенія, и самая наружная форма — языкъ комедіи... Оригинальность вымысла доказывается и тѣмъ, что многіе «строгіе цѣнители и судьи» считали эту комедію или неоконченною, или безъ развязки, не догадываясь, что въ ней есть удовлетворительное окончаніе прекрасною развязкой, заключающеюся во *внѣшнемъ* проявленіи *внутренней* сущности идеи комедіи: идея же эта состоитъ въ сознаніи мыслящимъ человѣкомъ жалкой стороны общественныхъ условій, на основаніи которыхъ люди дѣлаютъ сами себя какими-то маріонотками, вмѣсто того, чтобъ быть людьми, и до того свыкаются съ своей вѣчной кукольной комедіей, что, точно, готовы сложить свою болѣзнь съ больной собственной головы на здоровую. И эта-то мысль выражена поэтомъ устами Чацкаго въ его заключительномъ монологѣ: —

Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ,
Вы правы: изъ огня тотъ выдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышитъ воздухомъ однимъ —
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ!

— Рама дѣйствія оригинальна: она просто картина современнаго свѣтскаго общества, живая, одушев-

ленная, движущаяся... Оригинальны и лица этой комедіи, хотя многіе находили въ нихъ или сходство съ чужими образцами, или портреты съ натуры, именно въ слѣдствіе вѣрности изображеній поэта съ современной дѣйствительностію; но ни то, ни другое не основательно... Чацкій, будучи вполнѣ оригиналенъ, самобытно созданъ поэтомъ, не есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, простой очеркъ какого либо особеннаго современнаго характера: это олицетвореніе непосредственныхъ понятій самаго автора о предметахъ вседневнаго воззрѣнія до того, что это лицо можно назвать *идеаломъ* и, можетъ быть, съ этой стороны оно болѣе теряетъ нежели выигриваетъ, но уже поэтому самому оно вполнѣ оригинально. Напротивъ того, характеры, какъ Фамусова, Репетилова, Загорѣцкаго, Скалозуба, Горичевыхъ, Молчалина, Софьи Павловны, Хлестовой, Хрюминой, князя и княгини Тугоуховскихъ, даже г. Н. и г. Д — живые типы, въ представленіи которыхъ столько же изумляетъ наблюдательность поэта, сколько и его искуство осуществленія своихъ наблюденій. — Оригиналенъ и образъ выраженія — языкъ комедіи, превратившійся въ общій народный говоръ; такъ, что десять лѣтъ эта комедія *непечатная* жила въ народѣ, пользуясь такою всеобщею извѣстностію, какой рѣдко достигаютъ многія печатныя творенія.

«Добрый малой», оба «Богатоновы» и «Благородный театръ», — *Загоскина*, выходятъ изъ ряду обыкновенныхъ сценическихъ произведеній,

едва переживающихъ свой театральный сезонъ, и принадлежатъ къ тѣмъ капитальнымъ произведеніямъ, которые, при измѣненіи направленія всеобщаго вкуса, сходя со сцены, принимаются въ литературный архивъ, какъ картины современныхъ нравовъ и интересовъ. Подражаніе «Горе отъ ума» — «Недовольные», комедія Загоскина, ниже своего оригинала — и потому уже, что она подражаніе, и по своему внутреннему достоинству; но языкъ этой комедіи, безспорно, превосходитъ языкъ всѣхъ прочихъ комедій Загоскина и нѣсколько подходитъ къ языку комедіи Грибоѣдова.

Единственное же произведеніе собственнаго *нашего времени*, которое своими самобытными достоинствами относится къ безсмертному творенію Грибоѣдова и служитъ украшеніемъ нашего репертуара, составляя, притомъ, истинное сокровище русской драматической словесности, — это комедія *Гоголя* «Ревизоръ». По своей патріотической цѣли она принадлежитъ къ категоріи комедій Фонъ-Визина, и въ этомъ отношеніи имѣетъ высокое значеніе; по исполненію же она могла бы быть комедіей образцовою, еслибы частности ея гармонировали съ цѣлымъ. Теперь же, изъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой комедіи, въ изображеніи ихъ *Городничій* неподражаемо-естественъ и художественно-вѣренъ; между тѣмъ какъ *Хлестаковъ*, будучи — (по способственнымъ словамъ автора въ «Письмѣ послѣ перваго представленія Ревизора») — «типомъ многаго, разбросаннаго въ русскихъ харак-

терахъ, по которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ» — впадаетъ иногда въ идеальность — не въ смыслѣ противорѣчія дѣйствительности, но какъ преувеличеніе дѣйствительности отъ соединенія въ одномъ фокусѣ разныхъ характерическихъ чертъ.— Точно также и лица второстепенныя — одни, какъ *Петры Ивановичи Бобчинскій* и *Добчинскій* и *Осипъ, слуга* ревизора, — мастерскія изображенія, вѣрныя сами себѣ и своимъ образцамъ въ натурѣ, другія же, какъ *Судья* и *Смотритель богоугодныхъ заведеній*, — болѣе смѣшные чѣмъ вѣрные натурѣ оригиналы, или созданія нерѣшительныя, какъ *Почтмейстеръ* и *Смотритель училища*. Женскія лица — *жена* и *дочь* городничаго, натурально подмѣчены, но не вполнѣ очерчены. — Самый ходъ комедіи, по строго выдержанной идеѣ и непосредственному ея развитію въ общности, составляя гармоническое цѣлое, въ частности впадаетъ иногда въ общій недостатокъ нашихъ комедій — сатирическое направленіе, обнаруживающееся рѣзкостію сценъ и преувеличеніемъ положеній. — Что же касается до выраженія, то языкъ дѣйствующихъ лицъ комедіи естественъ и оригиналенъ, отчетливо выражая нетолько общую характеристику ихъ, но и рѣзко обозначая особенности каждаго, въ самыхъ тонкихъ оттѣнкахъ.— Комедія Гоголя въ литературѣ нашей не имѣетъ достойнаго совмѣстничества, ни подражанія, сколько нибудь заслуживающаго приблизиться къ ней.

Переведенныя съ французскаго и передѣланныя комедіи и водевили : *Булгакова, Каратыгина, Григорьева, Ленскаго, Кони* и *Коровкина* дополняютъ репертуаръ въ комическомъ родѣ.

Родъ словесности, вмѣстѣ съ драмой, исключительно господствующій въ послѣднее время во всѣхъ литературахъ, это — *романъ* и видъ его — *повѣсть*. Здѣсь, какъ и въ драмѣ, главный предметъ — человѣкъ; но, имѣя болѣе обширную раму и болѣе разнообразные способы, романъ можетъ преслѣдовать эту идею вполнѣ, тогда какъ драма ограничивается извѣстнымъ моментомъ. Та точка взгляда, съ которой авторъ развиваетъ свою идею, разнообразитъ свойства и направленіе этого рода словесности : таковы *романы* — историческіе, философическіе, сатирическіе, и проч.

При обозрѣніи словесности перваго и втораго періодовъ нельзя было не замѣтить ограниченности романической словесности... Значительное же количество переводныхъ романовъ и повѣстей доказывало потребность публики... Надо было явиться писателю съ предварительнымъ авторитетомъ и заслуженнымъ уже вниманіемъ публики, и притомъ необходимо было, чтобы этотъ писатель избралъ предметомъ своего романа что-нибудь обще-занимательное... *Булгаринъ*

былъ такой писатель; а его «Иванъ Выжигинъ» вполнѣ удовлетворялъ цѣли быть первымъ романомъ. Это романъ *сатирическій*, какимъ только и могъ быть нашъ первый романъ... Вспомнимъ, что первымъ представителемъ словесности до Ломоносова былъ — Кантемиръ; первые писатели съ проблесками народности — Аблесимовъ, Хемницеръ и Богдановичъ; творецъ русской комедіи — Фонъ-Визинъ; полный представитель народности въ два періода — Крыловъ; къ тому-жъ и первыми попытками въ Карамзинскій періодъ оригинальнаго русскаго романа были сатирическіе романы А. Измайлова и Нарѣжнаго... Успѣхъ «Ивана Выжигина» былъ обширный — естественное слѣдствіе тогдашняго настроенія умовъ, приготовленнаго чтеніемъ Вальтеръ-Скотта и возбуждаемаго поэмами Пушкина и повѣстями Марлинскаго. — Вслѣдъ за «Иваномъ Выжигинымъ» явились и первые наши историческіе романы «Юрій Милославскій» *Загоскина* и «Димитрій Самозванецъ» его же, Булгарина: они явились своевременно; оттого и имѣли такой успѣхъ... Не много прошло времени съ тѣхъ поръ до появленія «Рославлева» и «Петра Ивановича Выжигина»; но уже была не то, — а и того менѣе при появленіи «Аскольдовой могилы», «Мазепы» и «Записокъ Чухина»: не смотря на то, что «Мазепа», кромѣ интереса историческаго, не чуждъ занимательности романической. Булгаринъ болѣе уже не писалъ романовъ; Загоскинъ же продолжалъ издавать романы — «Искуситель», «Тоска по родинѣ», «Мирошевъ»; но вкусъ публики,

съ распространеніемъ высшихъ требованій искуства и обогащеніемъ русской литературы произведеніями высшаго достоинства, значительно измѣнился.—Вообще говоря о достоинствѣ романовъ Булгарина и Загоскина, можно сказать, что романы Загоскина, превосходя романы Булгарина искуствомъ разсказа и поэтическимъ интересомъ, поэтому самому, читаются какъ-то легче и пріятнѣе; но за то у Булгарина исторія играетъ роль болѣе важную и вымыселъ тѣснѣе связывается съ истиной историческою. — Что касается до повѣстей и сатирическихъ статей Булгарина и Загоскина, то, сравнивая ихъ, нельзя не замѣтить, что очерки Булгарина, будучи слѣдствіемъ многолѣтняго опыта и зоркаго наблюденія, отличаются практическою положительностію; картины же Загоскина, какъ произведенія искуства, отличаются мастерствомъ разсказа живаго, легкаго и, при томъ, блестятъ колоритомъ народности — не изученой, подражательной, но подмѣченной и потому естественной... Слогъ того и другаго чистъ; но слогъ Булгарина болѣе правиленъ, слогъ Загоскина болѣе естественъ.

«Киргизъ-Кайсакъ» — *Ушакова*, при появленіи своемъ, былъ по достоинству лучшимъ романомъ: впрочемъ, познаніе сердца человѣческаго и удачная характеристика общественныхъ нравовъ, соединенная съ поэтической идеей созданія, состоящею въ противоположности отношеній героя и героини въ общественномъ быту, дѣлаютъ этотъ романъ достой-

нымъ занять почетное мѣсто въ нашей литературѣ. Юмористическій романъ его «Котъ Бурмосѣко», равно мелкія сатирическіе статьи его и повѣсти, отличаются неприторнымъ добродушіемъ, составляющимъ оригинальную черту его литературной характеристики, придающую произведеніямъ его особенный оттѣнокъ, по которому тотчасъ можно узнать автора.

«Поѣздка въ Германію» и «Черная женщина», *Греча* — замѣчательныя произведенія дарованія разнообразнаго : филологъ, романистъ, нувелистъ и фельетонистъ, рецензентъ и редакторъ самыхъ огромныхъ изданій... Есть нѣчто особенное, что называютъ благороднымъ тономъ, который отличаетъ какъ людей, принадлежащихъ лучшему обществу, такъ и литературныя произведенія лучшаго тона : это отличительная черта романовъ Греча. — Кромѣ того, неоспоримо, въ «Черной женщинѣ» есть страницы, исполненныя увлекательнаго сердечнаго краснорѣчія.

Два романа *Н. Полеваго* «Клятва при гробѣ Господнемъ» и «Аббаддонна» — первый историческій, второй философическій въ томъ родѣ, образецъ котораго показалъ Гете въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ» — также весьма значительныя произведенія литератора — труженика, писавшаго отечественную исторію, издававшаго журналъ и по обязанности критика слѣдившаго за ходомъ современной отечественной литературы. При соображеніи болѣе внимательномъ перевѣсъ остается на сторонѣ перваго : въ немъ идея историческая такъ тѣсно связана съ идеей поэтической,

что поэзія становится исторіей, а исторія поэзіей, что и составляетъ цѣль историческаго романа, который есть не что иное какъ *поэзія исторіи;* во второмъ же идеальное беретъ верхъ надъ реальнымъ, между тѣмъ какъ *философія поэзіи*, — канва философическаго романа, — есть строгая гармонія идеальнаго съ реальнымъ, поэзіи съ жизнію. — Собраніе повѣстей и разсказовъ *Н. Полеваго* подъ заглавіемъ «Мечты и жизнь» справедливо и вѣрно характеризуетъ этотъ сборникъ. Что такое «Блаженство безумія», «Живописецъ», «Эмма»? — какъ не та единственная пламенная *мечта*, которая питала и согрѣвала душу автора въ минуты сладостнаго самозабвенія въ мірѣ идеальномъ?... Оттого и впечатлѣніе, производимое этими повѣстями на читателей, уподобляется откровенной дружеской исповѣди прекрасной души... А «Разсказы русскаго солдата» и «Мѣшокъ съ золотомъ»? — Это русская *жизнь* на распашку... По примѣру Новиковскаго «Живописца», Полевой сначала помѣщалъ въ своемъ «Телеграфѣ», потомъ издалъ особою книжкой сатирическія статьи подъ заглавіемъ: «Новый Живописецъ общества и литературы» (М. 1832, 6 частей). Это разнообразная панорама описаній, наблюденій, замѣчаній — живописныхъ, остроумныхъ, одушевленная высокою идеей, которой эти изображенія составляютъ развитіе, идеей патріотическою въ своемъ побужденіи, благотворною въ своемъ

примѣненіи. Вотъ слова самаго Полеваго въ предисловіи къ «Живописцу»: —

«Есть пороки, недостатки, дѣла, которыхъ не можетъ преслѣдовать правосудіе гражданское, и которые только свистъ сатирической лозы заставляетъ трепетать: нападая на ихъ, преслѣдуя ихъ, мы исполняемъ долгъ благомыслящихъ гражданъ, споспѣшествуемъ — осмѣлимся сказать — благимъ намѣреніемъ правительства, которое развивая умъ и руки своими мудрыми учрежденіями, требуетъ чтобы мы соотвѣтствали благимъ его подвигамъ» [1]).

— И Полевой постоянно вѣренъ этой высокой цѣли!

«Семейство Холмскихъ» — романъ *Бегичева*, заключающій въ себѣ правдивую картину провинціальныхъ нравовъ; большое достоинство ему придаетъ нравственное направленіе, которымъ постоянно одушевленъ авторъ въ пламенномъ желаніи добра вмѣсто существующаго зла. Почти, но не совсѣмъ то же, можно сказать о романѣ того же автора «Ольга», въ которомъ это нравственное направленіе нѣсколько утрировано. Но его «Провинціальныя сцены» — истинно мастерское произведеніе въ своемъ родѣ.

Къ той же категоріи принадлежитъ романъ *Степанова* «Постоялый дворъ», занимательный и по идеи, которая — не смотря на двойственную завязку романа — выдержана съ начала до конца, и по изложенію, такъ что занимательность романа увеличивается съ каждою главою, и наконецъ по слогу, который простъ, даже иногда до шероховатости,

---

[1]) Новый Живописецъ, часть I, стр. XIX

но выразителенъ; и притомъ, на каждой страницѣ, вы встрѣчаете множество умныхъ замѣчаній, или мыслей, высказанныхъ отъ души. — По смерти автора «Постоялаго двора» изданъ новый его романъ «Тайна»: и въ немъ, какъ и въ перомъ романѣ, во внѣшнихъ его подробностяхъ сокрыта внутренняя нравственная цѣль. — Изъ повѣстей Степанова лучшею можно назвать «Прихоть».

Едвали не самый плодовитый изъ нашихъ романистовъ, это — *Вельтманъ*. Талантъ его разнообразенъ и оригиналенъ. Возьмите всѣ его романы вмѣстѣ и каждый порознь... Что за чудный калейдоскопъ!... «Странникъ», «Кащей безсмертный», «Святославичь», «Бѣглецъ», «3448-й годъ», «Александръ Филиповичь Македонскій», «Лунатикъ», «Сердце и думка», «Виргинія», «Генералъ Каломеросъ»... И здѣсь все оригинально: и идеи автора, и образы, въ которыхъ онъ осуществляетъ этѣ идеи, и слогъ, и манера изложенія... Фантазія его неистощима и нерѣдко бываетъ даже прихотлива, но всегда болѣе, или менѣе, граціозна... А какъ онъ понимаетъ русскій духъ!... Народность Вельтмана — настоящая народность: она цвѣтетъ въ его твореніяхъ своею, всегда новою, жизнію и отражается въ самыхъ яркихъ чертахъ. И это не безотчетное усвоеніе себѣ народности, а слѣдствіе изученія [1]). — Жаль только, что

[1]) Нельзя при этомъ не вспомнить перевода Вельтмана „Слова о полку Игоревѣ".

всѣ произведенія Вельтмана лишь прелестные *очерки*, изъ которыхъ авторъ могъ бы составить прекрасное цѣлое, но ограничился только *намёками*. — Тоже можно сказать и о его повѣстяхъ, каковы напримѣръ «Эротида», «Радой» и проч.

Историческіе романы *Массальскаго* («Стрѣльцы», «Черный ящикъ», «Бородолюбіе», «Регенство Бирона») представляютъ любопытныя подробности интереснѣйшей эпохи новой отечественной исторіи, которая характеризуется борьбою старыхъ элементовъ съ новымъ порядкомъ общественнымъ, внѣдреннымъ геніемъ преобразователемъ Россіи — Петромъ Великимъ.

Романъ-біографія, имѣющій весь интересъ исторіи и всю занимательность романа, это сочиненіе *К. А. Полеваго* «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ» — превосходное въ своемъ родѣ и по цѣли, и по плану, и по исполненію... При чтеніи его нельзя отъ души не сказать: *таковъ* былъ Ломоносовъ!

Но безспорно первыми по высокому самостоятельному достоинству изъ нашихъ романовъ, это романы *Лажечникова* — «Послѣдній Новикъ», «Ледяной домъ» и «Басурманъ». — Какимъ образомъ поэзія соединяется съ исторіей и взаимно проникается ею въ историческомъ романѣ? — Это тайна искуства... Мы чувствуемъ этотъ таинственный союзъ, но не можемъ постигнуть сущности его процесса... Оттого-то въ произведеніи геніальныхъ романистовъ кажется, будто они не поэтизируютъ событія историческія, а создаютъ изъ богатства собственной

фантазіи, являющей предъ нами яркіе образы былаго; такъ, что поэзія здѣсь не прикраса истинѣ, а призма очарованія, въ которой нагая истина радужится и плѣнительно увлекаетъ насъ въ область видѣній — фантастическихъ, но уже знакомыхъ душѣ нашей, которая не воспроизводитъ въ первый разъ эти идеи, а только оживляетъ ихъ воспоминаніемъ въ новомъ, очаровательномъ видѣ. — Таковы романы *Лажечникова*!

Наконецъ, остается еще упомянуть о трудахъ писателей, каковы: *Перовскій*, — подъ псевдонимомъ *Погорѣльскій*, — извѣстный своимъ прелестнымъ романомъ «Монастырка»; *Калашниковъ*, избиравшій мѣстностію для своихъ романовъ Сибирь, каковы: «Дочь купца Жолобова», «Камчадалка» «Изгнанники» и проч.; *Зотовъ*, замѣчательный своею плодовитостію, изъ романовъ котораго особенно замѣчательны: «Леонидъ», «Таинственный монахъ», «Фра-Діяволо»; *Штевенъ*, интересно разсказавшій въ своихъ романахъ «Провидѣніе» и «Цыганъ» два истинныя произшествія, поразительныя своими ужасными подробностяаи; *Невѣринъ и Каменскій* — своими романами «Мужъ Эгоистъ» и «Искатель сильныхъ ощущеній» предъявившіе въ себѣ остроумныхъ и пріятныхъ разскащиковъ; *Корсаковъ*, удачно дебютировавшій на этомъ поприщѣ романомъ «Креолка и Европеецъ», весьма лобопытнымъ своими подробностями; *Башуцкій*, котораго «Мѣщанинъ» —

поучительная книга изъ опыта жизни, — и нѣкоторые другіе [1]).

Точныхъ предѣловъ между повѣстью и романомъ положить нельзя. *Повѣсть* — или романъ въ миніатюрѣ, то-есть съ меньшею степенью развитія, или то, что въ эпопеѣ называется эпизодомъ, — сцены изъ жизни, а не самая жизнь.

Въ историческомъ отношеніи, здѣсь первое мѣсто принадлежитъ *Марлинскому*, начавшему и продолжавшему свое литературное поприще вмѣстѣ съ Пушкинымъ... Нѣкогда имя его и «Русскіе повѣсти и разсказы» возбуждали энтузіазмъ, какой возбуждали не многіе у насъ литературныя произведенія. — Не увлекаясь безусловными похвалами прежнихъ и нынѣшнихъ поклонниковъ Марлинскаго, но и не раздѣляя односторонняго мнѣнія его порицателей, замѣтимъ, въ отношеніи сравнительнаго достоинства его произведеній, что его «Амалатъ-Бекъ», «Мулла Нуръ», «Страшное гаданіе», также живописно-поэтически, а его «Латникъ», «Лейтенантъ Бѣлозоръ» и «Мореходъ Никитинъ», также оригинально-заманчивы, какъ неестественны — его свѣтскія повѣсти «Испытаніе» и «Фрегатъ Надежда», какъ безцвѣтны его русскія повѣсти «Наѣзды», «Романъ и Ольга» и нѣмецкія «Замокъ Нейгаузенъ» и «Ревельскій турниръ», хотя каждая изъ нихъ не безъ достоинствъ

[1]) Романы Кукольника, хронологически, выходитъ изъ предѣловъ этого обозрѣнія.

(особенно напримѣръ, «Фрегатъ Надежда» и «Ревельскій турниръ»), равно какъ и первыя не безъ недостатковъ; но достоинства на столько превышаютъ недостатки, что вообще всѣ эти повѣсти, въ свое время, могли читаться такъ, какъ онѣ читались; особенно припомнивъ, что тогда не было имъ никакого совмѣстничества. Главнѣйшій же источникъ очарованія, которое производили повѣсти Марлинскаго, заключается преимущественно въ его разсказѣ — оригинальномъ, принадлежащемъ одному ему и ему одному приличномъ. Но въ полномъ блескѣ этотъ особенный тонъ изложенія Марлинскаго отразился въ «Кавказскихъ очеркахъ»... Кто не помнитъ этихъ отрывковъ изъ дневника странника, гдѣ душа его выражается въ каждомъ словѣ, гдѣ сердце его высказывается въ каждой фразѣ, гдѣ цвѣты ума его блестятъ на каждой страницѣ, а его бойкое остроуміе оживляя этотъ альбомъ его завѣтныхъ впечатлѣній, придаетъ ему особенный оттѣнокъ, характеризующій его литературную личность рѣзкими чертами... Прибавьте къ этому живописныя картины мѣстности, гдѣ порой, среди общихъ мѣстъ, дѣйствительно попадаются эскизы, въ которыхъ слова, стольже вѣрно, какъ краски, передаютъ внутреннимъ очамъ души читателя типическіе образы внѣшней природы. По мѣрѣ того какъ, въ наше время искуство достигаетъ художественной простоты, противоположной вычурности направленія, которому вѣренъ былъ Марлинскій, прежнее къ нему увлеченіе прошло

безвозвратно; но и теперь, подъ-часъ, съ удовольствіемъ можно возобновить въ памяти нѣкоторыя изъ его повѣстей; а «Кавказскіе очерки» останутся навсегда автобіографическими силуэтами самаго автора.

Кто не помнитъ повѣстей *Барона Брамбеуса*, наполнявшихъ первый годъ «Библіотеки для чтенія»: «Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ частяхъ», «Любовь и смерть», «Повѣсти», «Предубѣжденіе»? Нѣсколько сатирическихъ статей, помѣщенныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ», да статьи въ обѣихъ частяхъ «Новоселья», Смирдина и «Фантастическія путешествія» дополняютъ итогъ произведеній по части изящной словесности Бар. Брамбеуса. Отличительное достоинство этого писателя — неистощимое остроуміе... Да, именно неистощимое... Кажется, загадочный Баронъ открылъ гдѣ нибудь неизсякаемый родникъ остротъ, которыя безпрерывно плодятся подъ перомъ его и смѣшатъ самого серьезнаго читателя. Заглавный эпиграфъ «Фантастическихъ путешествій»: «У всякаго барона своя фантазія» характеризуетъ ихъ исключительную оригинальность.

Повѣсти и разсказы *Кукольника* двухъ родовъ — первыя италіянскія, вторыя русскія; преимущество на сторонѣ послѣднихъ, особенно тѣмъ, которыя заимствованы изъ эпохи Петра Великаго, изученной авторомъ съ трудолюбіемъ привилегированнаго ученаго, воспроизведенной съ поразительною вѣрностью талантомъ истиннаго художника; притомъ же русскія повѣсти отличаются художественной объективностію

изложенія, типической картинностью представленія и безукоризненной подлинностью разговорнаго языка своего времени.

Первымъ представителемъ современной повѣсти, физіологически наблюдающей общество и психологически человѣка, предъ концемъ Пушкинскаго періода усвоенной нашей литературѣ, былъ *Павловъ*.

«Человѣкъ равно вездѣ достоинъ вниманія, потому что въ жизни каждаго человѣка, кто-бы онъ ни былъ, какъ-бы ни провелъ свой вѣкъ, мы встрѣтимъ или чувство, или слово, или произшествіе, отъ которыхъ поникнетъ голова, привыкшая къ размышленію. Приглядись къ мирному жильцу земли, къ послѣднему изъ людей: — въ немъ найдешь пищу для испытующаго духа точно также, какъ въ человѣкѣ, который при глазахъ цѣлаго міра пронесся на волнахъ жизни изъ края въ край, кого закинутъ онѣ на высоту безсмертнаго счастія, или бросятъ въ пропасть безсмертныхъ бѣдствій. Сильный характеръ обнаруживается часто въ тѣсномъ кругу, подъ домашнею кровлей, причудливый случай выбираетъ иногда жертву незамѣтную, и его поучительные удары падаютъ безъ свидѣтелей, посреди тихаго семейнаго быта, какъ падаетъ молнія на спутника, застигнутаго бурею въ безплодной степи.»

— Вотъ идеалъ современной повѣсти и вмѣстѣ идеалъ повѣсти Павлова, имъ самимъ начертанный! Ко всѣмъ шести повѣстямъ его — «Ятаганъ», «Именины», «Аукціонъ», «Маскарадъ», «Демонъ», «Милліонъ» идетъ девизъ ихъ: *domestica facta*... Въ артистическомъ отношеніи, онѣ характеризуются интересомъ идеи и блистательной отдѣлкой слога, но иногда изысканнымъ выраженіемъ и не всегда правильнымъ языкомъ [1]).

[1]) Безспорно отличается въ этомъ родѣ повѣсти гр Сологубъ, котораго повѣсти, однакожъ, хронологически, не принадлежитъ этому обозрѣнію, равно, по этому же, и повѣсти И. И. Панаева

Истинно же лучезарнымъ феноменомъ вообще въ этомъ родѣ словесности является писатель, начавшій литературное поприще въ началѣ Пушкинскаго періода, хотя значительнѣйшія изъ его произведеній и полное собраніе его сочиненій принадлежатъ послѣднему десятилѣтію нашей словесности. Это *кн. Одоевскій* — философъ-поэтъ и писатель самобытный. При обширной учености, высокомъ артистическомъ образованіи, изящномъ вкусѣ и блестящемъ остроуміи, онъ обладаетъ пламеннымъ воображеніемъ и поэтическимъ настроеніемъ духа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самой тонкой наблюдательностію и самымъ глубокимъ познаніемъ *природы, искуства, человѣка и общества.* Отсюда проистекаютъ *четыре* различные направленія его таланта, четыре міра, составляющіе сферу его произведеній: міръ чистой *фантазіи,* міръ *художническій,* міръ *идеальный* и міръ *практической* жизни. Къ первому принадлежатъ повѣсти, напримѣръ, «Сильфида» «Саламандра»; ко второму «Послѣдній квартетъ Бетховена» «Себастьянъ Бахъ» и другія; къ третьему, напримѣръ, «Городъ безъ имени»; къ четвертому, каковы: «Княжна Зизи» и «Княжна Мими». Въ первомъ замѣчательно сходство съ Гофманомъ, во второмъ и третьемъ съ Жанъ Поль Рихтеромъ, въ четвертомъ самостоятельное наблюденіе автора въ томъ кругѣ общества, къ которому онъ принадлежитъ. — Собственный вкусъ, непосредственное настроеніе духа каждаго изъ читателей и степень душевной воспріимчивости

выберутъ любое изъ его произведеній. Но въ каждомъ изъ нихъ они найдутъ чѣмъ можно увлечься, надъ чѣмъ призадуматься, чему научиться...

Два писателя, начавшіе свое литературное поприще подъ вымышленными именами *Казака Луганскаго* и *Грицька Основяненка*, представляютъ въ своихъ произведеніяхъ съ дагеротипной вѣрностью живописныя картины нашей разнообразной природы и разнороднаго народнаго быта. — Даль написалъ множество сказокъ, повѣстей и очерковъ въ родѣ такъ называемыхъ въ наше время физіологій; въ своихъ русскихъ сказкахъ онъ удивительно поддѣлался не только подъ оригинальный складъ русской рѣчи, но даже подъ оригинальность смысла народнаго; а умѣнье придать этой поддѣлкѣ видъ живой натуральности, соединенное съ неподдѣльною веселостію и неистощимымъ остроуміемъ, дѣлаютъ его «Русскія сказки», единственными въ своемъ родѣ произведеніями. Повѣсти его какъ напримѣръ, «Хмѣль», «Сонъ и Явь», «Расплохъ», «Цыганка», «Болгарка», «Майна», «Бикей и Мауляна» и проч., живо изображая различныя мѣстности, служатъ какъ бы поэтической этнографіей нашей Руси. Его очерки въ родѣ «Дворника», «Деньщика», «Водовоза» и проч. чрезвычайно характеристически знакомятъ съ различными сословіями нашего русскаго простонародья... Здѣсь то важное достоинство произведеній Даля, не только литературное но и народное. — Такое же значеніе, въ меньшей сферѣ, имѣютъ и

повѣсти *Квитки.* — Малороссійское нарѣчіе ихъ причиною, что онѣ не имѣли въ читающей публикѣ такого успѣха, какого заслуживаютъ по своему достоинству : это самая чистая, безъискуственная картина южной Руси — прелестная какъ природа Малороссіи, простая какъ бытъ ея жителей, оригинальная какъ ихъ нравы, — поразительная своею вѣрностію, очаровательная своею неподдѣльною естественностію... Большая часть его повѣстей, переведенныя съ малороссійскаго нарѣчія, были напечатаны въ «Современникѣ» подъ редакціею Плетнева (изъ которыхъ примѣчательнѣйшія : «Маруся» и «Вотъ любовь!») а также въ альманахѣ Владиславлева «Утренняя заря» («Божьи дѣти»). Его романъ «Панъ Халявскій» — мастерская картина нравовъ описываемой въ немъ эпохи, вѣрная фактически до *nec plus ultra.* Другой же романъ въ этомъ родѣ «Жизнь и похожденія Столбикова» гораздо слабѣе.

Наконецъ, писатель въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ вознесшійся до высочайшей поэзіи и безукоризненной художественности, — это *Гоголь*, явившійся на литературномъ поприщѣ въ послѣдніе годы литературнаго поприща Пушкина. Отличительная характеристика его произведеній — *юморъ*, по собственному его выраженію [1]), «озирающій всю громадно-несущуюся жизнь, сквозь видимый міру смѣхъ,

---

[1]) См „Мертвыя души“, „Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія комедіи“ и „Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ душъ“, въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями Гоголя.“

и незримыя, невѣдомыя ему слезы». Этотъ-то юморъ микроскопически вѣрно раскрываетъ «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь», безпощадно строго выставляетъ наружу «пошлость жизни» вообще и «пошлость пошлаго человѣка въ особенности», — на томъ основаніи, что, «положительное и отрицательное могутъ служить той же цѣли, что комедія и трагедія могутъ выразить ту же высокую мысль.» Но сурово поприще и безрадостна судьба писателя, «дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи». Онъ долженъ пожертвовать собою... «Не избѣжать ему отъ современнаго чуда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце и душу и божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнцы и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной. жизни и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій, восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между

имъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха»... Таковъ Гоголь какъ художникъ, имъ самимъ изображенный!... И точно, отъ его комедій и повѣстей не разъ сожмется сердце трагическимъ ощущеніемъ; въ повѣстяхъ его историческаго содержанія представленіе достигаетъ эпическаго достоинства; въ поэмѣ «Мертвыя души» мысли его принимаютъ иногда лирическій полетъ. — Литературное поприще Гоголя началась «Вечерами на хуторѣ близъ Диканки» — сборникомъ малороссійскихъ повѣстей и разсказовъ въ 2 частяхъ, вышедшихъ въ 1831 и въ 1832 годахъ; въ 1835 г. явились «Арабески» — собраніе литературныхъ статей, между которыми были повѣсти «Невскій проспектъ» и «Записки сумасшедшаго»; въ томъ же году подъ заглавіемъ «Миргородъ» изданы четыре повѣсти: «Старосвѣтскіе помѣщики», «Тарасъ Бульба» «Вій» и «Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»; въ слѣдующемъ 1836 году представлена въ первый разъ его комедія «Ревизоръ» и въ «Современникѣ» Пушкина напечатаны: «Утро дѣловаго человѣка», «Коляска» и «Носъ». Съ тѣхъ поръ Гоголь не издавалъ ничего до 1842 года, въ который явились его «Мертвыя души» и полное собраніе сочиненій его, въ которомъ, кромѣ вышепоименованныхъ, помѣщено много новыхъ [1]); но хронологически они

[1]) Въ этомъ собраніи сочиненій изъ новыхъ сочиненій Гоголя помѣщены: „Римъ“ (отрывокъ), „Шинель“ (повѣсть), „Женитьба“, „Игроки“, „Тяжба“, „Лакейская“, „Отрывокъ“ (сцены), „Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія комедіи.“ — Въ 1847 году изданы „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Гоголя.“

не входятъ уже въ предѣлы этого обозрѣнія : такъ какъ равно и литературное значеніе Гоголя принадлежитъ *настоящему* десятилѣтію нашей словесности, а послѣдствія этого значенія *будущности* нашей литературы.

Изъ прочихъ писателей повѣстей припомнимъ замѣчательнѣйшіе лица : *Погодина, П. Сумарокова, Сомова* (подъ псевдонимомъ *Порфирія Байскаго*), *Кирлгофа, Владиславлева, Барона Корфа, Гребенки, Каменскаго*, и проч.

Изъ писательницъ повѣстей литература наша справедливо можетъ гордиться нѣкоторыми, которыхъ повѣсти и разсказы, украшая наши журналы, изданы потомъ и отдѣльно. Вотъ онѣ : *Жукова* («Вечера на Карповкѣ» 2 ч. 1838, повѣсти, 1840); *Ган* (собраніе ея повѣстей, печатавшихся въ Библіотекѣ для чтенія» и «Отечественныхъ запискахъ» подъ именемъ *Зенаиды Р—вой*, изданы въ 1843 г., въ 4 ч.); *Дурова* (разсказъ собственной ея оригинальной и исторической жизни, подъ именемъ *Александрова*, заключается въ трехъ сочиненіяхъ : «Кавалеристъ дѣвица», «Записки Александрова, дополненіе къ запискамъ Кавалеристъ дѣвицы», и «Годъ жизни въ Петербургѣ» ; кромѣ того романы : «Гудишки», «Кладъ», «Уголъ», «Ярчукъ» и собраніе повѣстей и разсказовъ въ 4 частяхъ 1839, заключающихъ въ себѣ повѣсти : «Нурмека», «Игра судьбы», «Лютгарда», «Черемыска»); *графиня Растопчина* («Очерки боль-

шаго свѣта *Ясновидящей*»)[1]). — Чтобъ удостовѣриться, *что такое* женская литература и *чѣмъ можетъ быть*, прочтите, напримѣръ, — повѣсти Жуковой : «Судъ сердца», «Мои курскіе знакомцы», «Падающая звѣзда» ; Ганъ : «Теофанія Абіаджіо», «Напрасный даръ»; Дуровой : «Лютгарда» (напечатанная предварительно въ «Отечественныхъ Запискахъ», подъ заглавіемъ «Павильонъ»); обѣ повѣсти графини Растопчиной... Вникните въ особенныя свойства женской словесности... Какая тѣсная связь этого языка съ самою идеей, имъ выражаемой, которая въ глубинѣ души облекается уже въ эту особенную форму, оттого и проникаетъ въ душу!... И опять, какимъ неподдѣльнымъ, тихимъ, но не менѣе того сильнымъ, одушевленіемъ проникнуты эти произведенія! Это одушевленіе есть тайна искусства : но гдѣ же источникъ этого одушевленія болѣе чистый, болѣе искренній, какъ не душа женщины?... Прибавьте еще, что и сантиментальность мужская, которая нерѣдко лишь усиліе казаться чувствительными, должна уступить чувствительности женской — чувствительности по преимуществу, потому что она идетъ отъ сердца... Да и самый вкусъ мужской, какъ бы онъ ни былъ теоретически или практически совершенъ, не сравнится съ этою инстиктивной способностью женщинъ

---

[1]) Повѣсти Закревской и романы Шишкиной, по времени появленія, не принадлежатъ этому обозрѣнію.

къ изящному, посредствомъ которой онѣ быстро открываютъ изящество и вмѣстѣ съ тѣмъ превращаетъ въ изящное все вокругъ себя... Наконецъ, эта преимущественная принадлежность женщинъ, которую называютъ граціей, не есть ли неотъемлемая собственность ихъ однихъ, и притомъ та мощная сила, которою онѣ покоряютъ все, что не можетъ устоять противъ этой силы?... А кто столько смѣлъ, что можетъ хвастаться этимъ, да и кто откажется отъ этой покорности?...

Съ Пушкинскаго періода у насъ начали переводить Вальтеръ Скотта и потомъ Купера; переведены почти всѣ ихъ романы : какъ? — это уже другой вопросъ! — На заглавіи большей части переводовъ выставлено : «переводъ съ французскаго», да и тѣ, гдѣ красуется «переводъ съ англійскаго» весьма подозрительны. — Замѣчательнѣйшіе переводчики были : *Писаревъ, Половцевъ, де-Шаплетъ,* особенно послѣдній. Со второй половины этого періода переводимы уже въ не маломъ количествѣ историческіе романы : Фанъ-деръ-Фельда и юмористическіе романы Поль-де-Кока. Въ это же время переведены : «Сенъ-Марсъ» — А. де-Виньи, «Амиранте» — г-жи Абрантесъ, «Еврей» — Спиндлера, «Обрученные» — Манцони, «Елена» — миссъ Эджвортъ, «Эпикуреецъ» — Томаса Мура, романы Маріета, Моріера, Гюго, Жоржъ Занда. Прибавимъ еще, для полноты, имена Бальзака, Жанена, Евгенія Сю, Маттюрена, Сувестра, Сентина и проч. Въ «Библіотекѣ

для чтенія» и «Сынѣ отечества» переведено многое множество повѣстей французскихъ : Бальзака, Жанена, Дюма, Нодье, Мишель Ремона, Скриба, Сулье, Сувестра, Мюсе, Мериме, г-жи Дюдеванъ (Жоржа Занда) и Ребо, и съ англійскаго : Маріетта, Дикенса, Гаррисона, леди Декръ, мистрисъ Троллопъ, г-жи Краонъ. Изъ числа переводившихъ преимущественно замѣчательны : *Ситникова*, *Зражевская*, *Ишимова*, *Очкинъ*, *Э. Коршъ* и проч.

Журналистика наша въ періодъ Пушкинскій принимаетъ направленіе, рѣзко отличающее ее отъ предшествовавшей журналистики періода Карамзинскаго. Кромѣ продолжавшихся журналовъ о которыхъ, было говорено въ періодѣ Карамзинскомъ, — Пушкинскому собственно поріоду принадлежатъ журналы : «Московскій Вѣстникъ» — *Погодина*, «Московскій Телеграфъ» — *Н. Полеваго*, «Телескопъ» — *Надеждина*, «Московскій Наблюдатель» — подъ редакціею *Андросова*. Всѣ эти журналы, издававшіеся въ Москвѣ, — исключая послѣдняго — прекратились къ 1834-му году, съ котораго журналистика наша сосредоточена въ Петербургѣ и приняла гораздо обширнѣйшій объемъ въ «Библіотекѣ для чтенія», издававшейся Смирдинымъ подъ редакціею

Сенковскаго; «Сынъ отечества», измѣнивъ прежній свой планъ, издавался два года подъ редакціею Н. Полеваго въ объемѣ «Библіотеки для чтенія». Въ послѣдній годъ жизни Пушкина, онъ, помѣщавшій сначала свои произведенія въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина, въ «Литературной Газетѣ» Дельвига и въ «Библіотекѣ для чтенія» Смирдина, началъ самъ издавать журналъ «Современникъ», издававшійся еще по кончинѣ его отъ его имени обществомъ литераторовъ, а съ 1839 года онъ перешелъ подъ редакцію *П. А. Плетнева* [1]). — *Критика* въ этихъ журналахъ также приняла діаметрально-противуположное прежнему направленіе, обнаружившееся разрушеніемъ прежнихъ литературныхъ теорій, преданій и авторитетовъ. Первымъ и самымъ рѣзкимъ органомъ этой новой критики былъ начавшійся издаваться съ 1825 года «Московскій Телеграфъ» Полеваго. — Было нѣчто прекрасное въ этомъ юношескомъ увлеченіи, въ которомъ проявлялась реакція новой критики — критикѣ отживавшей, державшейся старыхъ теорій, преданій и авторитетовъ. Самымъ ревностнымъ провозвѣстникомъ романтизма былъ «Московскій Телеграфъ.» Вспомните, статью Полеваго «О романахъ В. Гюго и вообще

---

[1]) Въ предположеніи болѣе ограниченнаго объема третьяго періода — какъ извѣстнѣйшаго своими подробностями, — здѣсь не вычисляются всѣ періодическія изданія этого періода, а поименованы лишь главнѣйшіе и имѣвшіе опредѣленный характеръ и вліяніе на словесность этого времени, равно не принадлежатъ сюда и перемѣны въ текущемъ десятилѣтіи

о новѣйшихъ романахъ» въ 1831 г. и статью Марлинскаго «О романѣ Полеваго *Клятва при гробѣ Господнемъ*» въ 1833 году: эти обѣ статьи составляютъ эссенцію тогдашнихъ провозглашеній о романтизмѣ, и въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ въ нашей литературѣ историческое значеніе. Въ этой борьбѣ литературныя идеи, мало по малу устанавливаясь, достигли теперешняго направленія, рѣшительно обнаружившагося въ нашей журналистикѣ, съ 1839 года [1]). Но здѣсь оканчивается объемъ этого очерка русской словесности: такъ какъ настоящее десятилѣтіе принадлежитъ новой, послѣ Пушкина, эпохѣ нашей словесности.

1) Въ 1839 году въ Петербургѣ началось обновленное изданіе „Отечественныхъ Записокъ“ подъ редакціею А. А. Краевскаго. — Въ слѣдующемъ же году (1840) въ Москвѣ началъ выходить журналъ „Москвитянинъ“, издаваемый М. П. Погодинымъ, при дѣятельномъ участіи по части литературной критики С. П. Шевырева.

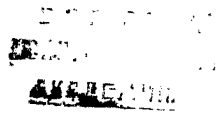
ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Существеннымъ *предметомъ* этого очерка русской словесности былъ опытъ изложенія развитія отечественной словесности въ *объемѣ* столѣтія отъ Ломоносова до смерти Пушкина, съ *цѣлью* преимущественно общедоступности.

Для этого, при *изложеніи* предположено: во первыхъ, представить постепенный ходъ словесности въ ея главнѣйшихъ представителяхъ, съ краткимъ перечнемъ общаго литературнаго движенія въ каждый изъ періодовъ; во вторыхъ, изобразить главныя идеи, занимавшія общественное и литературное вниманіе въ каждый періодъ; въ третьихъ, характеристику каждаго изъ литературныхъ дѣйствователей и сущность идей, господствовавшихъ въ каждомъ періодѣ, выразить преимущественно *фактически*, такъ сказать, собственными словами литературныхъ дѣйствователей нашей словесности, въ которыхъ отражались бы и собственная ихъ личность и относительное ихъ литературное вліяніе; въ четвертыхъ, вдаваясь въ

подробности при обозрѣніи времени, удаленнаго отъ насъ на историческое разстояніе, ограничивать ихъ по мѣрѣ сближенія съ новѣйшимъ временемъ, болѣе извѣстнымъ.

Вотъ данныя, на которыхъ основывается этотъ трудъ, предлагаемый нынѣ вниманію отечественной публики и суду критики.



СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе 5

Введеніе.

Кантемиръ. — Тредьяковскій 9

Періодъ первый.

Ломоносовъ 25

Сумароковъ 40

Петровъ. — Херасковъ. — Княжнинъ 45

Богдановичъ. — Хемницеръ. — Аблесимовъ 62

Державинъ. — Фонъ-Визинъ 69

Общее обозрѣніе словесности перваго періода 139

Періодъ второй.

Карамзинъ 161

Дмитріевъ 197

Муравьевъ. — Шишковъ 204

Озеровъ 218

Крыловъ 224

Гнѣдичъ. — Батюшковъ. — Жуковскій 228

Общее обозрѣніе словесности второго періода 251

Періодъ третій.

Пушкинъ 261

Развитіе словесности въ третьемъ періодѣ : —

Лирика 276

Драма 306

Романъ и Повѣсть 315

Журналистика и Критика 336

Заключеніе 339

ОПЕЧАТКИ.

стран.	*стр.*	*напечатано :*	*слѣдуетъ читать :*
10	11	совершеннымъ	совершеннаго
31	15	дидактическая поэма	дидактическую поэму
35	16	изъ трехъ	изъ трехъ частей —
—	26	Ломоносовъ	«Ломоносовъ
37	31	утренния	утренния
39	2	принесшаго	принесшее
—	4	упреками	упрекали
51	4	въ эпопеи	въ эпопеѣ
76	1	Филицѣ	Фелицѣ
84	1	приказала	приказано
92	31	поэтическихъ	патріотическихъ
141	11	*кн. Голенищевъ-Кутузовъ*	*Голенищевъ-Кутузовъ*
143	5	вспомнимъ, что — основателемъ	— вспомнимъ, что основателемъ
149	25	Ричардсоновъ	Ричардсоновы
153	12	«Вѣстникова съ вещью»	«Вѣстникова съ семьею»
154	18	великія	Великія
195	29	«Исторія государства россійскаго»	«Исторіи государства россійскаго»
220	30	Дюсисова	Дюсисовой
236	18	любви	любови
245	32	въ фантастическомъ мірѣ, которой	въ фантастическомъ мірѣ которой
253	8	Мерзляковъ —	Мерзляковъ (
—	18	побѣжденная	побѣдоносная
—	19	въ IX вѣкѣ	въ XIX вѣкѣ
255	8	«Оберъ кухмейстеръ Фельтенъ».	«Оберъ-кухмейстеръ Фельтенъ»).
264	18	у обоихъ прочувствованной	у обоихъ равно прочувствованной
267	3	одушевленія	осуществленія
271	9	превосходитъ	превосходятъ
293	20	природу,	природу : —
299	14	загаданное	загадочное
309	6	эксецетрическая	эксцентрическая
310	въ прим.	Кестеромъ	Кетчеромъ
313	27	способственнымъ	собственнымъ
320	4	преслѣдодовать	преслѣдовать
323	17	замѣчательны	занимательны
331	6	«Пошлость пошлаго человѣка въ особенности»	«Пошлость пошлаго человѣка» въ особенности